

3

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ—1985

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 1

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

БАКУ—1985

О М

М
нейши
том по
языка
лектор
В
уровне
вспомн
Н. К.
скому
а зате
среди
кой и г
На
ствий
тюркол
разно
фактов
менном
статочн
Во
ненных
которо
в резу
разно
нормой
Или ж
систем
лишь в
Разуме
ном ма
1.
взаимо
вариан
огузско
ния та
руются

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Г. Ф. БЛАГОВА

О МЕСТЕ МЕЖУРОВНЕВЫХ ЯВЛЕНИЙ В РАЗВИТИИ ТЮРКСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Межуровневое взаимодействие в развитии языка, как одна из важнейших научных проблем, включается в последние годы Научным советом по диалектологии и истории языка при Отделении литературы и языка Академии наук СССР в программу регулярных совещаний диалектологов и историков языка¹.

В тюркологии, как и в индоевропеистике, проблема взаимодействия уровней в языке не является новой, ранее не изучавшейся. Достаточно вспомнить, например, хотя бы о том внимании, которое уделял Н. К. Дмитриев «грамматическому развитию слова»², то есть историческому переходу лексически самостоятельных слов в разряд служебных, а затем некоторых из них — в число морфем. Иными словами, уже в середине нашего века ученый исследовал взаимодействие между лексикой и грамматикой тюркских языков.

Наблюдения над различными аспектами межуровневых взаимодействий в развитии тюркских языков продолжают накапливаться советской тюркологией. Однако, к сожалению, собранные материалы разрознены и разнородны. И хотя дальнейшая инвентаризация вновь обнаруживаемых фактов этого рода — дело, разумеется, весьма важное, все же при современном уровне языковедческих исследований было бы совершенно недостаточно ограничиваться только этим.

Возможный путь к осмыслению и обобщению накопленных разрозненных наблюдений — это установление того места в языковой системе, которое в процессе развития языка стало занимать явление, возникшее в результате межуровневого взаимодействия. В связи с этим целесообразно определить, стало ли это явление общенародной или литературной нормой, то есть проникло ли оно в центральную часть языковой системы. Или же наоборот: с самого начала оставаясь на периферии языковой системы, это явление оказалось своего рода аномалией, зафиксированной лишь в отдельной группе памятников или даже в единичном памятнике? Разумеется, все эти вопросы могут быть рассмотрены только на конкретном материале, и чем шире его охват, тем убедительнее будут выводы.

1. В порядке продолжающейся инвентаризации можно говорить о взаимодействии морфонологии и морфологии в тюркском склонении. Так, варианты падежных морфем, например, дательного падежа в склонении огузского типа считаются фонетическими. В кыпчакском же типе склонения такие варианты при учете их парадигмной дистрибуции квалифицируются как морфологические. Дат. *-ga*, *-ka* закреплён здесь за именами

без аффиксов принадлежности, равно как и за именами с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица множественного числа. Дат. *-a* маркирует только имена с аффиксами принадлежности 1-го—2-го лица единственного числа и 3-го лица обоих чисел.

Причиной такой специализации прежних фонетических вариантов явилось следующее. В кыпчакском склонении развились противопоставления как внутри посессивно-именной парадигмы (по числу), так и между частью этой парадигмы (1-е—2-е лицо единственного числа и 3-е лицо), с одной стороны, и именной парадигмой — с другой. Возникшее противопоставление потребовало формального выражения. Для этого было использовано различие в строении аффиксов дательного падежа (ср. *-a*, но *-ga-a*, *-k-a*), что привело в данном случае к взаимодействию между морфологией и морфологией.

Поскольку это взаимодействие осуществлялось на базе одной из узловых грамматических категорий и обслуживало принципиально важные противопоставления, результат этого взаимодействия стал общепородной нормой для тюркских языков кыпчакской группы, действующей и поныне.

2. Остановимся на взаимодействии лексики и грамматики в тюркских языках. Наблюдается несколько разновидностей такого взаимодействия.

а) В средние века, когда в тюркских языках, особенно южных регионов, отмечался массовый приток заимствований из арабского, а также персидского и других иранских языков, широкое распространение в тюркских языках получило аналитическое глаголообразование. С его помощью осуществлялась транспозиция имен-арабизмов и фарсизмов в сферу тюркского глагола. Развитие аналитического глаголообразования при этом было связано с принципиальной невозможностью для тюркских языков заимствовать глаголы из арабского и иранских языков из-за коренных различий в их глагольных структурах³. Позднее, в периоды новой и новейшей истории, из-за столь же коренных различий в глагольных структурах тюркских языков, с одной стороны, и русского (славянских), с другой, аналитическое глаголообразование продолжает оставаться в тюркских языках активным способом производства глаголов от русских (славянских) основ, причем часто — от инфинитива.

Здесь налицо взаимодействие лексики и словообразования. Аналитическое глаголообразование в тюркских языках было призвано транспозировать не единичные заимствования, а массовый их поток. Неудивительно поэтому, что аналитическое глаголообразование укоренилось в словообразовательных системах многих тюркских языков, став там общепородной нормой.

б) В средневековых тюркских памятниках слово *saɣu* характеризуется известной неустойчивостью лексико-грамматических свойств. Как самостоятельное имя со значением «сторона» *saɣu* выступает в субстантивных функциях, имея при себе определения — указательные и вопросительные местоимения (*bu saɣu* 'эта сторона', *ul saɣu* 'та сторона', *qaj saɣu* 'какая сторона'), прилагательные (*šimalī saɣu* 'северная сторона'). Как имя *saɣu* может склоняться, принимать аффикс множественного числа (*ul saɣu-lar* 'те стороны'), а также именной словообразующий аффикс *-yū* (*šaɣq saɣu-yū* 'находящийся на восточной стороне')⁴. Вместе с тем уже в средние века нередко было употребление *saɣu* в качестве послелога «по направлению к».

В ряде современных тюркских языков *saɣu* представлен как послелог. В хакасском языке это служебное слово претерпело ряд изменений (в том числе — окказиональное озвончение начального согласного *s-*). Апо-

копированный *-sar/-ser, -zar/-zer* функционирует здесь как показатель направительного падежа.

Таким образом, неустойчивость лексико-грамматических свойств *saγu* явилась причиной утраты им остатков лексической самостоятельности и полного перехода на уровень грамматический, где послелог *saγu* в ряде тюркских языков и хакасский направительный падеж на *-zar* заняли подобающее им место (общенародная норма). В данном случае взаимодействие лексики и грамматики было обусловлено неустойчивостью лексико-грамматических свойств.

3. Двойственность лексико-грамматических свойств таких тюркских модальных слов, как *baγ/var* 'есть налицо', 'имеется' и *joq* 'нет', 'не имеется' тоже явилась причиной межуровневого взаимодействия, но уже иного характера.

Тюрк. *baγ/var* 'есть', 'имеется' и *joq* 'нет', 'не имеется' применительно к их преимущественно предикативной функции в грамматиках современных тюркских языков именуются предикативными словами. Исторически они характеризуются как предикативы⁵. Э. В. Севортян рассматривал *baγ* как имя, имевшее глагольный коррелят⁶. Чаше же *baγ, joq* квалифицируются как просто имена или же «обобщенно-утвердительные и обобщенно-отрицательные имена»⁷. Имеется в виду их использование в атрибутивной функции⁸ (причем *baγ* мог выступать в прономинальном значении; отсюда — прономинализация его производных: *baγu* 'все', *baγup* 'всё', *baγsa* 'весь, все'), а также в субстантивной функции. Примеры: *p'g joq tōupl'gu* «их всевозможные грехи»⁹, *baγ baγur joq altup* «Что есть — медь, чего нет — золото»¹⁰. К тому же в предикативной функции *baγ*, как имя часто выступал в сочетании с вспомогательными глаголами *er-* 'быть', *bol-* 'становиться' и с глагольными связками, хотя нередко мог употребляться и без них.

Добавим, что исторически именные свойства *baγ, joq* четко проявлялись при словообразовании. Так, сочетаясь, они образовывали парное имя: *baγ-ï joq* 'все имущество'¹¹. Участвуя в именном словообразовании, *baγ, joq* вели (и продолжают вести) себя как именные основы, непосредственно присоединяя к себе аффиксы: тур. *var-lyk* 'достояние', башк. диал. *baγ-ly* 'зажиточный', др.-тюрк. *joq-suz* 'тщетный, бесполезный'¹²; как именные основы участвуют они и в глаголообразовании; туркм. геок. *baγ-la-tak* 'приносить плоды', 'оплодотворение'. В качестве именных компонентов они принимали участие также в аналитическом глаголообразовании: *baγ bol-* 'существовать, жить'¹³, *joq baγ bol-* 'умереть'¹⁴.

Таким образом, в истории тюркских языков *baγ, joq* обнаруживали известную двойственность своей природы и соответственно — двойственность своих лексико-грамматических свойств.

Начиная с енисейских надписей (IX в.), *baγ, joq* с их неустоявшимися лексико-грамматическими свойствами могли выступать в качестве центрального члена — включенного предиката особых синтаксических конструкций, подчиненных глагольному сказуемому предложению. Об этих конструкциях в исторической тюркологии либо вообще не упоминается, либо приводятся конкретные примеры на «субстантивное использование» *baγ, joq*. В рунических надписях включенный предикат таких конструкций составляет сочетание *baγ (joq)* с послелогом *ïcün*: *...özin qutim baγ ïcün qaγan olurtim* (Ktmg) 'Я сел каганом, так как сам я был ханского рода...', *...er atim joq ïcün* (E41, 2) 'Так как не было у меня (тогда) героического имени...' ¹⁵.

В енисейских надписях (как, впрочем, и в современном якутском) *baγ* в случае его отнесенности к прошедшему времени присоединял к се-

бе соответствующее причастие вспомогательного глагола *er-*: *jeṛdāki bar ertigimā... bökmädīm* (E 28, 1) 'Я не наслаждался тем, что я имел на земле'¹⁵.

В турфанских древнеуйгурских текстах *bar* как включенный предикат принимал посессивный и падежный аффиксы (в данном примере — винительный падеж 3-го лица): (314) *añta basa öz ät'öz* (315) *birlä bax-ši-niñg ara-sında üč aṭruq toqlub* (316) *-lar išiç adaq-ı osuy-luy bar-ın saqıñyu ol* «Danach muß man sich vorstellen, daß zwischen dem eigenen Körper und dem Guru sich drei außergewöhnliche Schädelshalen als Kesselfüße befinden»¹⁷. См. также: 10. *...jultuz-čy körüm* 11. *[či] joq-uṇa buşanur...* 'Его беспокоило, что отсутствуют астрологи и предсказатели'¹⁸.

В приведенных примерах налицо факт «предикативного склонения»: отношения между главной и зависимой частями сложного целого передаются «аффиксами, встроенными в словоформу сказуемого зависимой части» («аффиксами включения», по В. М. Насилову)¹⁹. Объектом предикативного склонения в настоящее время признаются формы косвенных наклонений глагола, деепричастия, имена действия. Исследуя сложное предложение в якутском языке, Е. И. Убрятова отметила известную близость имен наличия (*baar*) и отрицания (*suox*) к причастиям по их использованию в предложении²⁰.

В современных тюркских языках *bar* в сходной функции присоединяет к себе падежный показатель не непосредственно, а через посредство аффикса *-lyq*, см. башк. *...meşken bürke urnyua—osloqaj tübäle şlem bar-lyq-q a kilhen ine!* '...появился бы вдруг остроконечный шлем вместо стеганой шапки!'

Синтаксису чагатайского языка, сохранявшему преемственные связи с предшествующей литературной традицией, в том числе — древнеуйгурской, еще была свойственна конструкция с включенным предикатом *bar* (без аффикса *-lyq*), хотя другими, даже и книжно-письменными, тюркскими языками в XVI веке такая конструкция воспринималась как необычная, требующая толкования. Во всяком случае, анонимный составитель «Словаря джагатайско-турецкого» — «Абушка» (закончен не позднее 1560 г.) — отмечал как не свойственную тому огузскому языку, на котором написан его комментарий, способность *bar* в чистом виде принимать аффиксы принадлежности и склоняться по падежам²¹. В «Абушка» приводится двустишие из стихотворения Убейд-хана, где *bar* употреблен с аффиксом принадлежности 3-го лица в местном падеже: *gül sary qylman nazar zibā žamāliñ ba r-y-da *közgä ilmän sarvny nāzik niñaliñ ba r-y-da*, в буквальном переводе: «Когда наличествует твоя нарядная краса, я не гляжу на розу. *Когда присутствует твое нежное деревце, я не замечаю кипариса» (кипарис — метафорическое обозначение стана красавицы, нежное деревце — стан девочки-подростка).

При толковании необычного для его родного языка употребления *bar-y-da* средневековый автор в качестве огузского эквивалента предложения подчеркнул глагольной связкой *iķen*.

Конструкция с включенным предикатом *bar* была достаточно распространена в чагатайском языке. Предикатное ядро такой конструкции — *bar* — в соответствии с характером управления глагольного сказуемого предложения могло принимать показатель необходимого падежа без посредничества аффикса *-lyq*. Например: *bil ba r-y-m-nu tın-da bilib kelib tu dur ja bilmaj tu dur* БН 143, 12—13 'Узнай: он пришел, проведая, что я нахожусь здесь, или же он не знает [этого]?'; *üstümde-*

gi qar bar-pu silkib... БН 246, 12 'стряхнув с себя снег, который находился на мне...'. В архаическом падеже, эквативе *bar* как включенный предикат употреблялся настолько часто, что соответствующей конструкции Я. Эккман посвятил самостоятельную словарную статью в словаре, приложенном к его пособию по чагатайскому языку: *bar-u-p-ča* 'так долго, как имеется'; *žaput barupča* 'до тех пор, пока я живу'²². См. также *imkāni bar-ča...* БН 74, 19; 222, 8—9 'насколько имела у него/них возможность...'.

Рассматриваемая конструкция с включенным предикатом *bar* (или *joq*, без аффикса *-luq*) в настоящее время сохранилась лишь в отдельных маргинальных тюркских языках. Такую конструкцию в якутском языке описала Е. И. Убрятова, см. якутск. *kini ba ar-u-na* 'пока есть она'; *aryu ba ar-a buollar* 'если бы было то, что имеется вино'²³. Подобная конструкция с *joq* отмечена также в халаджском языке: *filā:ni kiši kâ:l va iîš u kûç u ü°q-irî suba:y vâ farî'γ-ar* 'X hat weder Frau noch Kind, weder Arbeit noch Mühsal, er ist ledig und sorgenlos'²⁴.

Известную аналогию названной конструкции по отсутствию посредничества как формообразующего *-luq*, так и соответствующей формы связочного глагола можно найти как в книжно-литературных языках, так и в некоторых маргинальных тюркских говорах. См. в чагатайском: *şafa-u xawa-da oş bilā kasan eliniñ ta'aşubî bar* БН 31, 11—12 'Существует фанатизм жителей Оша и Касана в отношении приятности и чистоты воздуха'; в говоре турков Видина: *sojle bana kendi-ni* 'Скажи мне, кто ты есть'²⁵.

В старотурецком книжно-письменном языке XIX века, по свидетельству Э. А. Груниной, в качестве включенного предиката использовался арабский *масдар* в сочетании с послелогом *ile* 'с', без посредничества вспомогательного глагола. В отличие от конструкции с включенным *bar* данная конструкция являлась стилистической особенностью определенного круга письменных источников. В последнем случае, таким образом, налицо взаимодействие лексики — синтаксиса, с одной стороны, и текста — с другой.

Иной специфической чертой *bar*, также обусловленной двойственностью природы этого слова, было употребление его в «Бабур-наме» в форме множественного числа²⁶ в необычной (вторичной) функции вводного темпорального слова. Примеры: *mardana kiši edi bar-lar özi qylyç tegürüptür balki hâr ma'rikada bar-lar qylyç tegürübtür* БН 204, 23—205, 1 'Он был мужественный человек, бывало, сам действовал мечом, даже в каждом сражении, бывало, пускал в ход меч'; *andaq ti:rap-dazlyq qyldylar kim bar-lar qalqandyn žibâdin ba'zi maxalda iki žibâdin ötkärä ötkärä atybturlar* БН 203, 1—2 'Они так метали стрелы, что, бывало, простреливали насквозь щит и латы, иногда — пару лат [врага]'.

Специфическое использование *bar* в функции включенного предиката (и вводного темпорального слова) можно наблюдать как в средневековых памятниках (начиная с древних енисейских и кончая чагатайскими), так и в отдельных современных маргинальных тюркских языках (якутском, халаджском). Однако частотность такого использования в памятниках и в современных языках невелика. Исходя из этого, можно полагать, что подобное использование *bar* с самого начала имело периферийный характер. Это, в свою очередь, не могло не определить периферийного положения конструкций с включенным *bar* в языковой системе.

Начавшаяся лексико-грамматическая специализация *bar* (в большей части тюркских языков оно превращается в предикативное слово)

накладывала все более заметные ограничения на возможности проявления его именных свойств. В силу этого условия, в которых могла воспроизводиться рассматриваемая конструкция, исчезают, и она перестает использоваться не только в литературных, но и во многих живых тюркских языках. Так, уже во второй половине XVI века конструкция с *bag*, во всяком случае для читателя-огуза, требовала пояснений (см. пояснения в «Словаре джагатайско-турецком» 1560 года, где разбираемая конструкция переводится с помощью обычного для современных языков сочетания *bag iken*).

Итак, в данном случае двойственность лексико-грамматических свойств *bag* как бы прорастает в синтаксис предложения. Из-за периферийного положения в синтаксической системе, конструкция с включенным *bag* осталась довольно необычным малочастотным явлением в некоторых средневековых тюркских текстах, в отдельных современных маргинальных тюркских языках (якутском, халаджском).

4. За пределы межуровневого взаимодействия внутри языковой системы выходит рассматриваемый ниже пример, когда потенциально грамматическое содержание (термин А. В. Бондарко) выражается комплексно, при взаимодействии средств морфологии, синтаксиса, контекста, а иногда — и лексики. Речь идет о конструкции, где переходный глагол, присоединяя специальный показатель пассива, продолжает сохранять свою объектную отнесенность, по-прежнему управляя винительным падежом объекта. Конструкции «безличной формы действительного залога» с винительным объекта наблюдал еще в конце XIX века П. М. Мелиоранский в орхоно-енисейских памятниках, деловой письменности XV века, в «Бабур-наме»²⁷; добавим, что встречается эта конструкция и в сочинениях Навои.

Однако самое широкое распространение изучаемая конструкция получила в одном средневековом тексте, пронизанном ею от начала и до конца: это «Бабур-наме» императора Бабура, основателя династии Великих Моголов в Индии²⁸. Сочинение специфично по своему жанру — мемуарно-дневниковому, именно это определило глубоколичностный характер текста как в фактуальном, так и концептуальном отношениях. И между тем Бабур, который, по идее, должен был бы вести изложение от 1-го лица, удачно избегает навязчивого употребления личных форм 1-го лица единственного и множественного числа: эти формы перемежаются здесь с формами пассива 3-го лица.

Для этих последних, вопреки их материальному наполнению, подразумевается субъектная отнесенность не к 3-му лицу единственного числа, а к 1-му лицу единственного или множественного числа. Это, разумеется, уже факт не синтаксиса, а текста. Пример: *bu jurtta şind suju keşäğ-nu wä qaj sary mutaważziñ bolur-nu maşwarat qulıdy* БН 180, 17—18 'На этой стоянке [мы] совещались, переходить ли реку Синд и в какую сторону направиться [дальше]'. Как можно видеть и на примере из современного узбекского просторечья *oş-ni ejlsim* 'отведаете этого кушанья', для подобных конструкций характерно несовпадение субъектной отнесенности формально выраженной (3-е лицо единственного числа) и подразумеваемой (1-е или 2-е лицо единственного или множественного числа). И это несовпадение также является фактом текста.

Наличие формально не выраженной, но подразумеваемой субъектной отнесенности такого пассива к 1-му лицу единственного или множественного числа подтверждается целым рядом описок самого автора или более поздних переписчиков, которые в многосоставных распространен-

ных предложениях при фиксированной позиции глагольного сказуемого — пассива 3-го лица единственного числа (в конечной позиции) — составляли в самом начале предложения подлежащее — местоимение *men* 'я' или *biz* 'мы'. Пример: *biz sajyd qasym-u kühbür-ü huşıkā arıup-nu bir neçä jigitlar bilan jubarıyldı* БН 134, 17—19 'Мы послали Сейида Касыма, Кухбура и Хушике Аргуна с несколькими молодцами'. Депрециативность в тюркских языках остается, таким образом, тем потенциально грамматическим содержанием, которое распределяется между морфологией, синтаксисом, контекстом, как это видно из приведенных выше примеров.

Подобные конструкции без надлежащего согласования подлежащего и сказуемого в лице и числе составляют предмет не синтаксиса, а лингвистики текста. К лингвистике текста относятся и другие случаи подобного несогласования в средневековых текстах, когда в целях депрециативного изложения при личной глагольной форме 1-го лица в качестве подлежащего используются уничижительные имена (*bändä* 'слуга', *qu* 'раб' и т. п.).

Итак, отнесение рассматриваемой синтаксической конструкции к сфере лингвистики текста позволяет адекватно истолковать ее острую специфичность, а именно сохранение формально выраженным пассивом объектной отнесенности, несовпадение субъектной отнесенности — формально выраженного 3-го лица и подразумеваемого 1-го лица. Благодаря этой своей специфике, а также преднамеренно массовому использованию его в «Бабур-наме» пассив с винительным объекта из простого приема языкового выражения перерастает в один из оригинальнейших приемов языковой организации всего текста «Бабур-наме». Рассматриваемую синтаксическую конструкцию можно с полным правом квалифицировать как ярко выраженный конституирующий признак данного текста, одно из его стилиобразующих средств. Но тут же следует добавить, что дальнейшая судьба данной синтаксической конструкции целиком определяется ее принадлежностью к лингвистике текста (во всяком случае, в истории тюркских литературных языков «Бабур-наме» остается единственным примером массового использования этой конструкции в языке писателя). Поэтому вполне понятно, почему в современных тюркских языках она оказалась полностью за пределами литературной нормы, но все же иногда ситуативно встречается в просторечии.

* * *

Итак, из сказанного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, когда мы определяем место межуровневого явления в языковой системе, то одновременно приходится устанавливать его отношения к прежней и ныне действующей норме языка, общенародного или литературного. А это значит, во-вторых, что при этом нельзя обойтись без изучения дальнейшей судьбы этого явления в данном языке — как общенародном, так и литературном. В-третьих, для того чтобы объективно определить место межуровневого явления в языковой системе, необходимо рассмотреть причины и импульсы, вызвавшие взаимодействие данных языковых уровней.

В настоящее время не накоплено еще достаточного количества фактов межуровневого взаимодействия в языке, поэтому сделанные выводы довольно скромны и не могут, конечно, претендовать на теоретическое осмысление материала. Надо, однако, иметь в виду, что каждый новый

факт в этой все еще недостаточно изученной области может помочь открыть новые стороны исследуемой проблемы.

¹ См.: «Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений», М., 1982; «Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (Лингвогеография на современном этапе и проблема межуровневого взаимодействия в истории языка). Тезисы докладов и сообщений», т. II—III, М., 1984.

² Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 48—52.

³ Подробнее об этом см.: Г. Ф. Благова. Взаимодействие языковых уровней (арабско-персидские лексические заимствования и аналитическое глаголообразование в чагатайском языке). — «Советская тюркология», 1983, № 4.

⁴ Подробнее об этом см.: Г. Ф. Благова. XV—XVI асрлар эски ўзбек адабий тилидаги кўмакчилар ҳақида. — Журн. «Ўзбек тили ва адабиёти», 1963, № 3.

⁵ А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980, стр. 209.

⁶ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1978, стр. 62.

⁷ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 140.

⁸ См. также в современных казахских говорах: көр билетін, әр нәрсәден хабары бар адам 'знающий, обо всем имеющий сведения человек', аңару, сиқу жоқ адам; и.-уйғ. joq söz 'пустые слова', но joq-niñ küni 'нужда, недостаток'.

⁹ Berliner Turfantexte IX: Ş. Tekin. Maitrisimitt nom bitig. 2. Tl.— Analytischer und-
rückläufiger Index. Berlin, 1980, стр. 75.

¹⁰ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 83.

¹¹ H. Vámbéry. Čagataische Sprachstudien enthaltend grammatikalischen Umriss, Chrestomatie und Wörterbuch der čagataischen Sprache. Leipzig, 1879, стр. 241.

¹² А. v. Gabain. Alttürkische Grammatik. 2. Aufl., Leipzig, 1950, стр. 159.

¹³ Ходжанди. «Латафат-наме». Введение, транскрипция текста, перевод, глоссарий, грамматический указатель Э. И. Фазылова. Ташкент, 1976, стр. 107.

¹⁴ W. Bang, A. v. Gabain. Analytischer Index zu den fünf ersten Stücken der türkischen Turfan-Texte. — SPAW, XVII, 1931, стр. 471.

¹⁵ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 209, 210.

¹⁶ Там же, стр. 209; ср. Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Кн. I. Новосибирск, 1976, стр. 61.

¹⁷ Berliner Turfantexte VIII: G. Kara, P. Zieme. Die uigurischen Übersetzungen des Guruyogas «Tiefer Weg» von Sa-skya Pandita und der Mañjuśrināmasaṃgiti. Berlin, 1977, стр. 51.

¹⁸ «Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-Цзана». Транскрипция, перевод, примечания, комментарии и указатели Л. Ю. Тугушевой. М., 1980, стр. 18, 38.

¹⁹ «Предикативное склонение причастий в алтайских языках». Новосибирск, 1984, стр. 4. О предикативном склонении как способе выражения подчинения в сложном предложении см.: Е. И. Убрятова. Указ. раб., стр. 102—142. См. также: В. М. Насилов. Аффиксы включения. — В сб.: «Вопросы языка и литературы стран Востока». М., 1958.

²⁰ Е. И. Убрятова. Указ. раб., стр. 60—61.

²¹ В. В. Вельяминов-Зернов. Словарь джагатайско-турецкий. СПб., 1868, стр. 127.

²² J. Eckmann. Čagatai manual. Bloomington, 1966, стр. 282.

²³ Е. И. Убрятова. Указ. раб., стр. 60—61.

²⁴ G. Doerfer, S. Tezcan. Wörterbuch des Chaladsch (Dialekt von Charrab), Budapest, 1980, стр. 191.

²⁵ J. Németh. Die Türken von Vidin. Sprache, Folklor, Religion, Budapest, 1965, стр. 405.

²⁶ Употребление бар во множественном числе может быть сопоставлено со способностью наречий временной семантики принимать в чагатайском языке аффикс множественного числа: буғин-лар 'в прежние времена', енди-лар 'в настоящие времена', соңға-лар 'впоследствии'.

²⁷ П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. — «Записки Восточного отделения Имп. Русского археологического общества». СПб., 1899, т. XII, вып. II—III.

²⁸ Подробнее об этом см.: Г. Ф. Благова. Формы пассива, представленные в «Бабурамне», и особенности их синтактико-стилевого использования. — В сб. «Asian and African studies», I. Bratislava, 1965.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Н. А. БАСКАКОВ

О ТЮРКСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(ПО СТРАНИЦАМ «ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»
М. ФАСМЕРА, т. III—IV)

В настоящей статье мы продолжаем обзор тюркизмов в русском языке, вошедших в «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, требующих некоторых уточнений, а в отдельных случаях и дополнения новыми данными. В двух предыдущих статьях был дан обзор тюркизмов первых двух томов «Словаря», здесь же приводятся соответствующие статьи третьего и четвертого томов.

Как уже отмечалось ранее, замечания по отдельным статьям даются в краткой форме, после приведения по «Словарю» определения слова и его этимологии со ссылкой на его страницу и состоят либо из указаний на возможные новые этимологии и гипотезы о происхождении данного слова, либо из дополнительных объяснений к предложенным этимологиям автора.

Облава — «укр. облава, др.-русс. облава; отряд, войско... польск. obława 'облава'. Вероятно, связано чередованием гласного с *лов*, *ловить*...» [27, III, стр. 102]. Более вероятной представляется другая этимология <древнетюркск. *ab ab-la-* 'устанавливать облаву' на зверей [11, стр. 3] ~ *av-la-* I 'охотиться' *av-la-* 'собираться вокруг, толпиться' [11, стр. 70], в других тюрк. языках *av-la-* 'охотиться, обложить' [9, I, стр. 105] ~ др.-тюрк. *ab* 'охота на зверей' [11, стр. 1]; кыпчакск. *av* 'охота, сети' [11, стр. 68], в других тюркских языках *av~aw* 'охота, сети' [9, I, стр. 105] + *-la* — аффикс образования глагола от имени > *av-la~aw-la-* 'охотиться, обложить, ловит' + *-v~w* — аффикс, образующий субстантивную форму глагола *av-la-w~aw-la-w* 'охота, облава'.

Олух — «напр. олух царя небесного. Из *волух* от *вол*, т. е. первоначально воловий пастух...» [27, III, стр. 136]. Более вероятным представляется предположение Ф. Е. Корша, но не из чагатайского *aluk* 'поглупение, отупение, растерянность' [20, I, стр. 647], а из др.-тюрк. *alıq*: *alıq eg* 'грубый, невежественный' [11, стр. 41], ср. хакасск. *алуу* 'дурак, глупый' [29, стр. 24]; алт. *alı~alıu* 'глупый, дурак' [19, стр. 17].

Отава — «трава, выросшая вновь после покоса, нескошенная трава на лугу под снегом...». Другая ступень чередования гласного: **tyti*, с которым **o-tava* связано аналогичное слово *забава*...» [27, III, стр. 168]. Безусловно, был прав Н. К. Дмитриев [10], считавший основой этого слова тюрк. *ot* 'трава' + *-la* — аффикс образования глагола от имени > древнетюркск. *ot-la-* 'пастись' [11, стр. 373] ~ *ot-la-* кирг., каз. *ot-ta-* 'пастись'

Статья третья. (См. «Советская тюркология», 1983, № 4, стр. 13—20; 1984, № 4, стр. 10—16).

[9, I, стр. 109] + -γ~w — аффикс имени действия — масдара, субстантивной формы глагола *ot-la-γ~ot-la-w~ot-ta-w* 'пастбище' [9, I, стр. 109] + русск. окончание -а>*ot-(t)a-wa* 'отава'.

Пирог — В словаре М. Фасмера даны маловероятные этимологии от *piγ* русск. 'пир' + суффикс — *огъ*>*пир-ог* или **ругогъ* < *пыро* 'полба' и проч. [27, III, стр. 265]. Совершенно правильна этимология Г. Рамстедта и М. Рясянена из чувашск. *pŭgək*, кр.-тат. 'чебурек' < *čij bögek* 'пирог с мясом', а также в других тюркских языках *bögek~bügək~rögek~pŭgək*>русск. 'пирог'.

Саблук — «род. п. -а сорт воронежских яблок... укр. саблук то же. По мнению А. Преображенского [20, II, стр. 243] — от местного названия подобно полтавка...» [27, III, стр. 541]. Само слово *саблук* безусловно тюркского происхождения; оно восходит к основе *salbuq~sabluq*, представляющей собой либо образоподражательное слово, связанное по своему значению с *salbuq~sabyuq* 'отвислый', либо с основой *sabyuq*, состоящей из глагола *sar-* 'прививать, делать окулировку' + *-yl* — аффикс страдательного залога > *sab-yl-* 'быть привитым, окулированным' + *-uq/-ik* — аффикс, образующий прилагательное от основы глагола > *sab-yl-uq* 'привитой, окулированный' [9, I, стр. 682].

Сабля — «укр., блр. *шабля*, др.-русс. *саблы*... Эти слова считаются элементами вост. происхождения, за источник принимают венг. *szablya* 'сабля'...» [27, III, стр. 541]. Ф. Е. Корш предполагал, что это слово было заимствовано из болгарского *sabja* от финского корня *sab-* 'резать'. Варианты с начальным шипящим укр., блрс. *šablä*~польск. *šabla* позволяют предположить происхождение этого слова из кыпчакского, половецкого и современных татарского, казахского, ногайского *šab-yl-uw~šab-yl-uw* — масдара страдательного залога от глагола *šar~šar-* 'рубить с размаху' + *-yl* — аффикс страдательного залога *šab-yl~šab-yl- + -uw/-üw* — аффикс, образующий имя действия *šab-yl-uw~šab-yl-uw* 'рубление с размаха, рубка с размаха, то, чем рубят с размаха' — в славянских языках могла быть усвоена в форме *šab-yl-a~šab-yl-a* 'сабля', поскольку форма *šab-yl-uw*>*шаблу* воспринималась бы как форма винительного падежа от *шабла*. Ср. существующие в различных тюркских языках формы типа *šab-yl* 'быть скошену', *šar-qu-la* 'рубить саблей' [9, I, стр. 452]; казахское, ногайское, каракалпакское *šar-* 'рубить, сечь'; *šab-yl-* 'быть порубленным'; *šab. yl-uw* имя действия от *šab-yl-* [13, стр. 717, 726; 32, стр. 385, 366]; *šar-* 'сечь, резать саблей' [17, стр. 400].

Салалыка — «ябедник, сплетник; салалычить, сплетничать, наушничать». Возможно, связано с тат. *salalyk* 'деревенский, сельский' [21, IV, стр. 351; 27, III, стр. 549]. Основой для этого слова, видимо, служит другой корень — половецкое, татарское, башкирское, ногайское *jala* 'клевета, поклёп, сплетня' [37, стр. 110; 24, стр. 704; 31, стр. 718; 17, стр. 457]~каз., кирг. *žala~džal* [32, стр. 154; 30, стр. 219] + *-lyq/-lik* — аффикс наличия качества *jala-lyq~žala-lyq~džala-lyq* 'сплетничество, наушничество, клеветничество'. Начальный же *s* в слове *salalyq* объясняется либо тем, что это слово заимствовано либо из говоров татарского языка, либо из башкирского языка, где форма *jalalyq~džalalyq* соответствует форме *zalalyq*, или же слово *salalyq* было заимствовано первоначально в форме парного слова *jalalyq-salalyq* 'всякие сплетни, наушничество' + *-a* — русское окончание *salalyq-a*>русск. *салалыка* 'ябедник, сплетник, клеветник'.

Салтык — «в выражении: на свой салтык, на свой лад... Вероятно, из тюркск., ср. уйг. *saltyq* 'подать'<*sal-* 'класть'...» [27, III, стр. 551].

Слово *saltyq~saldyq* (<*salt-tyq*) — производное от кыпчакского (половецкого, казахского, ногайского и т. д.) *salt* 'обычай, порядок, мода'; ср. каракалпакское *eski salt-sana* 'старые обычаи и представления' + *-lyq/-lik, -tyq/-tik* — аффикс обладания и наличия данного предмета или качества >*salt-tyq* 'соблюдающий обычай, традиции, наличие обычаев, традиций' [см. подробнее 5].

Тарак — «жердь для просушки сетей, кусок, обломок; олонек. (Кулик). Неясно» [27, IV, стр. 207]. Наиболее вероятным представляется происхождение этого слова либо от тюркской основы *taqa-* 'чесать, расчесывать; боронить' + *-aq/-yq* — аффикс, образующий орудие действия, >*taq-aq* 'гребень, грабли' [9, I, стр. 721], либо от родственной от того же корня основы *tarqu-~tara-* 'разбросать, рассеять, раскидать, разгребать,' форма имени результата действия *taqaq~taryq* [9, I, стр. 723], которая также может служить основой для русского *тарак* 'жердь (распорка для подсушки сетей)'. Возможно, что тот же глагол *taqa-* служит основой для других значений русского слова *тарак* 'кусок, обломок'; ср. *tara-m* 'кусок, часть' [9, I, стр. 331].

Таракан — из предложенных в «Словаре» М. Фасмера наиболее близкой этимологией является предположение М. Рясянена из чувашского *taq-aqan* 'беглец' <тюркск. *taz-~чувашск. tar-* 'убегать' [27, IV, стр. 20]. Однако данная М. Рясяненом этимология требует некоторых уточнений. Ближе к истинному объяснению слова подошел Н. К. Дмитриев [10], который дает более вероятное объяснение происхождению этого слова из чагатайского *tarqa-~tara-* 'расползаться' [9, II, стр. 721]. Последнее предположение исходит из того, что слово *таракан* представляет собой производную основу от глагола *taruq-* 'рассеиваться, расходиться, исчезать'. Этот глагол сохранился, например, в древнеуйгурском языке: ср. *taryq-* — страдательный залог от глагола *tara-* II: *buşuş sa-qunč ödsüz ölüm ada taryqa tegingäi* 'печаль безвременной смерти и опасность да исчезнут, рассеются'; *erniñ igi taryqup bardy* 'болезнь этого мужчины прошла' [11, стр. 537] и основной глагол *tar-~tara-* 'рассеивать': *anun süsin tarady* 'он рассеял его войско' [11, стр. 536]. Формант страдательно-возвратного залога *-lyq/-lik, -yq, -ik* встречается и в современных языках, например в каракалпакском [2], хотя в последнем глагол *taruq-* имеет уже метатезную форму *tarqa-* со значением «расходиться, разбредаться, разъезжаться, рассеиваться». Слово *таракан*, таким образом, произошло из причастия на *-qan/-gen* глагола *taruq>taryq-qan>taryqan* 'расползающийся, рассеивающийся', послужившего основой для названия насекомого, имеющего свойство быстро расползаться, рассеиваться при появлении человека.

Тарбувать — «гнать лошадей с пастбища, смол... Неясное» [27, IV, стр. 23]. По всей вероятности, это слово происходит от глагола *taru-~tarbu-* 'бить передними ногами (о лошади, верблюде)'; ср. киргизское *taru-* 'бить передней ногой (о верблюде)'; *džer tarpu-* 'взрывать ногой землю' [30, стр. 708]; казахское *taru-w~tarbu-w* 'бить передними ногами (о лошади, верблюде)' [32, стр. 334]. Этот глагол чаще всего встречается в контексте описания добычи корма лошадей или верблюдом в зимнее время, когда корм скрыт под снегом.

Тархан — «1) сословие, свободное от налогообложения; 2) скупщик льна, конопли, шетины... из тур., чагат. *tarhan* 'привилегированное сословие'...» [27, IV, стр. 25]. Эта этимология требует некоторого уточнения первичного источника происхождения этого слова. В отношении титула *tarhan* существуют две основные этимологии: 1) <монгольск. *daqu-ya* <*daqu-* 'давить, печатать' + *-ya* — аффикс имени действующего ли-

ца > *daḡu-ya* 'хранитель печати, губернатор, правитель, командующий' + -п аффикс > *daḡu-ya-p* 'верховный правитель' [33] и 2) китайское *t'atkuān* 'знаток, знающий, князь' [41]. Одна из этих основ и служит этимоном для древнетюркского титула *taḡhan~taḡqan* [11, стр. 538, 539], общего также и для чагатайского и других тюркских языков.

Татарин — «...название жителей страны на севере Китая... ср. монг. *tatarī*, калм. *tatr* 'заика'...» со ссылкой на В. В. Радлова, Г. Рамстедта и др. [27, IV, стр. 27]. Этноним *татарин* впервые упоминается в качестве названия тюркского или монгольского племени *tatar* еще в енисейско-орхонских надписях, а также в «Словаре» Махмуда Кашгарского (XI в.). Возможно, что название современного народа *татар* возникло не непосредственно из названия древнего племени, а из имени собственного Татара — правнука Чингисхана, внука Джучи, сына Бувала (~ Мувала) — отца известного золотоордынского темника Ногая. Традиция присвоения имен собственных по названию племени и, в свою очередь, союзов племен по именам их вождей является распространенной у тюркских и монгольских народов. Помимо татар аналогичным образом получили названия и другие тюркские народы: *ногайцы* по имени праправнука Чингисхана — Ногая, *узбеки* — по имени хана Узбека, внука Менгитимура, бывшего внуком Бату (Батыя) — второго сына Джучи — сына Чингисхана и т. д. Что же касается происхождения этого слова, то предложенная в «Словаре» М. Фасмера этимология Г. Рамстедта не представляется вероятной. Слово монг., калм. *tatr* 'заика' скорее служит определением для названия татар как народа, говорящего не на монгольском языке, а на непонятном для монголов тюркском языке. Более вероятной основой для этнонима *татар* является либо <*tat* 'иноплеменник' + *-lar/-tar* — аффикс множественного числа > *tat-lar* > *tat-tar* 'татары', либо глагол *tat~taty-* 'испытывать, пробовать' + *-ar* — аффикс имени действующего лица, причастия > *tat-ar* 'испытывающий, опытный' > этноним *татар*. Ср. также корень *tat* в основах *tat-uw* 'союз, мир'; *tat-uw-daš* 'союзник' в языке тюрков [9, I, стр. 721].

Татраны — «мн. — название тюрк. племени, только один раз в „Слове о полку Игореве“. Сравнивают со ср. греч. *Tatranus* — имя беглеца-печенега...» [27, IV, стр. 27]. К сведениям, приведенным М. Фасмером, следует добавить, что Л. Рашоньи приведенное им собственное имя производит от глагола *tat-yr-* 'давать пробовать, испытывать' + *-yan* — аффикс имени действующего лица > *tat-yr—yan* > *tat-yr-an* 'опытный советник, старейшина'. По данному собственному имени, видимо, было названо родоплеменное подразделение *татраны*, встречающееся в «Слове о полку Игореве». Кроме указанной этимологии, можно привести встречающееся в современном киргизском языке слово *tatyrān* со значением «страшилище, чудище» [30]. Весьма вероятно, что как собственное имя *Татран*, так и название племени *татраны* могло произойти от названия какого-либо зверя, так как слово *tatran* в значении «чудовище» могло быть производным, сложным, состоящим из *tatyr* + слово *aŋ* 'зверь' по аналогии с *arslan* (<*arsyl* 'хищный' + *aŋ* 'зверь' > *arslan* 'хищный зверь, лев'). Первую же часть сложного слова *tatyr aŋ* — *tatyr* можно рассматривать как причастие от глагола *tut-* 'хватать, схватывать' + *-yr* — аффикс имени действующего лица > *tut-yr* 'хватаящий, схватывающий', в котором безударный гласный первого слога *a* > *u* объясняется редукцией. Таким образом, *татран* *tatyr* > *tutyŋ aŋ* 'хищный, хватающий зверь'.

Тварог — «обычно *творог*, укр. *тваріг*... Сближают праславянск. **tvagorъ* большей частью с слав. *творъ* *forma*...» [27, IV, стр. 31]. Русские этимологические словари сближают это слово с глаголом *творить* и при-

водят аналогию: вульг. латинск. *formaticum*, франц. *fromage* от *forma* [36, III, стр. 85]. Однако этимология Ф. Миклошича [39, стр. 366] и М. Рясина [43, XXIX, стр. 199], сближающих это слово с тюркским, чагатайским *turaq*, нам представляется более вероятный. Скорее всего слово *творог* ~ *тварог* заимствовано в древности из булгарского языка, наиболее близкого из современных тюркских языков к чувашскому, в котором сохранились слова, непосредственно связанные с понятием *творог*, ср., например, *tāvarak* 'слегка подсоленный, солоноватый, слегка подквашенный, кисловатый'; *tāvaga* 'сырок', *tāvarallaşu* 'сырки, облитые топленным молоком или маслом (национальное чувашское блюдо)'; *tāvarla-* 'солить, квасить, заквасить'; *tāvarlana kupāsta* 'квашенная капуста'; *turāx* 'варенец, простокваша'; *turāxlan-* 'скисать (о молоке)'; *turāxlaş* 'молоко, предназначенное для варенца' [28]. Все указанные выше чувашские слова представляют собой производные от основы *tāvar* 'соль' — слова, соответствующего в других тюркских языках *tāvar* > *tuuz* ~ *duuz* > *tuz* ~ *düz* 'соль'. Предполагается также, что чувашское и булгарское слово *tāvar* было заимствовано русским языком со значением «товар», поскольку соль в древности имела валютное значение продукта обмена. В чувашском (~булгарском) языке понятия *соль* и *кислота* в древности были слабо дифференцированы, поэтому как процессы соления и квашения, так и продукты результата этих процессов имели одну основу *tāvar*. Таким образом, русское слово *творог* ~ *тварог* < чагатайск. *tuuraq* ~ *turaq* < булгарское, чувашское *tāvarak* > *turāx* имеет больше оснований быть отнесенным к тюркским заимствованиям, нежели к общеславянскому глаголу *творить* или цслв. *творъ* [Ср. 5].

Тебеневать — «кормиться, искать корм самим всю зиму; тебеневка зимнее пастбище, оренб., сиб. Связано со сл....» [27, IV, стр. 35]. Это слово тюркского происхождения, восходит к тюркскому глаголу *ter* ~ *teb* 'лягать, лягнуть (о лошади)' [32, стр. 340]; производные формы: *tebin-* 'бить копытами' [32, стр. 341]; *tebin* 'тебеневка, зимнее пастбище', когда скот добывает себе корм из-под снега, роя и расчищая снег передними ногами [32, стр. 340], русск. *тебеневать* 'рыть копытами, добывая корм из-под снега'.

Телеуты — «название тюркской народности в бывш. Томск. губ., теленгеты — то же...» [27, IV, стр. 39]. Здесь следует отметить, что в настоящее время телеуты — *telengut* и теленгеты — *telenget* входят в различные родовые объединения горных алтайцев, языки которых представляют собой два самостоятельных диалекта современного алтайского (ойротского) языка. Оба названия рода, однако, имеют общее происхождение от объединяющего их названия древнего тюркского племени *Tele* — теленгит, телеут, телес и т. д.

Терлик — «узкий кафтан с талией и короткими рукавами... заимствован из тюркск., ср. тур. *tärlik* вид куртки без рукавов, казах. *terlik* 'кошма под чепраком...'» [27, IV, стр. 48]. Первичное значение слова — *потник*, происходит от основы кыпчакского, казахского *ter* 'пот' + *-lik* — аффикс, придающий слову приспособительный смысл, предмет одежды > *ter-lik* 'потник' название одежды; ср. *baş* 'голова' + *-lyq/-lik* *baş-lyq* 'башлык'.

Тиверцы — «название вост.-слав. племени на Днестре... Вероятно, производное от названия реки Тиврь... Дана другая этимология Менгеса-Якобсона... из тюркск. *tiv-är* 'переводчик'» [27, IV, стр. 55]. Этимология Р. Якобсона и К. Менгеса [16] из *ti* ~ *di* 'говорить' + аффикс *масдара* *-w* > *ti-w* ~ *di-w* 'говорение' + *är* 'мужчина' > *ti-w är* + русский аффикс *-цы* = *тиверцы* ~ *диверцы* 'люди говорения' весьма искусственна и проти-

воречит нормам синтаксиса тюркских языков. Вместе с тем прав А. И. Соболевский, считая тиверцев неславянским племенем, скорее всего — тюркским (Talmat). Соглашаясь с этой гипотезой А. И. Соболевского, можно предположить, что *тиверцы* — название огузского рода ковуев или берендеев — Djiber ~ Djiver ~ Tjiver, входящего в состав племени Tirgeš ~ Türges — тиргешей. Название племени тиргешей и рода Djiber ~ Djiver ~ Tjiber ~ Tjiver сохранилось до настоящего времени у северных алтайцев, у родов Tuba-kiži и Qumandy kiži, то есть у племени с общим названием куманов-половцев — Qumandy. Что же касается этимологии данного названия, то она восходит либо: 1) к djibe 'горный перевал, хребет' [3] + er 'мужчина' > djibe er 'горец'; либо 2) к dijebe ~ djübe 'стрела' + er > djebe ~ djübe er 'люди рода, имеющие своей тамгой стрелу'. Таким образом, тиверцы — одно из подразделений огузских племен Юга Руси — ковуев, берендеев или каепичей, турпеев и т. д., жившее в тесном контакте со славянами, которое, сохраняя свой язык, хорошо знало и русскую речь, а потому среди других тюркских родов их и называли Толмач, Толмат (<tyl~til-mač 'переводчик') или Тълковин (<tyl~til qaуup ~ qaуup 'переводчик, истолкователь').

Толковины — «(мн., только др.-русск. название племени язычников, кочевников в Южной Руси... объясняется из тюркск. tolmač 'переводчик'...» [27, IV, стр. 71]. Этноним толковины идентифицируется в Лаврентьевской летописи с названием народа тиверцы: «тиверцы яже суть тълковины» [«Лаврентьевская летопись», стр. 29]. М. Фасмер предполагает, что *толковин* ~ *тълковин* происходит от *тълкъ* ~ *тлък*, *тълковати*; вместе с тем это слово напоминает тюркск. tylmač, которое связано с тюркск. tyl~til 'язык' [40]. Слово tyl~til 'язык' находит в этнониме тълковин также финский тюрколог П. Иркенкаллио [38] и высказывает предположение, что *тълковин* произошло из tyl~til 'язык' + -qa/-ke — аффикс уменьшительной формы, со ссылкой на чувашск. çĕl-хе 'язык'. Однако возможно и другое истолкование этнонима *тълковин*. Если *тъл* ~ *тлъ* < тюркск. tyl~til 'язык', то во второй части *-ковин* можно предположить какое-то другое слово или другую тюркскую грамматическую форму. Действительно, в огузских и кыпчакских языках имеется аналитический сложный глагол til qač- 'давать сигнал, дать понять, истолковать', букв. 'бить, стучать языком' [26; стр. 367]; этому глаголу в казахском языке соответствует dȳan uȳ-, ср. также каракалпакское ajtqandy tez qaуup al 'быстро пойми сказанное', где глагол qaуup al имеет значение 'пойми, улови (сказанное)'. Глагол til qač- с аффиксом -уup ~ -уп, образующим имя действующего лица > til qaуup, в кыпчакских языках при соответствии *γ* ~ *w* > til qaуup образуется форма, совпадающая в произношении с *тълковин* ~ *тълковин*; тем более, что гласный *i* в тюркских языках является более задним гласным, чем в русском языке. Таким образом, вполне вероятно, что этноним *тълковин* < til qaуup ~ til qaуup 'истолкователь' представляет собой синоним названия рода Тълмач Til-mač 'переводчик'. В последнем аффикс -mač соответствует сочетанию qaуup. Вместе с тем и tilmač и til qaуup были, по-видимому, прозвищами-синонимами для действительного названия огузского рода Tjiber ~ Tjiver 'тиверцы'.

Уйгуры — «мн. — название др.-тюркск. народа в Кит. Туркестане... по мнению Рамстедта (JSFOu, 55, 82) это название происходит из языка гольдов-нанайцев (тунг.)» [27, IV, стр. 155]. О происхождении этнонима *ујуг* существует несколько более вероятных, чем предложенная Г. Рамстедтом, этимологий. Наиболее мотивированными гипотезами являются: 1) этимология В. В. Радлова: < *uj-* 'следовать за чем-ли-

бо' + -yug — аффикс имени действующего лица > uj-yug 'послушный, поддающийся, следующий за кем-либо; последователь, сообщник' [21, I, стр. 1598]; 2) этимология Э. Бретшнейдера [34] и Дж. Клоусона [35]: uj-yug < uj- 'присоединяться, заключать союз' + -yug/-güg — аффикс имени действующего лица > uj-yug 'присоединившийся, заключивший союз'. Однако наиболее вероятно, что этнонимы: 1) uj-yug ~ ju-yug ср. sagu ju-yug [25], 2) oyug ~ ögüg и 3) oyuz ~ ögüz представляют собой одно и то же название древнего племени со значением «мудрый, могучий, сильный», однако фонетически дифференцировавшиеся соответственно языку племени, к которому они относились: к племени с г-языком или к племени с з-языком. Основу же всех этих этнонимов составлял фонетически многообразно представленный ныне в различных языках корень: uq- ~ uy- 'понимать, разуметь' [11, стр. 613—614]; ~ алтайск. oj-yog 'умный', oj 'ум, разум' [19, стр. 214], ob (-yag)- 'понимать, разуметь' [11, стр. 362]. ö- 'думать', ög 'разум, мысль' [11, стр. 378—379] + -yuz/-güz ~ -yug/-güg > uy ~ oj + -yug/-yuz > oj-yog, o-yug, o-yuz 'умный, разумный, мудрый; могучий' и > jo-yug, ju-yug, oyug, oyuz, ju-yug, uj-yug — в том же значении 'мудрый, могучий' > этнонимы: oyug, jo-yug, ju-yug, uj-yug, oyuz, uuz — в значении «разумный, мудрый, могучий, сильный».

Харалуг — «Из тюркск., ср. чагат. karaluk 'сталь', первоначально от кага 'черный', то есть черный, вороненый металл...» [27, IV, стр. 223]. Происхождение этого слова до сих пор не выяснено. Существует несколько этимологий, кроме привлеченных М. Фасмером в «Словаре». Перечислим здесь основные: 1) < qaga 'черный' + -luγ — аффикс отвлеченного качества > qaga-luγ 'чернота, черный, вороненый металл, сталь' [15; 14]; 2) < qarluq 'карлукский' — по названию племени Карлук [45]; 3) < qaralung *харалунг* ~ *харалуг* 'каролингский' [18; 16]; 4) < xarabluq < арабск. xarab خراب 'гибель' + -luq > xarab-luq 'гибельный, разрушительный' [22]; 5) < польск., кошубск. charłężnik 'воровать, вор' [44]. Кроме указанных выше, можно привести еще следующие этимологии: 6) qug-yl- 'быть уничтоженным, подвергаться массовой гибели' + -uw ~ -uγ — аффикс имени действия qug-yl-uγ ~ qug-yl-uw ~ xug-yl-uγ > *хырылуγ* 'гибельный'; 7) qug- 'гранить, точить, оттачивать' + аффикс -uγ ~ -uγ > qug-uγ ~ qug-uγ 'оттачивание' + аффикс -luγ > qug-uγ-luγ 'отточенный' > *хырылуγ* > *харалуг*; 8) < qajga- 'гранить, точить, оттачивать' + -l — аффикс страдательного залога > qajga-l- 'быть отточенным' (ср. киргизское qajralan qylyc 'наточенный меч') [30] + аффикс -uγ > qajraluγ 'отточенный'; 9) < qajryl- 'загибаться, загнуться, выгнуться' [30] + -uγ ~ -uw > qajryl-uw ~ qajryl-uγ 'изогнутый'; 10) < qagy- 'обжигать' + -uγ ~ -uw > qagy-γ ~ qagy-w 'обжиг' + -luγ > qagy-luγ ~ qagy-w-luγ 'с обжигом, подвергнутый обжигу, закалке'; 11) < qaguw 'сила, мощь' + -luγ > qaguw-luγ 'рассчитанный на сильного' > 'сильный, мощный'. Имея в виду, кроме сочетаний «мечи харалужные», также сочетания «молотят цепи харалужными», или «в жестоцем харалуге скована» (в «Слове о полку Игореве»), можно предполагать, что наиболее вероятными являются этимологии: 1) < qaraluy 'сталь, металл'; 2) < qajgaluγ 'изогнутый'; 2) < qagywluγ 'металл, подвергнутый закалке' и 4) < qaguwluγ 'рассчитанный на сильного, сильный, мощный'.

Чуваш — «род. п. -а — название тюрк. народа, потомков волжских булгар... Из чув. tšəvaš 'чуваш', которое связано с тур., азерб. javaš 'мирный, спокойный'...» [27, IV, стр. 376]. Вопрос о происхождении этнонима *чуваш* до сих пор не решен, но наиболее вероятным предположением представляется гипотеза В. Г. Егорова, который сближает этноним tšəvaš с названием древнего племени булгар suvaγ ~ suvaz. «Слово *суваз* 2 «Советская тюркология», № 1

в устах дотюркских предков чуваш легко могло получить форму *чуваши* и *шубаши* (Ср. Шубашкар — столица Чувашской республики, букв. „селение или город шубашей — чувашей”)» [12]. Весьма вероятно, что название племени *suvaḡ~suvaḡ* представляет собой один из фонетических вариантов известного названия гуннского, болгарского племени *sabīḡ, savīḡ* [1], восходящего к основе глагола *ʹsar-~ʹser-* ‘соединять, объединять, охватывать’ [11, стр. 485, 496] + *-yḡ~ʹar-* — аффикс имени действующего лица >*sab-yḡ~sab-ar* ‘тот, кто объединяет, составляет’ — название рода; ср. чувашск. *ṣāvāḡ* ‘рой, детва, то, что объединяет род, племя’; ср. аналогичное образование: *uḡ-* ‘присоединяться, объединяться’ + *-yḡḡ-* — аффикс имени действующего лица <*uḡ-yḡḡ* ‘объединяющий-ся, присоединяющийся’ — название племени уйгуров [35].

Шеремет — «Шереметь — собственное имя в XV—XVI вв., откуда и фамилия влиятельного в XVI в. боярского рода Шереметьевых. Тюрк. происхождение, ср. тур. *şeremet* ‘имеющий легкую, быструю походку, резкий, невежливый’ (Радлов, 4, 1006) [27, IV, стр. 429]. Исходная основа слова *şeremet* может иметь два этимона: 1) <чувашск. *şeremet* ‘бедняжка, бедняга’ [28, стр. 563] <персидск. *šārm* + аффикс *mānd*> *šārmānde* ‘пристыженный’ [9, I, стр. 666]; ср. киргизск. *şermende* ‘пристыженный, опозоренный’ [30, стр. 906] или 2) <*şeremet* перс. *şir mārđ* ‘имеющая скорый легкий шаг (о лошади)’; ‘грубый, вспыльчивый, невежливый (о человеке)’. Происхождение имени Шеремет и Шереметьев в равной степени может быть объяснено той или другой представленной здесь основой [5].

Шишка I — «укр. *шишка* ‘шишка, набалдашник’, др.-русс. *шишька* ‘еловая шишка, шар’... Значение слова *šiškya* делает невероятным заимствованное происхождение...» [27, IV, стр. 445]. Однако многие из русских слов с корнем *шиш* всё же представляют собой древние заимствования из тюркских языков и, в частности, из половецкого <*šiš* ‘anschwellen’, *šişik* ‘das Geschwollene’ [37].

Эти же понятия широко представлены в современных тюркских языках, ср., например, кр.-татарск., турецк. *şuṣ* ‘опухоль’; *şuṣ-* ‘пухнуть, опухать’ [9, I, стр. 681; 11, стр. 524]. Слово *шишка*, таким образом, происходит из *şuṣ-* ‘опухать, вздуться’ + *-qa/-ke* — аффикс, образующий результат действия >*şuṣ-qa* ‘то, что опухло, вздулось’ > *шишка*’, по аналогии, например, каракалпакское *tut-* ‘держать’ — *tut-qa* ‘рукоятка’ и т. п., а слово *шишак* от того же глагола *şuṣ-* ‘опухать, вздуться’ + *-aq/-ek* — другой аффикс, указывающий также на результат действия.

Представленные выше замечания, новые этимологии, дополнения и разъяснения, касающиеся тюркских заимствований в русском языке, конечно, не охватывают всех тюркизмов, вошедших в рассматриваемый «Словарь». Мы остановились только на тех словах, которые требуют определенного пересмотра в свете новых данных и новых исследований, связанных с ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962.
2. Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. Т. II. М., 1952.
3. Н. А. Баскаков. Диалект черневых татар (туба-кижи). М., 1966.
4. Н. А. Баскаков. Мифологические и эпические имена собственные в «Слове о полку Игореве». — В кн. «Восточная филология», III, Тбилиси, 1973.
5. Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
6. Н. А. Баскаков. Тюркизмы-этнонимы в «Слове о полку Игореве». — «Советская тюркология», 1982, № 4.

7. Н. А. Баскаков. О тюркских лексических заимствованиях в русском языке. (По страницам «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, т. I). — «Советская тюркология», 1983, № 4.
8. Н. А. Баскаков. О тюркских лексических заимствованиях в русском языке. (По страницам «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, т. I). — «Советская тюркология», 1984, № 4.
9. Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I—II. СПб., 1869—1871.
10. Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — «Лексикографический сборник», III, М., 1958.
11. «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
12. В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
13. «Каракалпакско-русский словарь». Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1958.
14. Ф. Е. Корш. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». — «Известия Отделения русского языка и словесности», СПб., 1903, т. VIII, кн. 4; 1906, т. IX, кн. I.
15. П. М. Мелиоранский. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». — «Известия Отделения русского языка и словесности», СПб., т. VII, кн. 2; т. X, кн. 2. 1905, т. X, кн. 4.
16. К. Г. Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979.
17. «Ногайско-русский словарь». Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1963.
18. А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». М., 1946.
19. «Ойпотско-русский словарь». Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1947.
20. А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Пекин, 1956.
21. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I—IV. СПб., 1893—1911.
22. В. Ф. Ржиги. Восток в «Слове о полку Игореве». — В кн. «Слово о полку Игореве». М., 1947.
23. А. И. Соболевский. К «Слову о полку Игореве». — «Известия по русскому языку и словесности АН СССР», 1929, т. 2, кн. I.
24. «Татарско-русский словарь», М., 1966.
25. Э. Р. Тенишев. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976.
26. «Туркменско-русский словарь». Под ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева и М. Я. Хамзаева. М., 1968.
27. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1964—1973, т. I—IV.
28. «Чувашско-русский словарь». Под ред. М. Я. Сироткина. М., 1961.
29. «Хакасско-русский словарь». Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1953.
30. К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
31. «Башкирско-русский словарь».
32. «Казахско-русский словарь».
33. C. E. Bosworth and Sir Gerard Clauson. Al-Xwārazmī on the Peoples of Central Asia. Journal of the Royal Asiatic Society, April, 1965.
34. E. Bretschneider. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, vol. I—II, London, 1910.
35. Дж. Клоусон. О названии уйгур. Исследования по уйгурскому языку. I, Алма-Ата, 1965.
36. M. Fasmer. Russisches Etymologisches Wörterbuch, Bd. I—III, Heidelberg, 1953—1958.
37. K. Grönbech. Komanisches Wörterbuch, Kopenhagen, 1942.
38. P. Jyrkänkallio. Zur Etymologie von russ. tolmač. — «Dolmatscher und seine türkischen Quelle. Studia Orientalia», XVII, Helsinki, 1952.
39. F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen, Wien, 1876.
40. J. Németh. Zur Geschichte des Worts tolmač «Dolmetscher». — «Acta Orientalia Hungarica», T. VIII, Fasc. I, Budapest, 1958.
41. G. J. Ramstedt. Alte türkische und mongolische Titel. — «Journal de la Societe Finno-Ougrienne», 55, Helsinki, 1951.
42. L. Räsänen. Über die geographischen Namen Tortillon und Tatran. — «Ural-Altaische Jahrbücher», XXXIII, 3—4, Wiesbaden, 1961.
43. M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türksprachen, Helsinki, 1969.
44. Zdzisław Stieber. Vieux-russe haralužnyj, cachube charlęzny, «Lingua viget» Commentationes slavicae in honorem V. Kiparsky. Red. Igor Vahros et Martti Kahla, Helsinki, 1964.
45. A. Zajaczkowski. Związki językowe polowiecko-słowiańskie. — «Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego», Ser. A, N 34, Wrocław, 1949.

С. М. ХАМИДОВА

РУССКИЕ СЛОВАРНЫЕ ЕДИНИЦЫ В УЗБЕКСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Употребление отдельных иноязычных слов без перевода в речи на родном языке — одно из следствий и форм проявления двуязычия. Это связано с более или менее свободным владением неродным языком, благодаря чему легко и непринужденно осуществляется переход с родного языка на неродной и обратно. «Билингв для нас не просто человек, владеющий двумя и более языками, а представитель определенной группы людей, дополнительно усвоивших язык или несколько языков для практической коммуникации в обществе, членами которого они являются»¹. Факты ввода русских слов и словосочетаний в родную речь, то есть смешанная речь, нами рассматриваются отнюдь не как проявление небрежного отношения билингва к родному языку², а как естественно возникающая необходимость, обусловленная социалингвистическими условиями контактирования языков на данном этапе.

Отрезки речи, произносимые на каждом из двух смешиваемых языков, могут быть достаточно большими, то есть выходить за пределы фразы как наименьшей интонационно-смысловой единицы речевого потока, включать несколько фраз. Однако в данном случае нас интересует лишь одно из проявлений указанной формы двуязычия — вкрапление русских словарных единиц (слов и устойчивых словосочетаний) в узбекскую разговорную речь в пределах одной фразы (предложения). «Бытовой билингвизм проявляется в виде аддитивного или попеременного употребления целых фраз и выражений как первичного, так и вторичного языков в пределах одного предложения»³.

Указанная форма проявления двуязычия распространена довольно широко, так как, по нашему мнению, она доступна и лицам, далеким от совершенного владения вторым языком. В русском советском языкознании эта форма также известна, о чем свидетельствует наличие словаря иноязычных слов, употребляющихся в русском языке без пере-

¹ Л. Б. Никольский. Синхронная социалингвистика (теория и проблемы). М., 1976, стр. 90. Ср. также: «Двуязычие — это способность отдельного индивидуума или народа в целом, или его части общаться (добиваться взаимопонимания) на двух языках» [М. М. Михайлов. Двуязычие (принципы и проблемы). Чебоксары, 1969, стр. 8].

² Ср.: «Некоторые носители двуязычия большую небрежность проявляют именно в родной речи, пересылая ее словами и оборотами неродного языка, в результате чего получается так называемая „макароническая речь“» (М. М. Михайлов. Двуязычие и взаимодействие языков. — «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., 1972, стр. 203).

³ Т. А. Бергаев. Билингвизм и его разновидности в системе употребления. — «Проблемы двуязычия и многоязычия», стр. 85.

вода⁴. Конечно, данный словарь отражает явления несколько иного порядка, не связанные с ситуацией двуязычия, но кое-что общее между ними имеется.

Употребление слов чужого языка нельзя смешивать с употреблением заимствованных слов, так как последние уже стали частью словарного состава родного языка. «Бытовой билингвизм... не следует путать с заимствованием»⁵. Заимствованные слова — это другая проблема⁶. Основным материалом и объектом настоящего исследования являются не заимствованные слова, а именно собственно русские вкрапления в разговорную речь носителей узбекского языка. Вопрос этот в узбекском языкознании не только не изучен, но и не был поставлен и аргументированно обоснован. Думается, что вообще в наших социолингвистических исследованиях национально-русского двуязычия это явление не описано сколько-нибудь подробно. Между тем важность привлечения речевой сферы для теоретического изучения взаимовлияния языков в настоящее время не нуждается в особых доказательствах, тем более, что на это уже давно было указано: «...контактирование языков — явление вторичное. Соприкосновение языков начинается и осуществляется в речи (выделено нами. — С. Х.). Контакты языков осуществляются через людей, говорящих на данных языках; непосредственной и первоначальной сферой, где соприкасаются языки, оказывается человеческая речь, осуществляемая на этих языках. Контактирование языков начинается и осуществляется в речи двуязычных и многоязычных людей, но его результат закрепляется в языке, ибо „исторически факт речи всегда предшествует факту языка“ (Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 42). Отсюда понятно, что двуязычие и взаимовлияние языков надо изучать как на уровне языка, так и на уровне речи, ибо взаимовлияние языков порождает одни результаты на уровне языка, другие результаты — на уровне речи»⁷.

Проведенные нами исследования показывают, что изучение смешения элементов двух языков на уровне речи имеет самостоятельное научное значение. Настоящая статья и посвящена обоснованию возможности и необходимости изучения русских лексических вкраплений в узбекской разговорной речи. Даже предварительные наблюдения, основанные на анализе лишь небольшой части собранного нами в пределах Джизакской области и г. Джизака материала, показывают, что употребление русских словарных единиц в пределах одной фразы узбекской разговорной речи не является результатом случайности, а подчинено определенным, четко проявляющимся закономерностям в отборе единиц, в их структурно-семантической характеристике и стилистической принадлежности, а также, и это очень важный момент, в их функциональной значимости.

Первое, что бросается в глаза при анализе материала, — это наличие наряду с отдельными словами большого числа словосочетаний.

⁴ А. М. Бабнин, В. В. Шендецов. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляемых в русском языке без перевода. Л., 1980.

⁵ Т. А. Бертагаев. Указ. раб., стр. 85.

⁶ Поэтому материал нашей работы ни в какой мере не дублирует материал теоретических и методических исследований, посвященных русским лексическим заимствованиям в узбекском языке. Безусловно, возможны точки соприкосновения и пересечения материалов, так как в одной фразе возможно употребление и заимствованного, и собственно русского слова. Кстати, для носителей языка, для наших информантов это разграничение заимствованного и собственно русского слова не играет никакой роли, не осознается ими.

⁷ М. М. Михайлов. Двуязычие и взаимодействие языков, стр. 197—198.

Этот факт достаточно показателен сам по себе, но вся мера его значимости обнаруживается лишь после стилистической, семантической и структурно-грамматической характеристики словосочетаний, так как оказалось, что в подавляющем числе они являются нейтральными (с некоторыми отклонениями в сторону книжности и разговорности) устойчивыми словосочетаниями модели «прилагательное + существительное».

Среди русских устойчивых словосочетаний, употребляемых в разговорной речи узбеков, можно выделить несколько групп, различающихся стилистически и с точки зрения источника их проникновения.

1. **Первую группу** составляют нейтральные и разговорные устойчивые словосочетания. Среди них многие являются составными наименованиями предметов повседневной необходимости: *Магазинда сливочное масло сотиляпти* 'В магазине продается сливочное масло' (домохозяйка, 50 лет); *Сизларда зубная паста борми?* 'У вас есть зубная паста?' (женщина, 36—40 лет); *Мен «Красная роза» деган духи сотиб олдим* 'Я купила духи «Красная роза»' (студентка, 18 лет); *Магазиндан стиральный порошок сотиб олдим* 'Я в магазине купила стиральный порошок' (санитарка, 25 лет); *Менга неварам школьни форма сотиб олинг деганди, кейин размерини билмадим* 'Мне внучка наказала найти и купить школьную форму, но я не знаю размера' (женщина, 60 лет); *Магазинда обций тетрадлар сотиляпти* 'В магазине продаются общие тетради' (студент, 20 лет) и т. п.

Причиной проникновения подобных устойчивых сочетаний в разговорную речь узбеков нельзя считать лишь постоянное общение (по месту жительства, на работе, в магазине и т. п.) с носителями русского языка. Большую роль играют и такие средства информации, как магазинные ценники товаров и фабричные ярлыки, как правило, оформленные на русском языке. Такую же роль играют и вывески, например: *Мен обувной магазинга бораман* 'Я пойду в обувной магазин' (студентка, 19 лет); *Книжный магазинга кириб утдингми?* 'Ты заходил в книжный магазин?' (преподаватель узбекской литературы); *Торговый центрга бориб келайлик?* 'Сходим в торговый центр?' (домохозяйка, 40 лет); *Багажни камера храненияга топширддингми?* 'Ты сдал вещи в камеру хранения?' (кассир, 37 лет); *Бизнинг уйимиз овощной ларек енида* 'Наш дом находится возле овощного ларька' (колхозница, 45 лет); *Магазинга высший сорт ун келибди* 'В магазин поступила мука высшего сорта' (домохозяйка, 42 года).

Помимо составных наименований предметов первой необходимости, в данную группу входят названия мест отдыха, учреждений, спецслужб (дом отдыха, пионерский лагерь, пожарная машина, скорая помощь), официальных бумаг, документов (больничный лист, срочная телеграмма), названия профессий и должностей (зубной техник, зубной врач, главный бухгалтер и т. п.), а также многие составные устойчивые наименования из собственно разговорно-бытовой сферы. Например: *Хосият-ана скорый помощь Галла-оролга тез-тез боради, дедилар* 'Хосият-она сказала, что скорая помощь быстро доезжает до Галля-арала' (работница совхоза, 46 лет); *Пожардан кейин пожарный машина керак эмас* 'После пожара не нужна пожарная машина' (колхозник, 40 лет); *Студентлар орасида частный квартирада яшайдиганлар хам бор* 'Среди студентов имеются проживающие на частной квартире' (преподаватель пединститута, 35 лет); *Менинг весим нормальный эди* 'У меня был нормальный вес' (работница трикотажной фабрики, 30 лет); *Биз бугун рисовый суп тайерладик* 'Мы сегодня пригото-

товили рисовый суп' (студентка, 20 лет); *Хозир хамма уйларда паравой отоплений бор* 'Во вновь построенных домах есть паровое отопление' (мужчина, 65 лет, район); *Бу коғозларни мусорный ямага ташланглар* 'Эту бумагу выбросьте в мусорную яму' (уборщица школы, 42 года, колхоз); *Не летный погода булгани учун самолет уца олмади* 'Из-за нелетной погоды рейс самолета был отменен' (мужчина, 40 лет, город).

II. Вторую группу, менее обширную, составляют книжные устойчивые словосочетания публицистического и официально-делового стиля, их источник — печать и некоторые сферы деловых отношений, например: правительственная награда, Государственная премия, Верховный Совет, международное положение, прибалтийские республики, космический век, Бермудский треугольник и т. п.: *Ёзувчи Хамид Гуломга «Мардлик» романи учун Государственный премия берилибди* 'Писателю Хамиду Гуляму присудили Государственную премию за роман «Мужество»' (студентка, 23 года); *Верховный Советнинг постановляси чикибди, укидингми?* 'Вышло постановление Верховного Совета, ты читала?' (работница библиотеки, 24 года); *Дустлар Кремлевский дворесда учрашди* 'Друзья встретились в Кремлевском дворце' (из речи колхозника, 25 лет); *У ложний документлар билан кулга тушибди* 'Он попался с фиктивными документами' (следователь, 40 лет); *Киоскда «Студенческий меридиан» бор экан?* 'В киоске разве есть «Студенческий меридиан»? (студент); *Природный газ даже чекка районларга хам етиб борган* 'Природный газ дошел даже до отдаленных районов' (работник ГЭС, 50 лет).

III. Третью группу составляют словосочетания, источником которых является одно из самых популярных и доступных средств массовой информации — телевидение: голубой экран, политический обозреватель, многосерийный фильм и другие: *Голубой экранда бугун яхши фильм бор эмиш* 'Оказывается, сегодня на голубом экране будут показывать хороший фильм' (дети, 10—12 лет); *Бугун телевизорда многосерийный фильмнинг охирги серияси булади* 'Сегодня по телевизору последняя серия многосерийного фильма' (колхозник, 41 год).

IV. Четвертая группа включает спортивные термины: *6-урта мактабнинг 9 синф укувчилари ручной мячдан биринчи урин олдилар* 'Ученики 9 класса школы № 6 заняли первое место по игре в ручной мяч' (ученик 10 класса, колхоз); *Акмал конный спорт билан шугулланади* 'Акмал занимается конным спортом' (рабочий совхоза, 30 лет) и т. п.

Перечисленные группы устойчивых словосочетаний русского языка, употребляемых в узбекской разговорной речи г. Джизака и Джизакской области, имеют много общего.

Во-первых, их объединяют сходные социолингвистические факторы, способствующие их употреблению в разговорной узбекской речи. Этими факторами являются средства массовой информации — телевидение, радио, печать и т. д.

Во-вторых, возникнув в разных стилистических сферах, многие словосочетания перетерпевают некоторую нейтрализацию в разговорном языке, то есть становятся стилистически нейтральными средствами выражения мысли.

Стилистическое единообразие описываемого языкового материала иногда нарушается, но такие случаи единичны (черные глаза и т. п.) и, как правило, относятся к иным синтаксическим моделям словосочетаний, о чем будет сказано ниже.

В-третьих, словосочетания всех групп объединены общим семантическим признаком — отсутствием образности. Необразный характер этих устойчивых словосочетаний исключает правомерность употребления применительно к ним терминов «фразеологическая единица», «фразеологизм», так как последние предполагают в первую очередь ярко образные, национальные идиоматические выражения типа «бить баклуши», «у черта на куличках», «попасть впросак» и т. п. В связи с тем, что подобные фразеологизмы не встречались в речи тех информаторов, реплики которых нами записывались, то мы считаем более приемлемым употребление в данном случае термина «устойчивые сочетания», хотя принципиальных ограничений при этом не ставим, учитывая определения фразеологической единицы, данные В. В. Виноградовым, Н. М. Шанским⁸ и другими авторами.

В-четвертых, перечисленные группы устойчивых словосочетаний объединяет и структурное единство, так как все они построены по одной и той же синтаксической модели: «прилагательное + существительное».

Другие структурно-синтаксические модели необразных устойчивых сочетаний единичны, например: *сто метров, занять очередь, день рождения* и некоторые другие: *Янаги дарсга сто метрга югуриш, тушундиларингми?* 'На следующем занятии бег на сто метров, всем понятно?' (учитель физкультуры); *Менга хам очирит зайнят килиб туринг* 'Мне тоже займите очередь' (колхозница, 47 лет); *Сен айтган жойга после обеда бораман* 'Мы пойдем туда с тобой после обеда' (работница трикотажной фабрики, 25 лет).

Структурно-синтаксическое разнообразие, то есть выход за пределы модели «прилагательное + существительное», чаще наблюдается среди словосочетаний, более близких к понятию собственно фразеологизмов. К ним относятся:

а) **Междометные фразеологические единицы:** *Боже мой! Кун хам бохтибди* 'Боже мой! Уже стемнело' (студентка); *Черт побери, керакли нарсаларим эсимдан чикиб кетибди* 'Черт побери, совсем забыл нужные мне вещи' (шофер такси, 40 лет).

б) **Разговорные диалогические формулы:** — *Скажите пожалуйста, мен кайси кучадан борсам автобус топаман?* 'Скажите пожалуйста, по какой улице мне пройти к автобусу?' (разговор на улице); — *Яхши киз, который час?* 'Девушка хорошая, который час?' (рабочий, 25 лет).

в) **Названия телевизионных передач, фильмов, книг и т. п.:** *Телевизорга каранг, ая, клуб кинопутешествия буляпти* 'Смотри телевизор, мама, передают клуб кинопутешествий' (бухгалтер колхоза, женщина, 24 года); *Эртага телевизорда «А ну-ка, девушки»*, булади 'Завтра по телевизору будут передавать «А ну-ка, девушки»' (швея, 20 лет); *«Ну, погоди»нинг янги серияси чикибди* 'Вышла новая серия «Ну, погоди»' (школьница, 15 лет).

Структурное, семантическое и стилистическое единообразие устойчивых сочетаний русского языка, употребляемых в узбекской разговор-

⁸ В. В. Виноградов. Основные типы фразеологических единиц в русском языке. — В кн.: В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1972, стр. 23—30; Н. М. Шанский. Фразеология современного русского языка. М., 1969, стр. 82—87.

ной речи, нельзя считать случайным. Закономерность этого явления подтверждается тем обстоятельством, что и свободные словосочетания русского языка, употребляемые узбеками в их высказываниях на родном языке, характеризуются теми же чертами. Среди них преобладает модель «прилагательное + существительное»; они представляют собой нейтральные (с некоторыми отклонениями в сторону книжной или разговорной речи) составные наименования необразного типа. Например: *Магазинга свежий масло келибди* 'В магазин поступило свежее масло' (домохозяйка, 56 лет); *Илтимос, мужской воротник килинг* 'Пожалуйста, сделайте мужской воротник' (разговор в ателье); *Бу простой материал, дада* 'Это простой материал, папа' (работница фабрики, 24 года); *Унга купрок, красный цвет екади* 'Ей больше нравится красный цвет' (работница фабрики, 18—20 лет); *Расписанияни куриб юборинглар, последний пара нима экан?* 'Посмотрите расписание, какая последняя пара?' (студент); *Кечерасиз, ду-стим, бу стол свободныйми?* 'Скажи, друг, этот стол свободный?' (разговор в столовой); *Лепешкалар свежий ми, кечагами?* 'Лепешки свежие или вчерашние?' (домохозяйка, 40 лет, колхоз).

Другие модели свободных словосочетаний значительно менее употребительны. Например: *Эртага бизларда историядан экзамен булади* 'Завтра у нас будет экзамен по истории' (студент).

Обнаруженные закономерности узбекско-русского двуязычия в виде преобладания необразных устойчивых и свободных словосочетаний модели «прилагательное + существительное» объясняются причинами социолингвистического характера: запоминается, становится единицей индивидуального словаря то, что постоянно употребляется окружающими. Стихийная логика носителя языка в первую очередь выхватывает при этом названия вещей, событий, состояний, процессов, то есть «предметов» как в узком, так и в широком смысле этого понятия: с лингвистической точки зрения это существительные. Но если существительное лишь часть составного наименования и всегда встречается в соседстве с прилагательными, то оно запоминается носителем языка в таком сочетании помимо его воли, без специальной, сознательной установки на запоминание. Так, модель «прилагательное + существительное» вытесняет другие модели.

Устойчивые сочетания русского языка необразного типа (составные наименования, близкие к терминам) оказались одним из самых частотных видов русских вкраплений в узбекскую речь. По частоте употребления и по числу единиц этот тип вкрапления соперничает лишь с именем существительным.

Предварительный анализ использования отдельных русских слов в разговорной речи узбеков также свидетельствует о том, что это явление таит в себе много интересного и ценного. Многие закономерности, относящиеся к употреблению устойчивых словосочетаний, распространяются и на отдельные русские слова, используемые в узбекской разговорной речи.

Как уже отмечалось, первое место среди лексических единиц русского языка, употребляемых в узбекской разговорной речи, занимают существительные. Это неудивительно, ибо именно существительное является синтаксически и семантически опорным компонентом в описанных выше устойчивых словосочетаниях.

Включаемые в разговорную речь узбеков русские существительные дифференцируются по тому же комплексу признаков, что и устойчивые и свободные словосочетания. Этот комплекс составляют стилистиче-

ский, семантический и связанный с ними тематический признак (последний уточняет сферы общения носителей двух контактирующих языков).

Основной стилистической приметой существительных является стилистическая нейтральность подавляющей их части: город, праздник, ремонт, субботник, молоток, чашка, портфель, уют, пепельница, полотенце, перчатки, кукуруза, орех и т. п.

Стилистическая нейтральность существительных обусловлена типом значения и сферой употребления слов и реалий ими называемых; это прямые не образные названия конкретных неодушевленных предметов, употребляемых в повседневной жизни, в быту: расческа, иголка, шпилька, булавка, браслет, нож, ложка, клеенка, мясорубка, скатерть, подушка и т. п.

Основные темы, вокруг которых группируются эти нейтральные непосредственные наименования конкретных предметов, следующие:

1. **Повседневный быт:** а) семья (ложка, чашка, расческа, обед, ужин, кухня, клеенка, занавеска и т. п.), б) жилой дом или общежитие (квартира, секция, этаж, площадка, мусор, уборка и т. п.). Например: *Ножикни бериб юборинг* 'Передайте ножик' (колхозник, 45 лет); *Кухнядан ширин хид келди* 'Из кухни вкусно пахнет' (работница совхоза, 24 года); *Ойижон, лестницадан йикилиб тушиб, сёгим шикостланди* 'Мама, я упал с лестницы и вывихнул ногу' (из разговора сына с матерью); *Улар бугун огородда шилиайдилар* 'Они сегодня будут работать на огороде' (бригадир совхоза, 40 лет); *Колхозимиздан янги бани ишга тушибди* 'В нашем колхозе начала работать новая баня' (домохозяйка, 40 лет, колхоз).

2. **Магазин — покупка:** кофта, косынка, кольцо, очки, будильник, коробка, дорожка, тройник, торшер, подцветочник и т. п. Например: *Нодира, ГУМда зур кофта курдим* 'Нодира, я в ГУМе видела хорошую кофту' (работница редакции, 27 лет); *Огайни, очкингни кайси магазиндан олдинг?* 'Друг, в каком магазине купил свои очки?' (разговор на улице); *Собир кеча жуда хам чиройли дорожка олди* 'Собир вчера купил очень красивые дорожки' (колхозница, 49 лет).

3. **Болель:** больница, поликлиника, аптека, лекарства, температура, перевязка, обход, glands, аппендицит. Например: *У якинда аппендицит булган* 'У него недавно был аппендицит' (колхозница, 53 года); *Саодат томогидаги гландасини олдириди* 'Саодат удалили glands' (работница совхоза, 45 лет); *Укажон, мени болнисага этиб куйинг* 'Братец, доведи меня до больницы' (колхозница, 58 лет).

4. **Школа — учеба:** урок, класс, сочинение, задача, предложение, запятая, угол и т. п. Например: *Эй, сизлар нечанчи класс?* 'Эй, вы из какого класса?' (разговор в школе, 17 лет); *Шоира, нечта урок булди?* 'Шоира, сколько было уроков?' (колхозница, 45 лет); *Мана, курып-сизми, запятая йук-ку* 'Вот видите, нет же запятой' (ученица 10-го класса).

5. **Спорт:** соревнования, тренировка, мяч и т. п. Например: *Биласизми, соревнования качон бошланаркин, а?* 'Не знаете ли, когда начнутся соревнования?' (мужчина, 35 лет); *Мячга кара, мячга* 'Смотри на мяч' (на занятиях по физкультуре).

6. **Студенческая жизнь⁹:** столовая, общежитие, комната, экзамен,

⁹ В настоящей статье студенческая жизнь представляет широкую сферу — «производство — работа». Этот необычный вид «производства» у нас первый и пока единственный потому, что студенты были и информаторами и собирателями материала. В дальнейшем предполагается более широкий охват различных производственных сфер.

педпрактика, дежурный, зачисление, подкурсы, прополка. Например: *Биз педпрактикани Новой мактабида утказдик* 'Мы педпрактику проводили в школе Навои' (студент); *Шу кунларда институтнинг столовойда жуда яхши овкат тайерляпти* 'В эти дни в институтской столовой хорошо готовят' (студент); *Бугун комнаталарни текширар экан* 'Сегодня, оказывается, будут проверять комнаты' (студент).

Отступления от основной характеристики используемых в разговорной речи узбеков существительных (нейтральные непосредственные наименования конкретных неодушевленных предметов) количественно, а значит, и функционально незначительны. Можно отметить следующие, вносящие разнообразие, группы существительных: некоторое число книжно-абстрактных слов (совесть, характер, авторитет, патриот, обстановка, момент, результат, польза); небольшое число официально-деловых терминов (организация, документ, факт, ревизия, командировка, самокритика, активист); разговорные слова, среди которых преобладают оценочные (стиляга, дурак, лентяй, сачок, молодец, брат, вертушка, физик, свидание). Как видно из примеров, в группе разговорных единиц функционируют слова, называющие человека, то есть одушевленный предмет. Из одушевленных существительных в нашем материале встречаются лишь названия животных — медведь и лиса: *Самарканднинг хайвонинг богида медведь ва лисани курдик* 'В Самаркандском зоопарке видели медведя и лису' (мужчина, 40 лет, разговор в автобусе).

Тематическое разнообразие, создаваемое существительными разных стилистических (книжные, официально-деловые, разговорные) и семантических (абстрактные, одушевленные — человек, животные) групп, дополняется небольшой группой русских названий растений (елка, груша, орех, кукуруза, цветы, букет) и продуктов питания (суп, голубцы, кефир).

Таким образом, имена существительные русского языка, употребительные в речи узбеков, оказываются подчиненными тем же закономерностям, что и устойчивые словосочетания: в родную разговорную речь узбеков включаются русские слова в стилистическом отношении нейтральные или близкие к ним, в семантическом отношении — выражающие прямые значения, неодушевленные, необразные, конкретные. С тематической точки зрения это преимущественно названия реальных повседневного обихода (семейного, городского, производственного).

Образные слова, обладающие переносным значением, и образительно-выразительные — единичны. Так, с существительными нам известны лишь два таких примера: *Медвед ай куполсан, сал узинга караб юрсанг булмайди ми?* 'Ты неуклюж, как медведь, нужно немного следить за собой' (воспитательница детского сада, 25 лет); *Шу политикани куй* 'Ты оставь свою политику' (рабочий мелькомбината, 50—53 года).

Указанные закономерности с достаточной четкостью проявляются и на материале других знаменательных частей речи: прилагательных, глаголов, наречий.

Среди глаголов заметно преобладают нейтральные названия конкретных действий (включать, печатать, звонить, белить, снимать, писать, отвечать, посмотреть, обещать, подарить, помогать, провожать и т. д.). Глаголов с абстрактной семантикой (чувствовать, переживать, доказывать, отмечать) мало.

Употребление глагольных слов единично, например: *Студентлар, пахта вактида роса вкалыват килишганди* 'Студенты здорово вка-

лывают во время (сбора) хлопка' (студент); *Дарсдан сачковать килаверма* 'Не сачкуй на уроках' (студент).

Большое число разговорных единиц дает имя прилагательное: симпатичный, веселый, нормальный, хитрый, вредный, деловой, золотой, блатной, пьяный.

Помимо перечисленных четко проявляющихся закономерностей, исследуемая проблема таит в себе еще много интересного: если на уровне словосочетаний наглядно проявлялась социолингвистическая основа многих собственно языковых явлений, то на уровне отдельных слов резко бросаются в глаза внутрilingвистические явления. Их основу еще предстоит исследовать. Многие из них, вероятно, потребуют учета широкого круга фактов социолингвистического характера в их взаимодействии с внутренними языковыми фактами двух языков: родного — узбекского и второго — русского. К числу таких вопросов относятся, например, вопросы о частотности некоторых частей речи и отдельных слов. Если с преобладанием существительных все более или менее ясно, то тот факт, что на втором месте по частотности находятся наречия, требует своего объяснения. Сама численность существительных и наречий различна: существительных — больше, количество же наречий возрастает за счет частотности употребления лишь нескольких слов: вообще, неудобно, спокойно, нарочно, постоянно, пешком, наоборот и др. В этот список попали не только слова типа вообще, эквивалент которого отсутствует в узбекском языке, или типа постоянно, также не имеющего удобного однословного эквивалента, но и такие слова, как нарочно, пешком, имеющие в узбекском языке полностью совпадающие семантические эквиваленты. Неожиданности и даже парадоксальные явления обнаруживаются при изучении частотности лексем и других частей речи. Так, при общем преобладании конкретных существительных несколько неожиданно самым употребительным словом оказалось существительное *настроение*. Например: *Кеча уни настроениyasi йук эди* 'Вчера у нее не было настроения' (работница птицефермы, 24 года); *Бугун опамнинг настроениялари йик* 'Сегодня у сестры нет настроения' (медсестра в колхозе, 26 лет); *Одамни настроениясини тушурдингиз—а!* 'Вы испортили человеку настроение, а!' (преподаватель физики, 35 лет); *Нега бугун настроениянг йук?* 'Почему у тебя сегодня нет настроения?' (домохозяйка, совхоз, 47 лет) и т. п.

Большое место в словаре русских слов, употребляемых в узбекской разговорной речи, занимают также модальные слова, а из служебных слов — частицы. Поражает полное отсутствие числительных и крайне редкое и случайное употребление местоимений: *Мен бугун весь курсдан сураб чикдим, йук* 'Я сегодня опросил весь курс, ни у кого нет' (студент); *Ничего демаса, кейин куркма* 'Если ничего не скажет, все же не бойся' (механизатор совхоза, 35 лет).

При объяснении всех этих неожиданностей, помимо взаимодействия различных факторов экстра- и собственно лингвистического характера, следует учитывать и влияние традиций, сложившихся именно в г. Джизаке и распространившихся в его окрестностях, — основных местах сбора нашего материала.

Много интересного дает анализируемый материал для морфологических наблюдений. Именно на этом уровне нужен строгий учет внутрilingвистических фактов обоих контактирующих языков. Морфологического анализа потребуют случаи использования русских глаголов, способы их введения в структуру сложных глаголов узбекского языка, явления,

происходящие на стыке разных частей речи (прилагательное — наречие, существительное — описательный глагол) и другие моменты. Предстоит изучить вопрос о грамматическом и фонетическом оформлении вводимых в узбекскую разговорную речь русских языковых единиц, об ошибках, сопровождающих их использование, о стилистическом и эстетическом эффекте введения русских слов в речь узбеков. Уже сейчас ясно, что приведенные факты не имеют ничего общего ни с небрежностью «макаронической речи», ни с ее избыточностью и механическим характером¹⁰, так как во всех наших примерах русские лексические единицы употребляются не наряду с узбекскими как синонимы, а вместо узбекских слов — как языковые средства в каком-то отношении более удобные, более предпочтительные для носителя узбекского языка в той или иной конкретной ситуации.

Одной из существенных проблем исследования должна явиться проблема отграничения заимствованных из русского языка слов от употребляющихся собственно русских, так как в условиях двуязычия в наше время словари не успевают за реальной живой языковой действительностью.

¹⁰ См. в упомянутых выше работах М. М. Михайлова и Т. А. Бертагаева вопрос о небрежности, дублировании и механистичности описываемых явлений билингвизма.

М. Р. ФЕДОТОВ

Б. МУНКАЧИ О ТЮРКСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ В ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

В научном архиве Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР [1] хранится статья Б. Мункачи «Турецкие элементы в венгерском языке» вместе с сопроводительным письмом от 15 мая 1897 года на имя Н. И. Ашмарина в Казань, куда последний, окончив в 1894 году Московский Лазаревский институт, приехал на работу.

Наше обращение к этому архивному документу связано в первую очередь с тем, что он достаточно полно освещает историю исследования тюркских заимствований в венгерском языке, особенно тех, которые относятся к самому раннему периоду обогащения венгерского языка болгаро-тюркской лексикой.

Бернат Мункачи (в письме Dr. Bernhard Munkácsi) родился 12 марта 1860 года в Надьвараде, ныне Орадя (Румыния), и умер 21 сентября 1937 года в Будапеште. Он окончил Будапештский университет (1882). Им созданы труды в области сравнительно-исторического языкознания, тюркологии, иранистики и этнографии. Он изучал языки и быт финно-угорских народов Поволжья и Западной Сибири. Редактировал журнал «Ethnographia», основал журнал «Keleti Szemle», организовал Венгерский комитет Международного общества Средней и Восточной Азии (1904) [2, стр. 115—116]. В 1910 году был избран академиком Венгерской академии наук.

Еще задолго до Б. Мункачи многие ученые считали, что в венгерском языке имеется довольно большой пласт общевенгерской лексики, заимствованной до 896 года, когда «семь племен венгров под предводительством Арпада окончательно перешли Карпаты и обосновались в бассейне рек Дуная и Тисы» [3, стр. 345].

Интерес к прародине венгров, происхождению венгерского языка, его связям с языками тюркоязычных и нетюркоязычных народов Поволжья и Перми усилился особенно в 60—70-е годы XIX века, когда Венгрия «сохранила свою отдельную (от Австрии. — М. Ф.) конституцию и получила возможность для самостоятельного национального развития» [3, стр. 347].

Чтобы практически овладеть чувашским языком, двадцатипятилетний Б. Мункачи отправляется в тогдашний чувашский научно-культурный центр — в Симбирскую чувашскую школу. Вот что писал об этом И. Я. Яковлев — инспектор этой школы: «В 1885 году школу посетил некто Мункачи, выдававший себя за венгра, впоследствии член Будапештской академии наук. Он явился ко мне с запиской от Н. И. Ильмин-

ского, как изучающий чувашский язык... Месяца три подряд Мункачи очень усердно приходил в чувашскую школу, беря уроки у меня и у учителей по чувашскому языку... Уроки ему давались бесплатно. По словам его, он не преследовал каких-либо политических целей, а просто хотел с научной целью изучить чувашский язык как лингвист... Надо заметить, что прежде чем приехать в Симбирск, этот Мункачи побывал у вогулов, вотяков. В чувашском языке он сделал за время пребывания в Симбирске большие успехи» [4, стр. 141—142].

Вернувшись на родину, Б. Мункачи приступил к исследованию истории венгерско-тюркских языковых связей. В своих статьях он постоянно подчеркивал важность болгарского вопроса и в первую очередь изучения словарного состава чувашского языка. Его статья от 15 мая 1897 года (эта дата стоит в сопроводительном письме), высланная Н. И. Ашмарину, представляет собой одну из первых и весьма успешных попыток молодого ученого определить тюркско-болгарские древние элементы и их роль в развитии современного венгерского языка.

В сопроводительном письме Б. Мункачи ясно изложил свой подход к решению этой нелегкой проблемы: «Я издавна интересуюсь чувашским языком, находя в нем важнейший источник турецких (тюркских. — М. Ф.) элементов нашего мадьярского языка. В знак моей искренней благодарности я осмелился Вам послать мои сочинения, относящиеся к Вашему предмету. Теперь посылаю список тех турецких элементов нашего языка, которые на себе носят характер того — по-моему „угур, огур, югур“¹ именем названного наречия, из которого и сегодняшнее чувашское развилось. Эти данные очень важные документы истории чувашского языка, в них находятся те древние формы, через которые нынешние из общетурецких (здесь и далее: общетюркских. — М. Ф.) образовались. Если, например, общетурецк. *йўзўк*, чув. *сёрё* 'кольцо', в мадьярском *дьўрў*: 'слышно': это показывает на то, что 1) чув. *с* (*с*) на начале слова через ступени *дб*, *тб*, *чб* состоялось (образовалось. — М. Ф.); 2) что окончание *-ё* (короткий звук) не был всегда коротким, а из *-ўк*, через *-ёў*, *-ё*: *на -ё* менялось. И так свидетельствуют и все другие данные о старых формах чувашского» [1, стр. 186]. Об этом более подробно будет сказано во 2-й и 3-й частях списка «Турецких элементов в венгерском языке...».

Далее речь пойдет о списке «турецких элементов с особыми знаками (признаками. — М. Ф.) прихождения (происхождения. — М. Ф.) из какого-то наречия, очень близкого к чувашскому».

В вводной части списка венгерских, чувашских и общетюркских слов, разделенных автором на восемь групп на основе их фонетических признаков, Б. Мункачи отмечает: «Следующие слова венгерского языка составляют... древние памятники чувашского; показывают те формы, через которые нынешние чувашские формы из общетурецких (общетюркских. — М. Ф.) развились» [1, стр. 187].

Приведя примеры на «частное фонетическое явление, что чув. *р* = общетур. *з*», Б. Мункачи подчеркивает, что «это же явление видно в следующих тюрецко-мадьярских словах: *iker* 'чет' ~ чув. *йёкёр*, общетюрк. *икиз*; *ökör* 'бык' ~ чув. *вйкёр*, общетюрк. *ёкўз*; *borjú* 'теленка' ~ чув. *пй-*

¹ Венгры сами себя называют *magyar*... Вне Венгрии *magyar* почти не употребляется: нем. *Ungar*, фр. *Hongrois*, англ. *Hungarian* и т. д. заимствованы из русского языка. Древнерусское *угринь* восходит к этнониму *оногур*, обозначавшему тюркские племена, но присвоенному русскими и венграм, поскольку последние с оногурами тесно соприкасались. Современный этноним *венгр* в русский язык перешел из польского путем обратного заимствования [3, стр. 342—343].

ру, общетюрк. *бозагу*, тат. *бозау*; *ir* 'писать' ~ чув. *сыр*, общетюрк. яз.; *gyűrű*: 'кольцо' ~ чув. *сёрё*, общетюрк. *йүзүк* и т. д.» [1, стр. 187—188].

Если учесть, что венгерские слова, вкрапленные в основном в латинские тексты («отрывочные памятники»), стали появляться только с XI века [3, стр. 355], то нет сомнения в том, что приведенные Б. Мункачи слова являются древними тюркскими (в данном случае в ротицирующей форме) заимствованиями в венгерском языке. Об этом говорят следующие даты их первого упоминания: *ikeg* (1095.—17, т. 2, стр. 196), *ökög* (1181.—17, т. 3, стр. 23), *borjú* (1211.—17, т. 17, стр. 345), *ir* (1372.—17, т. 2, стр. 227—228), *gyűrű*: (1358.—17, т. 1, стр. 1140). Таким образом, этимологический словарь венгерского языка [17] отвергает хронологическую неуточненность заимствований, которые вошли в венгерский язык, разумеется, за несколько веков до их первой регистрации.

В общей сложности Б. Мункачи приводит шестнадцать ротицирующих форм, причем некоторые из них оставляются им без чувашских соответствий, так как они ему, как он пишет, «вовсе неизвестны». Поэтому он просит Н. И. Ашмарина: «Я был бы Вам благодарен, если бы Вы мне и эти написали».

Трудно сказать, выполнил ли Н. И. Ашмарин просьбу иностранного коллеги, но в своих «Материалах для исследования чувашского языка», вышедших год спустя после письма Б. Мункачи, он приводит все пять указанных выше венгерских ротицирующих слов, ссылаясь при этом, однако, не на Б. Мункачи, а на Хунфали (Hunfaly) [5, стр. 96, сноска 2]. Значит, еще до письма Б. Мункачи Н. И. Ашмарин был хорошо знаком с венгерскими источниками, посвященными этой теме.

Указывая на ряд чувашско-тюркских соответствий, когда «общетюркское окончание -к (-ак, -к, -ик и т. д.) в чувашском во втором слоге и далее обычно отпадает, как, например, чув. *сивё* 'холодный' = тат. *сыук*, чув. *ора* 'нога' = тат. *ајак...*», Б. Мункачи приводит двадцать пять венгерских слов, потерявших, как и чувашские слова, конечные -к. Вот некоторые из них:

<i>komló</i>	'хмель' ~ <i>хумла</i> ~ <i>кумлак</i>
<i>borsó</i>	'горох' ~ <i>пёрса</i> ~ <i>бурчак</i>
<i>ünő</i>	'молодая корова' ~ <i>ёне</i> ~ <i>инэк</i>
<i>gyűrű</i>	'кольцо' ~ <i>сёрё</i> ~ <i>йүзүк</i> и т. д.

Однако в этом списке многие венгерские формы также оставлены без чувашских соответствий, но при наличии всех соответствующих общетюркских форм с конечным -к [1, стр. 187—188].

Вопрос замещения первоначальных тюркских -ак, -аg, -äk, -äg, -ik, -ig, -yk, -yg, -uk, -ug, -ük, -üg в многосложных словах гласными -ó, -ü (>-и) или -ő, -ű: (>-ü) в наиболее полном и систематизированном виде был разработан позднее З. Гомбоцем [6, стр. 170—172].

В третьей части рассматриваемого документа речь идет о соответствии начального венгерского *sz* (с) чувашскому *ś* (ç) и общетюркскому *j* (ä): венг. *szél* 'ветер' ~ чув. *чил*, общетюрк. *jel*, *jil*; венг. *szücs* 'скорняк' ~ чув. *сёвёс/сүсё* (у автора *šülžě*, что ошибочно), тур. *jüjlä*, чув. *сёле* 'шить'; венг. *szőlő*, древняя форма *széllé* 'изюм'; виноград; ягоды разных растений ~ чув. *сырла*, общетюрк. *jizlāk* (*излāk*), тат. *илāk*. Здесь, видимо, описка: тат. *jilāk*, койб. *čestāk* [6, стр. 180]. Венг. *süveg* 'шапка' ~ чув. *сёлёк*, чаг., перс. *jelek* 'род шапки' [7, т. XXI, стр. 125]. З. Гомбоц, однако, чув. *сёлёк*, *ёслёк* к венг. *süveg* возводит под вопросом [6, стр. 118]. Венг. *széřü*: 'ток'; 'круги на воде, образующиеся от брошенного камня' — также *szűřü*: ~ чув. *сёрё*, общетюрк. *jűžük* [см. 7, т. XV, стр. 464]; венг. *sajt* 'сыр' ~ чув. *чйкāt*, тур. *jogurt* 'кислое молоко' [7,

т. XXI, стр. 124]. Что касается тур. *jogurt*, як. *suogat*, то З. Гомбоц считает, что они с чув. *чăкăт* не сопоставимы; в качестве подлинного соответствия он приводит караймск. *šuyut* 'сыр' [6, стр. 113].

Вопрос о соответствии венгерского *sz* (с) чувашскому *ś* (ç) и общетюркскому *j* (й) получил свое дальнейшее развитие в работах Н. И. Ашмарина и, возможно, не без влияния письма Б. Мункачи. «Даже в самых древних заимствованиях из «чувашского» языка, — пишет Н. И. Ашмарин, — каковы, например, заимствования, сделанные мадьярами, начальный тюркский *j* уже передавался неодинаковыми звуками. Это доказывается, например, словами: *gyűgű*: 'кольцо' ~ чув. *çёрё*, *gyékény* 'палочник' ~ чув. *чакан*, *ír*: 'писать' ~ чув. *çыр*- *iker* 'чет' ~ чув. *йёкёр*, *szél* 'ветер' ~ чув. *çил*, *szűcs* 'скорняк' ~ чув. *çёвёс*, *szőlő* 'изюм' ~ чув. *çырла*, *gyermek* 'дитя' ~ чув. *çамрăк*, *çармăк* 'молодой'.

На основании этих и аналогичных примеров Н. И. Ашмарин приходит к заключению, что «венгерские формы *gyűgű*: и *gyékény* доказывают прямо, что эти чувашские речения сначала начинались одним и тем же звуком. Таким образом, начальное *с'* в чувашском *çёрё* 'кольцо', очевидно, развилось позднее, из какого-то более раннего звука, передававшегося у мадьяр согласным *gy* (d'), так как древнее чувашское начальное *с'* выражалось мадьярами другим звуком, *sz* (= рус. *с*), что подтверждается словами *szőlő* и *szél* [8, стр. 47—48], ср. приведенную из письма Б. Мункачи выдержку: «Общетур. *йўзўк*, чув. *çёрё* 'кольцо' в мадьярском *дўўрў*: слышно: это показывает на то, что 1) чув. *ś* (ç) на начале слова через ступень *дб*, *тб*, *чб* составлялось» [см. пункт 5. — М. Ф.].

З. Гомбоц такое двоякое заимствование пратюркского *j* в венгерском (через *gy* ~ *sz*) объяснял существованием в древнечувашском языке диалектных различий: в одной части языкового ареала пратюркское *j* перешло в *d'ž'*, а в другой — в *ś*. Это предположение подкрепляется, по его мнению, следующими двойными венгерскими формами: *gyűgű*: 'кольцо' ~ *szűrű*; *szérű*: 'ток', ср. осм. *jüzük*, каз. *йөзек*, чув. *çёрё* 'кольцо', перстенъ'; *gyümölcs* 'фрукт' ~ *szemölcs* 'сосок, бородавка', ср. осм. *jāmis*, каз. *йимеш*, чув. *çимёс* 'плод, фрукт' [6, стр. 180].

На болгарских эпиграфических памятниках XIII—XIV веков на месте глухого палатального *ś* (ç) выбита арабская буква *ج* — джим:

جور/جر — чув. *çёр*, но др.-тюрк. *jüz* 'сто', *وج* — чув. *виç*, но др.-тюрк. *йёс* 'три' и др. [9, стр. 21—25]. Ответить на вопрос о том, передавала ли арабская буква *ج* лишь звонкое палатальное *d'ž'*, затруднительно, так как эта же арабская буква могла служить для передачи глухого палатального *ś*.

В четвертой части работы Б. Мункачи указывает, «что против общетюркского *a*, *o*, *y* в середине слова там (то есть в чувашском. — М. Ф.) находятся *ы*, *ă*», иллюстрируя это следующими общетюркскими примерами: *бал* 'мед', *бакыр* 'медь', *балчык* 'грязь', *бар* 'уходить', *бак* 'смотреть', *тары* 'крупа', *тамыр* 'жила', *тут* 'держать', *карын* 'брюхо', *ката* 'твердый', арабо-турецк. *хабер* 'слух', *хазине* 'казна' = чув. *пыл*, *пăхăр*, *пылчăк*, *пыр*-, *пăх*-, *тырă*, *тымар*, *тыт*-, *хырăм*, *хыдă*, *хыбар*, *хысна*. Из приводимых «таких в венгерском» примеров наиболее достоверными и ранними являются:

<i>tinó</i>	'молодой бык'	~ чув. <i>тына</i> ,	общетюрк.	<i>тана</i>
<i>disznó</i>	'свинья'	~ чув. <i>сысна</i> ,	общетюрк.	<i>тонгуз</i>
<i>csikó</i>	'жеребенок'	~ чув. <i>т'ыха</i> ,	монг.	<i>дага</i>
<i>tiló</i>	'мялица'	~ чув. <i>тылă</i> ,	тат.	<i>талкы</i>
<i>ír</i>	'писать'	~ чув. <i>çыр</i> -,	тур.	яз- и др.

Что касается венг. *szírony* 'украшенная тонкая кожа' и его чувашского соответствия *сăран* (тат. *соран*) 'сыромятная кожа', то по этому поводу З. Гомбоц позже отмечал, что «венгерское слово зарегистрировано лишь в XVI веке; это скорее всего позднее тюркское заимствование» [6, стр. 124]. Остальные восемь венгерских слов оставлены без чувашских соответствий.

Автор приводит примеры соответствия чувашскому редуцированному *ë* общетюркских *ö, ü*: чув. *пĕлĕт* = тюрк. *bülüt*, чув. *пĕт* 'кончаться' = тюрк. *büt-*, чув. *тилĕ* 'лисица' = тюрк. *tülkü*, чув. *кивсен* 'взаимы' = монг. *külüsün*, венг. *kölcsön*. Далее он пишет, что «между [тем] образуются и дифтонги: тур. *kök* 'синий' = чув. *кавак*, *tört*, *dört* 'четыре' = *таватта*. Ср. як. *күөх*, *түөрт* (у Б. Мункачи *tüörd*. — М. Ф.), из чего следует, что чув. *кавак*, *таватт* 'образовались из: **күйөк*, **кääк*, **түйөтт*, *тĕätt*, *таат*. На этом основании, — продолжает он, — можно понимать долгое гласное *é (ē)* против общетурецкого *ö, ü* в этих мадьярских словах: *kék* (кĕк) 'синий' ~ чув. *кавак*, тур. *kök*, *kük*» [1, стр. 189]. Остальные пять венгерских слов представлены без чувашских соответствий.

Б. Мункачи поднял очень важный вопрос о природе долгих гласных и дифтонгов, их взаимосвязанном развитии. В этом отношении венгерское слово *kék* примечательно, ибо отражает прежнюю тюркскую долготу типа туркменского *gö:k* (орф. *gök*).

А. М. Щербак отмечает, что «чувашские формы *кавак*, *тавадă* и *тавар* (ср. як. *күйөх*, *түйөрт*, *түс*; туркм. *gö:k*, *дö:рт*, *дүз*) не обязательно должны быть первичными по отношению к туркменским и якутским. Если допустимо развитие долгого гласного из дифтонга, то вполне возможен и обратный процесс, т. е. дифтонгизация долгого гласного», находя подтверждение этому предположению в высказывании Н. М. Мелюранского: «Не вероятно ли, что как раз у чувашей, которые в течение столетий были отделены от других тюрков, первоначальные долгие гласные стали дифтонгами, что как раз у них различными способами развились вторичные звуки» [10, стр. 125].

Б. Мункачи намного раньше других исследователей высказал весьма конструктивную мысль о природе долгих гласных и дифтонгов.

Отмечая, что «в чувашском *м* против тур. *me*: *там*, *тән* 'изморозь' = як. *тон* 'мерзлый, мороженный', *сам*, *сан* 'шерсть' = осм. *йонг*, *самал* 'легкий' = тат., алт. *енгил*», Б. Мункачи приводит три венгерских примера, в которых конечные *-т* совпадают с чувашским *-м*: *gyom* (*дьом*) 'плевела, трава...' = чув. *сом*, алт. *йонг* 'дерн'; *szám* (*сам*) 'число'; 'внимание' = чув. *сом*, *сум* (у Б. Мункачи в этом месте прочерк. — М. Ф.), тур. *сам*. Однако третий пример — то есть венг. *gém* (*гём*) 'цапля' по отношению к тюркским формам (койб., кар. *kö:gön* 'утка') едва ли безупречен. З. Гомбоц его сопоставление (в числе других тюркских) с чувашским *кавакал* как в семантическом, так и фонетическом отношении считает неубедительным [6, стр. 216], в то же время первые два венгерских слова (*gyom* и *szám*) относит к древним заимствованиям [6, стр. 184].

С отсылкой на словарь Н. И. Золотницкого [11, стр. 25—29. — М. Ф.], где чувашские слова с начальным *в-* стоят «против общетурецкого начала *о-, и-*», Б. Мункачи указывает на два венгерских примера с протетическим *в-*: *válú* (*вāлу*) 'корыто' ~ чув. *валак* (и замечает: «окончание не чисто чувашское». — М. Ф.), тат. *улак*, чаг. *олак*; *vajnak* (*вāй-нāk*) 'изгиб на плечевой лопатке' (чувашского соответствия нет. — М. Ф.), чаг. *ој...* (последние три буквы неразборчивы. — М. Ф.) 'сустав'. Соответствие венг. *vályú* ~ чув. *валак*, *волак* З. Гомбоц считает фонетически неприемлемым [6, стр. 223], а венг. *vajnak* в своем исследовании вообще не упоминает.

Мар Г. *валак*, мар Л., В. *волак* чувашского происхождения, поскольку остальные тюркские формы имеют гласное начало: *олак/улак/олук* ~ чув. *валак/вулак*.

В заключительной части исследования Б. Мункачи привел слова, которые, на его взгляд, «только из чувашского и мадьярского известны». Чтобы судить, в какой степени это справедливо, мы решили ввести кое-какие дополнения, в том числе даты первоначального упоминания ниже-следующих слов в соответствующих источниках согласно TESz [17]:

(1) *kõris* (кõ:риш) 'ясень' (1055. — 17, т. 2, стр. 618) ~ чув. *каврăш*. В чувашском со значением 'ясень' имеется ряд фонетических вариантов: *карăш* (*карăш йӗç*), *каврăç/каврăç*; *каврăç/карăç*. Слово это представлено в татарском — *корыч агач*, башкирском — *корос агас*. Его след обнаруживается на Кавказе как в тюркских — *карач. кӱрӱз* 'ясень', так и в иранских языках — осет. *k'ārz* 'ясень', которые, по мнению В. И. Абаева, имеют древнечувашское происхождение [см. 12, стр. 84]. З. Гомбоц венг. *kõris* и его варианты сближает также с монгольским *küirüs* 'ясень' [6, стр. 106].

(2) *kicsiny* (кичинь) 'малый' (1215/1550. — 17, т. 2, стр. 483) ~ чув. *кӗсӗнь*, тат. *кече* (без окончания -нь).

(3) *õr, õrl* 'молоть' (1416. — 17, т. 3, стр. 36) ~ чув. *авăр*.

Первоначальным значением данного слова является «вертеть, вращать, крутить». Поэтому сближение чув. *авăр* с осм. *āwir*-, алт. *ābir*-, сой. *ār*-, каз. (= тат.) *āyər* закономерно [6, стр. 112, 168].

(4) *serte* (шэртэ) (1395. — 17, т. 3, стр. 526—527) ~ чув. *шăрт*. Б. Мункачи вопрошает: что значит тат. *ширт* у Зол[отницкой]. Речь идет, конечно, о слове со значением «клятва», восходящем к ар-бско-тюркск. *šart* 'соглашение, условие', алт. *šert* 'клятва' [13, стр. 41]. Сюда же относится, пожалуй, чув. *шăрт* 'название божества: меср жертвоприношения' [14, стр. 341].

Чув. *шăрт* 'щетина' имеет надежные тюркские параллели др.-тюрк. *syrt*, башк. *шырт* 'щетина'. Г. Рамстедт тюркские и венгерские формы сближает с монгольским *sirke*, калм. *širkə=širkəG* [15, стр. 3606] (орф. *ширке* 'уксус'; 'щетина, щетинистый'. — М. Ф.).

(5) *tü:kõr*, древн. *tiker* 'зеркало' (1215/1550. — 17, т. 3, стр. 1010) ~ *тӗкӗр*.

Остальные тюркские и монгольские соответствия в ауслауте имеют -к-: тат. *tүгәрәк*, башк. *туңгарәк* 'круглый (о плоских предметах); кружок, круг, окружность; диск'; х.-монг. *төгрөк* 'круг, кружочек' (ср. *тугрик* 'денежная единица в МНР'). В. Г. Егоров писал: «Восточные зеркала первоначально представляли собой полированный металлический круг; ст.-слав. (др.-болг.) *тикръ, тикъръ, тикра* 'зеркало' сохранились от древних булгар-тюрков, смешавшихся на Балканах с славянами» [12, стр. 244]. Чув. *тӗкӗр* > мар Г. *тӗгӗр*.

(6) *csekély* (ЧЭКЭЛЬ) 'недостаточно, мало' (1584. — 17, т. 1, стр. 491) ~ чув. *сахал*. Приведем другие тюркские соответствия: туркм. *сәхәл* 'чуть, чуть-чуть, немного', кирг. *саал*, каз. *сәл*, ср. х.-монг. *сага* 'немного, немножечко; мелочи; незначительный', *бага-сага* 'понемногу, немного', но З. Гомбоц в своей монографии чув. *сахал* вообще не рассматривает [6, стр. 64]. Чув. *сахал* > мар. *шагал*, мар Г. *шăхăл* 'мало, немного'. Наряду с венг. *csekély* приводится также форма *sekély* (шэкэль) (1533. — 17, т. 3, стр. 511), которая совпадает с горномарийской *шăхăл*. Здесь наблюдается регулярное соответствие чув. *с*-, мар. *ш*- в более ранних заимствованиях. Следовательно, венг. *sekély* отражает древнечувашское *ä*, которое впоследствии перешло в *а*: *сахал*.

katáng «Cichorium intybus» 'цикорий' (1395. — 17, т. 2, стр.) ~ катан пур ['полотно'], тат. кэтэнь 'лен'. Однако Б. Мункачи знает тат. 'лен' передает турецкой формой keten, но тат. житен ~ чув. йётлен'. В татарском значение 'полотно', 'холст' передает устная форитэн. Еще З. Гомбоц указывал, что осм. kätän < араб. كتان 'лен' [6, 219]. Об этом «переднеазиатском культурном слове» исчерпывающие сведения имеются у В. И. Абаева [см.: 12, стр. 81].

bársony (бәршонь) 'бархат' (1221. — 17, т. 1, стр. 255) ~ чув. пур 'шелк'. З. Гомбоц в своей монографии [6] эти соответствия вообще рассматривает. Они, по всей вероятности, в венгерский и чувашский языки проникли из разных источников — тюркских языков. Тюркские формы, считает В. Г. Егоров, восходят к персидскому ābrišom 'шелк' [12, с. 166]. Но если близость, скажем, тур. ibrişim к перс. ābrišom сомнения не вызывает, то этого нельзя сказать в отношении казахско-татарских 'шелк' — др.-тюрк. barçın 'шелковая материя'. Имеющиеся в финно-угорских языках Поволжья и Перми названия «шелк» явно тюркского происхождения: мар. порсын (< чув. porçän), удм. буртчин (< др.-тюрк. barçin), эрз. барсей (< ?).

9 тогуоро (модьоро) 'орех' (1055. — 17, т. 2, стр. 941—942) ~ чув. мьамайяр.

Других тюркских соответствий не обнаружено. З. Гомбоц склоняется к мысли, что чув. майяр древневенгерского происхождения [6, стр. 22] тогда как Б. Мункачи полагает обратное. Такие тюркские сближения, как башк. муйыл, каз. мойыл 'черемуха' [12, стр. 130], явно неубедительны. Во всяком случае, названия ореха в чувашском и венгерском языках являются не случайными, а древними уникальными генетическими соответствиями.

40) társ (тәрш) 'товариш' (1138/1329. — 17, т. 3, стр. 857) ~ чув. тавриш (с. Ethnographia, VIII, 29).

Основное (прямое) значение чув. тавраш/тараш 'окружье, окружение', образовавшееся от чув. тавра/тара < др.-тюрк. tegrä/tegrä 'вокруг, круг' и словообразовательного аффикса -ш (< др.-тюрк. eš 'друг, приятель, подвижник'). З. Гомбоц в своей монографии эти слова не рассматривает [6]. Следует думать, что társ проникло в венгерский язык через славянские языки: товариш, товаруш, товариш [17, т. 3, стр. 857—85], хотя славянские формы, в том числе русское товариш, тюркского происхождения: tavağ 'имущество, скот, товар' + eš, iš 'товариш'. М. Ряснен возводит данное слово к чув. tavra 'по кругу' + iš 'спутник' [13, стр. 68].

ЛИТЕРАТУРА

1. Научный архив Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. Отд. IV, ед. хр. № 151, л. 186—190.
2. «Большая Советская Энциклопедия», т. 17, М., 1974.
3. «Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки». М., 1976.
4. И. Я. Яковлев. Воспоминания. Чебоксары, 1982.
5. Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Ч. I—II. Казань, 1898.
6. Zoltán Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912.
7. NyK=Nyelotudományi Közlemények. Budapest.

8. Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваш. Казань, 1902.
9. М. Р. Федотов. Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. I. Чебоксары, 1980.
10. А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Ленинград, 1970.
11. Н. И. Золотницкий. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875.
12. В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
13. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. IV. М., 1973.
14. Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. XVII. Чебоксары, 1950.
15. G. J. Ramstedt. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1976.
16. Martti Räsänen. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1920.
17. TESz=A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Budapest, 1967 (I), 1970 (II), 1976 (III).

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

А. К. САЛМИН

ЧУВАШСКИЕ СКАЗКИ О БАТЫРАХ

Чувашские сказки о батырах рассматриваются нами в сравнительно-историческом плане и в сопоставлении с другими тюркскими богатырскими сказками и тюркским героическим эпосом.

Давно замечено, что между эпосом и сказками богатырского содержания имеется известная аналогия. Однако сказки о богатырях не были еще предметом специального рассмотрения [1]. Известно, что эпос в классическом понимании у чувашей отсутствует. Вместе с тем героическая тематика в чувашском фольклоре разрабатывалась в самых различных жанрах: в мифе, в легендах об улыпе, в исторических песнях, в сказках типа АТ 300, 301, 303, 305, 315, 466, 502, 530, 532, 553, которые еще не исследовались отдельно от волшебных сказок. М. Х. Мингажетдинов в этой связи писал: «Понятие героического у башкир связано не только с героическим эпосом, но и со сказками о богатырях» [2]. «В Башкирии и в Поволжье, — утверждал В. М. Жирмунский, — эпическое творчество сохранилось в виде народных сказок» [3].

Героическое начало в чувашском фольклоре заложено прежде всего в сказках о богатырях, где ведущее место занимает «классическая тема мирового фольклора, получившая выражение в мифе, героическом эпосе, сказке, легенде, духовном стихе, — змееборство» [4]. В свою очередь реализация развития сюжета «осуществляется через серию мотивов» [5]. В качестве таких основных мотивов чувашских сказок о богатырях можно выделить следующие: чудесное происхождение *паттыра*, его богатырское детство, обретением им богатырского коня и снаряжений, единоборства со змеем (~чув. *сёлен*, башк. *йылан*, тат. *елан*, узб. *илон*, карач.-балк. *жылан* 'ползающий, извивающийся, пресмыкающийся'), *туй* (~чув., башк. *туй*, хак. *той*, тув. *дой* 'свадьба, праздник, собрание').

В настоящей статье нами будет рассмотрен исходный мотив, имеющий довольно широкое распространение в мировом фольклоре. Например, в башкирских сказках батыр рождается после того, как женщина съедает рыбу, чудесному зачатию также способствует капля выпитой ею крови. Герой в башкирских текстах происходит от растений и камней, от теста. А Покатигорошек восточнославянских сказок начинает говорить еще в утробе матери, более того — разумно рассуждать. Туркменский Героглы рождается в могиле. Грузинского Амирани извлекают из рассеченного чрева матери. Все эти формы появления на свет героя имеют свои мифологические корни. Известно, что исследование любого фольклорного материала того или иного конкретного народа требует сопоставления его с аналогичными материалами других (на

первом этапе — генетически родственных) народов, даже если они как хронологически, так и регионально не соотносятся, то есть необходимо раскрыть типологию мотивов. Таких работ известно значительное количество. Достаточно назвать труды А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского, В. Я. Проппа, К. В. Чистова, Б. Н. Путилова, Л. Г. Барага. Однако, как справедливо отмечал В. Я. Пропп, тема все еще остается неисчерпанной [6]. Более того, в работах ученых, пожалуй, больше ставится проблем, нежели делаются конкретные выводы. Таким образом, проблема все еще остается актуальной.

Нам удалось получить в свое распоряжение 101 текст с сюжетом о змееборце или единоборстве паттыра с иноплеменником. Из них 19 текстов были записаны еще до революции. Опубликовано из этих текстов только 40 (21 текст на чувашском и славянском языках, 19 — только на чувашском). 22 текста взяты из научного архива Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР и 39 текстов, собранные при помощи студентов, педагогов и пенсионеров, находятся в рукописи. Все опубликованные чувашские сказки выверены по первоисточникам. Полагаем, что много невыявленных текстов хранится в архивах Казани, Ленинграда, Ульяновска, Москвы. Аналогичные сюжеты бытуют среди чувашей как в нашей республике, так и за ее пределами.

В мифах, сказках и эпосе довольно часто встречается мотив чудесного зачатия и рождения героя. Это, как справедливо отмечают исследователи, связано с древними представлениями о партеногенезе.

Чудесному зачатию предшествуют и ему способствуют различные причины: женщина съедает вареный лошадиный тостик (у казахов), вареную рыбу (у башкир), красивое яблоко (у татар), появляется опухоль на спине мужа (в нартском эпосе). В чувашских сказках о паттырах причиной зачатия является выпитая капля крови и слеза, постоянная тоска по сыну, выпитый навар от вскипяченной коры дуба. Зачатие происходит от съеденной женщиной волшебной рыбы. Например, в сказке «Сын кобылы», записанной в 1907 году [7], бездетный мужчина обращается за помощью к знахарке. Она спрашивает:

— Есть у вас озеро, где водятся рыбы? Выловите рыбу с золотой чешуей. Как съест твоя супруга эту рыбу, сразу же забеременеет!

Кинули невод, поймали рыбу с золотой чешуей. Когда ее сварили, супруга съела тело рыбы, хвост отдали поварихе, голову — кобыле. Через год все трое родили. Таким образом, вместе с будущим паттыром появился на свет и жеребенок — его будущий верный спутник. Паттыр и конь составляют единое целое в чувашских сказках о богатырях.

Аналогичная ситуация складывается и в башкирской сказке. Жена хана отправилась на берег и стала жаловаться на свою горькую судьбу. Тут выплыла рыба и подарила ей три рыбки, обладающие магическими свойствами. Когда этих рыб сварили, жена хана съела их туловища, а головы — стряпуха. Вскоре первая родила трех дочерей, а вторая — сына [8].

В татарской и ногайской сказках чудесное зачатие происходит после съеденного яблока [9].

В чувашской сказке «Сын царевны Иван и сын ее слуги» [10] повествование начинается традиционно, то есть с чудесного рождения будущего богатыря. Мать паттыра, призванного победить вековое зло, олицетворяемое змеем, беременеет от одного взгляда на голову мертвого богатыря, покоящегося на дне озера. Это указывает на связь с предками, которую хорошо раскрыл В. Я. Пропп. Предки как бы наделяют

героя силой, необходимой ему для поединка с мифическими чудовищами. Такое необычное, сверхъестественное происхождение обеспечивает герою победу над черными злыми силами, угнетающими народ.

На связь героя с потусторонним миром указывает и алтайский эпос:

Темно-сивый конь, на котором будешь ездить,
От духа воды родился.
Ты сам, Когюдей-Мерген, на свете живущий,
От духа горы зачат [11, стр. 304—305].

«Семьи (хакасов-качинцев. — А. С.), у которых дети умирали часто, откочевывали с несчастливого места. Перед отъездом приглашали шамана, и он камлал, чтобы духи остались, не переехали с хозяевами на новое место» [12]. О живучести подобных суеверий говорит следующий факт. В 50-е годы чувашка Елисса-аппа из Батыревского района переехала со своей семьей в Сибирь. Причем основной причиной переезда было то, что в семье рождались одни только девочки. Когда Елисса-аппа покидала дом, она скоблила ножом глину печки, где, по представлению чувашей, живет добрый дух, хранитель очага Пирёшти (~уйг. *периштэ*, кирг. *бериште*, тат. *фарештэ*, азерб. *пари* 'добрый дух, ангел'), и, собирая ее в специальный кисет, приговаривала: «Пойдем, Пирёшти, с нами. Мы переезжаем, не отставай. Мы теперь будем жить на новом месте». Таким образом, если хакасы, переезжая на новое место, отгоняли злых духов, то чувашки звали с собой доброго духа Пирёшти, то есть духа хозяина дома, с одной и той же целью: сохранить и продолжить род. Все это оставило свой след и в сказках о богатырях.

Столь же необычно и рождение героя. Так, в «Маадай-Кара» у богатыря:

В левой руке при рождении
Девятигранный черный камень был зажат.
В правой руке, когда на свет появился,
Семигранный серый камень был зажат [11, стр. 269].

Именно эти камни помогают потом герою совершать подвиги. А герой чувашской сказки «Антей», выточенный из осины красивый юноша, еще в детстве отличается богатырской силой: стоит ему только коснуться голов своих сверстников, как у тех ломается шея, коснуться рук — выворачиваются руки [13].

Мотив чудесного зачатия весьма условен, поэтому иногда трудно разграничить причины, содействующие появлению героя на свет. Например, в сказании о нартах пастух Соджук, пасший отару на берегу Адила (чув. *Атӑл* 'Волга'), увидел на другом берегу прекрасную Сатаней, полошущую белье. Пастух загорелся любовью и упал на камень. Почувствовавшая это Сатаней, упала на песок. По истечении определенного времени из камня (гранита) извлекли мальчика [14].

Следующей формой чудесного происхождения героя в чувашской сказке о паттырах является одушевление окружающих вещей и предметов. Эта форма тоже имеет достаточно широкое типологическое распространение.

В чувашской сказке «Антей» старик и старуха были бездетными. Старик срубил липу и вытесал из нее мальчика [13]. Липа, по представлению чувашей, является священным деревом.

В другой сказке [15] на помощь бездетным приходит Пихампар (~башк. *пайгәмбар*, тат. *пайгамбар*, каз. *пайгаймбар*, ног. *пайхамбар*) — языческий бог древних чувашей, бог-покровитель. Старик со старухой по совету Пихампара идут к дубу Киремет (~чув. *киремет*, кирг. *кере-*

мет, туркм. *керамат*, якут. *карыммыт* 'злой, мстительный дух') и приносят ему в жертву своего последнего ягненка. Потом берут кусочек коры священного дерева и дома заквашивают в квашне. Наутро из коры появляется мальчик с палец.

В других текстах советчиком выступает знахарка: надо из теста вылепить ребенка, покрыть его белым платком и подождать, пока он не примет человеческий облик, не заговорит и не начнет ходить [«Рождение паттыра», 7, стр. 363—370].

Интересна в этом отношении и сказка «Туй-Тупала» [16]. У престарелой четы не было детей. Старуха сварила гороховую кашу. Старик продал на базаре кашу за пять копеек, а на обратном пути купил козу, потом обменял ее на корову, корову — на коня, а коня — на посошок. Обозленная старуха начала бить старика этим посошком. Разлетевшийся на куски посошок старик собрал в мешок, а мешок повесил в клеть. Наутро в мешке появился мальчик на радость старику и старухе.

В сказке «Паттър Чуста Иван» («Паттыр Иван-Тесто») в мальчика превращается тесто [17].

В приведенных текстах, несмотря на чудесное происхождение паттыра, описываемые события весьма близки к реальной жизни. Это характерная особенность сказок.

Герой может быть также и божественного происхождения. В якутском эпосе герой происходит из рода *айыы аймага* 'родственник бога'. В узбекском эпосе «Рустамхан» старый хан по совету сановников усердно молится и получает благословение дервишей. И вскоре его средняя жена Хураим беременеет. Иными словами, сын — будущий герой — может быть и божьим даром. Подобные примеры имеются и в чувашских текстах.

Некогда в деревне жили бездетные старик и старуха. Они усердно возносили молитвы Туры (~чув. *турă*, азерб. *танры*, уйг. *тәңри*, башк., тат. *тәре* 'бог, образ'), чтобы он дал им ребенка. Туры услышал их молитвы и подарил им сына [18].

Данный мотив типологически близок текстам тюркских богатырских сказок. Так, в турецкой богатырской сказке приснившаяся бесплодной жене Ахмед-аги морская дева обещала наследников. Когда муж утром пошел к морю, то к нему в горшке приплыли мальчик и девочка [19]. Герой башкирской сказки «Янгызак-батыр» также был вымолен у всевышнего слезными молитвами [8].

Связь людей с предками (то есть духами) более подробно представлена в эпических текстах. Красочно описываются страдания бездетных старика и старухи в эпосе «Манас»:

Сына, сына нет у меня,
Чтобы сбрую надел на коня,
Чтобы в шубе с воротником
Был опорой, подмогой моей,
Чтобы спутником-седоком
Он скакал дорогой моей.
Если не дал мне сына бог, —
Пользы нет от моих трудов [20].

По туркменскому обычаю человеку, не имеющему сына, на народных торжествах за пояс всовывали кость, а под хвост его лошади привязывали колючку [21].

Отсутствие сына-наследника обычно расценивалось как бесполезность этого человека для общества. Такого человека, кем бы он ни был, не считали достойным почета и, как правило, отвергали.

Таким образом, сказочный (эпический) герой возвеличивался еще до своего появления на свет. Он наделялся могучей силой и острым умом, ибо он должен был стать заступником народа, победить причиняющего ему страдания коварного и сильного врага аждаху, принести людям избавление и счастье. Поэтому сказитель связывает героя-паттыра с богами-духами потустороннего мира, всесильными и могущественными.

Почитание духов, киреметей, идолов, святых мест было широко распространено среди язычников. Барабинские татары, чтобы угодить идолам, кропили их кровью жертвенных животных [22]. Аналогично поступали чуваша, принося киреметям в жертву лошадей, быков, овец, гусей и кур [23]. У якутов существовал специальный обряд испрашивания детей [12, стр. 141]. Чуваша молились не только за сына, но и за плодородие земли (земледелие было одним из основных занятий), за коня (главная тягловая сила в земледелии), за скот (скотоводство — другой вид основного занятия крестьян). Это можно видеть в молитве низовых чувашей: «Благодарю, молюсь: дай скотине доброго здоровья перезимовать. Пусть будет полная изба ягнят и телят. Пусть жеребенок бежит за кобылой, за коровой — теленок, за овцой — ягнята; пусть один конец будет у воды, а другой конец — у стойла» [24].

Эта традиция нашла отражение и в башкирском эпосе «Урал-батыр», в котором описано, как благодаря услышанной молитве вслед за тулпаром Акбузатом из воды выходят другие лошади и многочисленный скот [25].

Однако, встречаются тексты, в которых рождение сына никак не мотивировано. В одной сказке, например, говорится: «Жил Путан — сын Путана. У него была жена, но не было детей. Приобрел кобылу, и жена его забеременела, а кобыла стала жеребой. Жена родила сына, кобыла принесла жеребенка» [26]. Вскоре престарелый Путан-отец умер. Детей у него до глубокой старости не было. Что способствовало чудесному рождению ребенка — остается тайной. Аналогичная ситуация встречается и в богатырской сказке «Иван», в которой древняя старуха дарит своему старику сына [27].

Можно привести целый ряд других примеров, где чудесное рождение ребенка никак не раскрывается [28]. Показательна в этом отношении башкирская сказка «Алпамыш-батыр». У старика со старухой не было детей, что было причиной их горя. «И вот неожиданно-негаданно, когда они однажды вернулись домой, застали там плачущего младенца.

— Чей это ребенок?

— Наш ребенок.

Очень обрадовались старик со старухой» [8, стр. 29—34].

В узбекской сказке «Сын медведя» говорится: «Некогда Ташкентом правил хан по имени Ирон. Долго не было у него детей, что весьма печалило его, и наконец родился сын Джекевой» [29, стр. 164—181]. Подобное немотивированное рождение ребенка встречается во многих тюркских сказках о богатырях [30].

Мотив чудесного зачатия и в сказках о богатырях, и в эпосе является обычно компонентом сюжетной завязки. В народном представлении герой-богатырь не может рождаться как все обыкновенные люди. Необычность, незаурядность его самого и всего связанного с ним пронизывает всю сюжетную ткань эпоса и сказок о богатырях. Это прежде всего: а) *чудесное зачатие*, б) *превращение предметов в сына*, в) *божественное* и г) *немотивированное рождение сына*. «Выпила навар травы. Немного прошло времени, и старуха действительно родила сына» [31]. Или: «К приходу Кусьмы жена сидит на нарах и держит на руках

новорожденного. Вот беда! Вот странности! От удивления Кусьма ни туда, ни сюда» [32].

Мотив чудесного происхождения героя в чувашских сказках о паттырах позволяет нам рассматривать сказки типа АТ 300, 301, 303, 305, 315, 466, 502, 530, 532, 553 отдельно от волшебных. Таким образом, в жанровом отношении богатырский сюжет в чувашском фольклоре явно родствен и волшебной сказке, и эпосу. Это явление скорее всего является следствием параллельного развития фольклорно-эпического мышления в сказках о паттырах и героическом эпосе.

Бытование сказки независимо от эпической поэзии в настоящее время не подлежит сомнению. Такого же мнения придерживаются, например, башкирские фольклористы, отмечающие «переходное», «промежуточное» положение богатырской сказки по отношению к волшебной сказке и эпосу [33].

Сопоставительное изучение произведений чувашского фольклора и народного творчества других тюркоязычных народов раскрывает их однотипность и родство.

ЛИТЕРАТУРА

1. И. Тукташ. Чăваш фольклорĕпе уяĕн историйĕ синчен. — «Чăваш фольклорĕ. Илья Тукташ хатĕрленĕ». Шупашкар, 1949, стр. 18—21; Н. В. Никольский. Заключение к книге И. С. Тукташа «Чувашский фольклор» (1941). — Научный архив Чувашского НИИ (далее: НА ЧНИИ), отд. III, ед. хр. II; М. Я. Сироткин. Устно-поэтическое творчество. — «Чуваши. Этнографическое исследование». Часть вторая. Чебоксары, 1970, стр. 195.
2. М. Х. Мингажетдинов. Мотив чудесного рождения героя в башкирских богатырских сказках. — «Эпические жанры устного народного творчества». Уфа, 1969, стр. 57.
3. В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Л., 1974, стр. 20.
4. Б. Н. Путилов. Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971, стр. 32.
5. Б. Н. Путилов. Мотив как сюжетообразующий элемент. — «Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895—1970)». М., 1975, стр. 144.
6. В. Я. Пропп. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976, стр. 205.
7. «Сын кобылы». — Gyula Meszaros. Csúvas népköltési gyűjtemény. II kötet. Közmondások, találos-mondások, dalok, mesék. Budapest, 1912, lap. 340—345.
8. «Башкирские богатырские сказки». Уфа, 1981, стр. 46—49.
9. А. А. Васильев. Памятники татарской народной словесности. Сказки и легенды. Казань, 1924, стр. 164—166; «Ногайские народные сказки». М., 1979, стр. 65—73.
10. «Сын царевны Иван и сын ее слуги». — НА ЧНИИ. Отд. I, т. 239, лл. 585—601.
11. «Маадай-Кара. Алтайский героический эпос», М., 1973.
12. Н. А. Алексеев. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980, стр. 158.
13. «Антеи». — НА ЧНИИ. Рукописный фонд Н. В. Никольского, т. 16, лл. 192—208.
14. «Дебет Златоликий и его друзья». Балкаро-карачаевский эпос. Нальчик, 1973, стр. 53—54.
15. «Богатыри». — «Чувашские сказки». М., 1937, стр. 67—83.
16. «Туй-Тупала». — НА ЧНИИ. Отд. I, т. 204, лл. 72—91.
17. «Паттыр Иван Тесто». — Из собраний автора.
18. «Лазар Лазарч и царь Иван Иванович». — НА ЧНИИ. Отд. I, т. 236, лл. 271—311.
19. «Брат и сестра». — «Турецкие народные сказки», М., 1967, стр. 275—282.
20. «Манас», М., 1960, стр. 13.
21. «Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра. Туркменский романический эпос», М., 1971, стр. 207.
22. Л. В. Дмитриева. Язык барабинских татар (материалы и исследования). Л., 1981, стр. 30.
23. П. В. Денисов. Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары, 1959, стр. 107.
24. G. Meszaros. A Csúvas ősvallás emlékei. Budapest, 1909, стр. 150.

25. «Башкирский народный эпос». М., 1977, стр. 379.
26. «Огненный змей и Васили-паттыр». — *H. Paasonen. Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwassen. Helsinki, 1949, стр. 279—290.*
27. «Иван». — НА ЧНИИ. Отд. I, т. 267, лл. 173—182.
28. «Иван Суволов». — НА ЧНИИ. Отд. I, т. 5, лл. 5—6; «Сказание об освобождении Солнца и Месяца из плена». — «Чувашские сказки». М., 1937, стр. 27—40.
29. «Узбекские народные сказки». Составитель И. Рогов. Ташкент, 1980.
30. «Бекжал и птица Зымырык». — «Киргизские народные сказки», М., 1966, стр. 85—94; «Золотая птица». — «Ногайские народные сказки». М., 1979, стр. 34—45; «Тан-батыр». — «Татарские народные сказки». Казань, 1957, стр. 39—61; «Меге-Баян-Тоолай». — «Героический эпос народов СССР», т. I, М., 1975, стр. 352—366.
31. «Поединок Вархоня со змеями». — НА ЧНИИ. Отд. I, т. I, инв. № 20.
32. «Иван-паттыр». — Экспедиционные материалы кафедры чувашской литературы Чувашского ГУ им. И. Н. Ульянова, 1972, т. 7, лл. 3—81.
33. *Н. К. Дмитриев.* Введение к книге «Башкирские народные сказки». Уфа, 1941, стр. 20—21; *Н. Т. Зарипов.* Герой башкирских богатырских сказок, его враги и помощники. — «Вопросы башкирской фольклористики», Уфа, 1978, стр. 3.

О Н О М А С Т И К А

В. Л. ГУКАСЯН, А. А. КУРАНЯН

ТЮРКСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В УДИНСКОЙ АНТРОПОНИМИИ

Удины принадлежат к числу древнейших аборигенов Азербайджана¹. Сведения о проживавших здесь удилах имеются в трудах Геродота (V в. до н. э.), Страбона (I в. до н. э.) и других древних историков и географов. На протяжении многих веков удинский язык тесно контактировал с языками населявших Закавказье и Передний Восток народностей, что подтверждается многочисленными заимствованиями из урартского, иранских (прежде всего персидского), грузинского, армянского и в особенности азербайджанского языков. А. А. Шифнер, характеризуя азербайджанские заимствования в удинском языке, еще в пятидесятых годах XIX века писал: «...Удины заимствовали от татар (азербайджанцев. — В. Г., А. К.) не только одежду. Басни, сказки, поговорки они знают через посредство татарского языка и рассказывают их по-татарски. Те немногие песни, которые в ходу среди них, не содержат никаких исторических воспоминаний. Таким образом, мы видим явное поглощение удинского элемента татарским, который играет значительную роль в современном лексическом составе удинского языка»².

Сказанное в полной мере относится и к удинской антропонимии, в которой широко представлены азербайджанские заимствования — десятки личных имен и прозвищ³. Первые из них выступали и в качестве патронимов — названий отдельных родов и впоследствии составили основу многих удинских фамилий.

Почти все древние авторы и многие современные исследователи отмечают, что удилам в конфедерации Кавказской Албании принадлежало особое место⁴. Однако об исторической этнографии удин нам почти ничего неизвестно. Судя по их современному быту, это огромное в свое время племя состояло из отдельных родов, каждый из которых имел свое название.

Ф. Энгельс, говоря об отличительных чертах ирокезов, отмечает, что у племени сенека каждый род имел «определенные имена или группы имен, пользоваться которыми во всем племени может он один, так что имя отдельного человека также указывает, к какому роду он принадлежит»⁵. Аналогичное положение наблюдается и у удин. Село Нидж Куткашенского района Азербайджанской ССР, где проживает более семидесяти процентов удин, разделено на пятнадцать кварталов, в каждом из которых проживает несколько родов. Названия этих родов ныне служат фамилией для всех их членов. Например, в четырех разных кварталах, довольно далеко расположенных друг от друга, существуют

одноименные роды qoajas, члены которых издавна (буквально столетиями) носят эту родовую фамилию. Сказанное относится и ко всем другим родам Ниджа, Варташена и Мирзабейли.

Весьма примечательно, что основные компоненты в названиях всех пятнадцати кварталов и большинства родов в с. Нидж являются азербайджанскими, причем часть из них этимологически исконно тюркского происхождения. Приведем перечень этих кварталов: Falcylı, Dälläkli, Zırmähällä, Därmähällä, Därabay, Qożabähli, Pissulu (>Picilli), Vāzirli, Mälikli, Aydälläkli, Färimli, Malbājli (<Malbel), Abdally, Kārimli, Jelaşaylı. В последних трех кварталах живут большей частью азербайджанцы. Каждый из остальных двенадцати кварталов включает, в зависимости от количества семей, от пяти до пятнадцати родов (число одноименных родов незначительно). Более половины родовых фамилий имеют азербайджанские основы, например: ata-, aya-, hāsān-, falci-, manşar-, Lejli-, kūrān-, dallar-, saqqali-, kārā-, jenıyibar-, durmuş-, köçār-, köç-, qaraşa-, şirşir-, çaldallar-, Laçın-, zārgār-, qaragedā-, jüzbaşı-, vāzir-, çolax-, zütci-, qālb-, bajram-, jerim-, qyqyç-, hajrum-, bala-, balasa-, bojaxçi-, meşā-, şejran-, dingiliş-, maral-, çintal-, gözāl-, dinçi-, dāmırçi-, tağxan- и многие другие.

Такое же положение наблюдается и в Варташене (silik-, durmuş- и др.). При образовании фамилий к этим основам в удинском языке добавлялись либо слово-формант yar ('сын, дитя') плюс аффикс принадлежности -i, либо тюрко-монгольское xoj 'род' или азербайджанское (resp. араб.) gedā. Такая классификация в удинском языке сохранилась и функционирует по сей день. Это свидетельствует о том, что данные патронимы в удинском языке являются давними азербайджанскими заимствованиями, ибо родовое деление у удин — явление древнее и, по всей вероятности, до XVIII века они оставались всего лишь родовыми названиями, а официальные фамилии у удин, как мы полагаем, появились позднее. Об этом говорит хотя бы то, что письмо удин с территории Куткашенского района, адресованное в 1725 году Петру I, было подписано авторами (сельскими старшинами) только именами (Байрам, Аллахверди, Минас, Барсер, Насиб и др.)⁶. Известно, что до XVII—XVIII веков официальные фамилии не отмечаются и у народов Западной Европы. Говоря о системе личных имен, В. А. Никонов пишет: «У исландцев нет фамилий, чеха, поляка, болгарина не называют по отчеству, у некоторых народов Океании нет ни фамилий, ни отчества»⁷; не имели фамилий даже цари, «у Грозного фамилии не было. И двумя столетиями позже не было фамилий у большинства населения России»⁸.

У удин официальные фамилии появляются, по-видимому, лишь с первой половины XIX века. Так, информатором А. А. Шифнера по ниджскому диалекту удинского языка был Артем Хамаян, получивший образование в Москве в 30-е годы XIX века⁹. В те же годы в Париже учился удин Карапет, носивший фамилию Автандилян¹⁰. В этот период письменным языком удин в основном был армянский, поэтому к окончанию большинства удинских патронимов добавлялся персидско-армянский суффикс множественности-собирательности -an/-jan. Однако этот факт характерен только для текста официальных документов, в самом же удинском языке патронимы по-прежнему продолжали употребляться с компонентами yar-i, xoj, gedā, или просто с аффиксом принадлежности -i; например: Falçiyari>Falçaari, Manşarxoj, Kūrānxoj, но Samandı (от Sāmänd), Marali>Marari (от Maralı) и т. д.

Такое распространенное явление, как наличие в роду фамилий с одной основой, но с разными словообразующими компонентами, по всей вероятности, связано с классовым расслоением общества. Так, патроним

в одном случае может употребляться с компонентами *yağ*, *hoj*, а в другом — с *gedā*. Ср. например: *Falčari/Falčarhoj* (<*Falčiyari*) *Falčiyarhoj*), но *Falčingedāmux*¹¹ ('холопы из рода Фалчи'), *Qaražarhoj*, но *Qaragedāmux* ('холопы из рода Qara') и т. д.

Состав удинских патронимов представляет интерес и с точки зрения истории азербайджанской антропонимии, так как азербайджанские заимствования здесь весьма разнообразны по своему характеру. Встречаются патронимы, образованные от азербайджанского этнонима *ağust* и этнонима и ойконима *şirvan*. Особенно примечателен в этом отношении род *balasa-* в квартале Дербег. Этот род переселился в Нидж из удинского села Кирзан Таузского района¹² в XIX веке. Патроним *balasa-*, на наш взгляд, идентичен с названием обосновавшегося на Мугани гуннского племени *баласачи*, построившего в V веке город Ак-гун¹³.

Среди азербайджанских заимствований в удинской антропонимии много *nomina agentis*: *zārgār* 'ювелир', *dāmirçi* 'кузнец', *mešāči* 'лесник', *falči* 'гадальщик', *jūzbaşi* 'сотник' и др. А названия таких родов, как *žejgan-*, *mağal-*, *Lačip-* и т. п., на наш взгляд, связаны не столько с названиями животных, сколько с одноименными тюркскими онгонами. Немалый интерес представляет патроним *Silik-o*. С. М. Моллазаде отмечает, что данное слово «зафиксировано еще в орхоно-енисейских надписях...», в „Диване“ Махмуда Кашгари, „Кутадгу билиг“ и др. в значении „чистый, благородный, изящный“¹⁴. Фамилия *Силико* принадлежала знатному роду в Варташене: выходцем из этого рода был, например, царский генерал-лейтенант Степан-бек Силико.

Роль азербайджанских личных имен в системе удинской антропонимии не ограничивается сказанным. Личные имена (по всей видимости, это были имена основателей родов) широко использовались при образовании родовых названий. Не случайно некоторые из них сохранились и поныне; например: *Jengibar*, *Murad*, *Askār*, *Mālig*, *Bajram* и др., большинство же из них встречается только в составе родовых фамилий.

Среди удинских личных имен много огузских, кыпчакских, древнетюркских и монгольских антропонимов. В удинском языке нами не зарегистрировано, например, мужское имя Юсиф (Иосиф), но широко употребляется его кыпчакский вариант *Usub/Usup* (*Dälläji Usub*, *Zārgāri Usub* и др.). В современном удинском языке, например, антропоним *Кушман* выступает только в качестве основы фамилии, хотя некогда существовало такое мужское имя. Г. Ф. Саттаров пишет: «*Кошман* 'Кушманы' — название татарского села Апастовского района происходит от болгаро-чувашского лично-индивидуального прозвища *Кашман* 'редька' (о человеке, остром на язык...). Здесь следует отметить, что венгерские ученые К. Редей и А. Рона-Таш слово **хушман* 'редис, редька' предположительно считают волжско-булгарским»¹⁵.

Если учесть, что в азербайджанском языке антропоним *Кушман* почти не употребляется, можно допустить, что он был заимствован удинским в период раннего средневековья из северных диалектов азербайджанского языка, в которых в то время преобладал раннекыпчакский элемент.

Немалый интерес представляют также имена: *Bayaj*, *Jengibar*, *Zomī*, *Suqut*, *Akar*, прозвища: *Canqa*, *Bādük*, *Qylynž*, *Cintal*.

Антропоним *Bayaj* возник от названия должности «предводителя» в древних тюркских и монгольских языках. В «Древнетюркском словаре» *bayu* отмечается как титул, восходящий к согдийскому *by*, но там же приводится пример из Онгинской надписи, относящейся к первой четверти VIII века — *bayu tāngrikan*¹⁶. Следовательно, в тюркских языках он употребляется с древних времен, а в удинский, очевидно, проник через

посредство языков савиро-хазарского союза или в период монгольских нашествий. К древнетюркским и монгольским относится и имя Kūgān — основа удинского патронима Kūgānхој, в указанных языках это слово употреблялось в значении «вельможный род, привилегированный».

Слово jengi в современном азербайджанском языке преобразовалось в jeni 'новый, свежий', так как ng/pq в литературном языке отсутствует, хотя и функционирует в некоторых диалектах и говорах¹⁷. Кроме того, jengi сохраняется и в топонимии Азербайджана: в Куткашенском районе известен ойконим Syrt Jengižä. Наличие антропонима Jengibar (букв.: 'новый плод; новый урожай') в удинском — явление естественное, что подтверждается тем, что он представлен в том же Куткашенском районе в ниджском диалекте этого языка.

В современном литературном азербайджанском языке не употребляется слово žot, которое, как отмечает М. Ш. Ширалиев, «в муганском говоре означает племя, род, родня... В современном хакассском и тувинском языках *чон, чоң* означает народ, племя»¹⁸. По-видимому, в удинском это слово было вторым определяющим компонентом названия какого-то рода. С утратой первого компонента оно субстантивировалось.

Акаг и Сүгүт, удинские личные имена, имеют, по-видимому, тюрко-монгольское происхождение. Историк XIII века Киракос Гандзакечи, перечисляя более шестидесяти тюркских и монгольских слов, отмечает, что монголы быка называют *акар*-¹⁹; телячье мясо в удинском до сих пор называется ахаг, а бык — *arak*²⁰ (по-видимому, это фонетическое видоизменение слова *akar*). Что касается имени Сүгүт, то это является вариантом слова *jigit* 'смелый, храбрый' в *дж*-диалекте²¹.

Довольно редко встречается патроним и антропоним Тагхан, зафиксированный еще в VII веке в «Истории Алван», как титул привилегированных вельмож у хазар. Судя по первоисточникам, *тархан* сначала был жалованным титулом вельможи, а в дальнейшем стал употребляться и как собственное имя, то есть он, как и некоторые другие древнетюркские титулы (например, *bagaj*, *čanka*, *čoki* и др.), впоследствии субстантивировался. Из сочинений Ат-Табари известно, что одного из военачальников Бабека, по происхождению тюрка, звали Тархан²². Род Тарханов проживает в квартале Дашбулаг, примыкающем к кварталу Абдаллы (например, *Тархани Тамам*, *Тархани Новруз* и др.).

Из женских имен весьма распространенными являются *Ajnagül* (букв. 'чистая, прозрачная, зеркальная роза'), *Dästägül* ('букет роз'), *Täzägül* ('свежая роза'), *Čičäj* ('цветок'), *Rejhan* ('пахучая зелень, базилик'), *Bästi* (букв. 'хватит'), *Tamam* (букв. 'достаточный, законченный'), *Sänäm* ('русалка'), *Sona* ('русалка'), *Gülüzar* ('розовая'), *Balaханum* (букв. 'младшая госпожа'), *Anasi* ('мать') и др.

У удин широко распространены прозвища. Фактически большинство древних имен, как удинских, так и заимствованных из азербайджанского, персидского и других языков, у современных удин выступает в качестве прозвищ, значения которых зачастую утрачены. Так, например, значения удинских патронимов *Qötöl*, *Tumi*, *Totu*, *Dom*, *Pampal*, *Dar* и т. п. неизвестны современным носителям удинского языка и употребляются они сейчас только как прозвища. То же самое можно сказать относительно таких азербайджанских заимствований, как *Čanka*, *Čoki*, *Bädük*, *Idi*, *Cintal*, *Qylunž* и др. *Čanka* в тюркских языках означало титул. Так называли заместителя бека, рожденного от его внебрачной супруги. *Čoki* (в тюрк. *čögy*) было собственным именем у тюрков. *Cintal* было прозвищем внешне уродливых мужчин или названием дятла (птицы) в куткашенских говорах. У удин с. Нидж это слово функционирует как

основа фамилии Cıntalov. Значение слова *qylpñz* в удинском языке сохраняется — «меч», «сабля». По всей вероятности, род, носящий это имя, или занимался изготовлением мечей, или же изображение меча имелось на его гербе, хотя о гербах удинских родов нам еще ничего неизвестно.

Bädük — имя, трансформировавшееся в азербайджанском языке в *böjök*. Bädük 'крупный, большой, великий' широкоупотребительное слово *ö*-диалекта древнетюркских языков. Оно включено и в «Древнетюркский словарь»: «*Bedük* 1. большой: *üç bedük közläri* 'его три больших глаза' (Uig I 45₁₃)... *bedük tevi* 'большой верблюд' (МК 193₁₄)...»²³.

Система личных имен в удинском языке достаточно сложная. Нередко здесь трехчленная именная композиция образуется из слов-антропонимов двух (удинского и азербайджанского, азербайджанского и армянского, азербайджанского и грузинского, азербайджанского и персидского или греческого и т. д.) или трех языков (азербайджанского — армянского — грузинского...). Например: *hajrumi Arusjak Qarabäjovna*, *Balajan Bästi Soymovna*, *Bojaxčifev Karapet Balabäjovič*, *Qaražujjan Čižaj Arutjunovna*, *Durmuşjan Sänäm Zäfärovna*, *Jengibarjan Nunik Qarabäjovna*; или *Dinčijan Aşot Mamurijevic*. Но в большинстве случаев два из трех компонентов относятся к словам-именам азербайджанского языка.

Заемствованные имена в удинском языке, безусловно, подвергаются фонетическим видоизменениям в соответствии с его звуковым строем. Многие из них употребляются в чисто азербайджанском варианте (*ajrum*, *baba*, *ağa*, *ata*, *telli*, *bala*, *bajram*, *väzır*, *verdi*, *zejran*, *meşä*, *aslan*, *čıntal*, *dämirči*, *falči* и т. п.), но некоторые адаптируются: так, инициальный *q* часто заменяется смычно-гортанным *kə* (*Qarabäj* > *Kəarabäj*, *Qäləb* > *Käləb*, *Qaraža* > *Kəaraža*). Так как сочетание согласных (как и гласных) не характерно для удинского языка — *Lejli* произносится как *Lela-* (ср. *Lelari* > *Leljan*, *dabbay* > *dabay-i*). Наблюдаются и более сложные видоизменения, например: азерб. *Sämänd* > удин. *Саьтаьnd*. Возможно, удинское *Саьтаьnd* восходит к *Sämänd* *ç*-диалекта кыпчакских языков. Таких слов в удинском языке много²⁴.

Отметим, что часть тюркских личных имен, патронимов и прозвищ, входящих в систему удинской антропонимии, в азербайджанском языке ныне отсутствует (например: *čoki*, *čanka*, *bedük*, *čıntal*, *bayağ*, *balasa*, *kuşman*, *Akar*, *čykyt* и др.). По-видимому, это древние слова, бытовавшие в диалектах азербайджанского языка, через посредство которых они и проникли в удинский.

Так как антропонимика в Азербайджане — пока еще недостаточно изученная область, исследование азербайджанских патронимов и антропонимов, входящих в систему удинской антропонимии, представляет определенный научный интерес. Древние собственные имена людей могут послужить ценным материалом для исследователя истории народов и их языковых и этнокультурных контактов. Наличие языковых элементов савиро-хазарского союза и древнекыпчакских языков в системе личных имен удинского языка, с нашей точки зрения, факт, представляющий определенный интерес для тюркологов.

¹ Современные удины компактно проживают в селе Нидж, частично в с. Мирзабейли и в райцентре Варташен (Азербайджанская ССР), а также в с. Октомбери Кварельского р-на Грузинской ССР, куда они переселились из Варташена в 1920—1922 гг.

² A. A. Schiefner. Versuch über die Sprache der Uden. — «Mémoires de l'Académie impériale des Sciences de St.-Petersbourg», VIIe Série, Tomé VI, № 8, СПб., 1863, стр. 7.

³ К данной категории имен относятся и те иноязычные, которые проникли в удинский язык через посредство азербайджанского.

⁴ См.: Г. А. Меликишвили. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. I. Наир — Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 405—406; А. Г. Шанидзе. Язык и письмо кавказских албанцев. — «Вестник отделения общественных наук при Академии наук Грузинский ССР», Тбилиси, 1960, № 1, стр. 188—189; И. М. Дзяконов. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, стр. 19—20; Г. А. Климов. К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности. — «Вопросы языкознания», 1967, № 3, стр. 69—72; В. Л. Гукасян. Опыт дешифровки албанских надписей Азербайджана. — «Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства», 1969, 12, стр. 52—74; С. Н. Муравьев. Три этюда о кавказско-албанской письменности. — «Ежегодник иберийско-кавказского языкознания», т. VIII. Тбилиси, 1981, стр. 222—286.

⁵ Фридрих Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1980, стр. 99.

⁶ См.: Г. Н. Эзов. Сношения Петра Великого с армянским народом. Документы. СПб., 1898, стр. 428.

⁷ В. А. Никонов. Имя и общество. М., 1974, стр. 32.

⁸ Там же, стр. 160.

⁹ А. А. Шифнер. Указ. раб., стр. 3.

¹⁰ А. М. Дирр. Грамматика удинского языка. Тифлис, 1903, стр. 111.

¹¹ Окончание -тих является в удинском языке аффиксом множественности-собира-тельности.

¹² В. Л. Гукасян. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973, стр. 46—47.

¹³ Зия Бунятов. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965, стр. 180.

¹⁴ С. М. Моллазаде. Топонимия северных районов Азербайджана. Баку, 1979, стр. 156.

¹⁵ Г. Ф. Саттаров. Татарская антропонимия и этнолингвистические связи. — «Советская тюркология», 1978, № 3, стр. 25—26.

¹⁶ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 77.

¹⁷ См.: М. Ш. Широлиев. Диалекты и говоры азербайджанского языка. Баку, 1983, стр. 41.

¹⁸ М. Ш. Широлиев. Термины, обозначающие род, племя. — «Восточная филология». III, Тбилиси, 1973, стр. 194.

¹⁹ См.: Киракос Гандзакец. История Армении. М., 1976, стр. 173.

²⁰ См.: Ворошил Гукасян. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974, стр. 47, 51.

²¹ См.: В. Л. Гукасян. Указ. автореф., стр. 15—17.

²² Подробнее об этом см.: В. Л. Гукасян. Тюркизмы в албанских источниках. — «Советская тюркология», 1977, № 2, стр. 34—35.

²³ См.: «Древнетюркский словарь», стр. 91.

²⁴ Подробнее об этом см.: Ворошил Гукасян. Древние тюркизмы в удинском языке. — «Известия АН Азерб. ССР. Серия литературы, языка и искусства», 1978, № 2, стр. 73—78.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

И. Л. КЫЗЛАСОВ

ДРЕВНЕХАКАССКИЕ НАДПИСИ НА ПЛИТАХ КУРГАНА УЗУН ОБА

С 1974 по 1981 год археологическая экспедиция Московского университета под руководством Л. Р. Кызласова вела раскопки средневекового городища в устье р. Уйбата в Южной Хакасии¹. Одновременно коллективом экспедиции проводились широкие разведывательные обследования бассейна Уйбата, отрогов Сахарского хребта и прилегающих районов. Объектом интересов экспедиции были не только новые для науки археологические находки, но и памятники, известные в литературе, обнаруженные еще в конце XIX века А. В. Адриановым, А. О. Гейкелем и другими исследователями. Выяснились возможности проведения дальнейших раскопок этих комплексов, в свое время давших интересный археологический материал (Кызылкульский и Ташебинский чатасы) выяснялась методика проведения раскопок учеными-предшественниками, по сохранившимся остаткам их работ. Это давало возможность составить более точное представление о проводившихся археологических исследованиях, а также получить дополнительные сведения для объективной оценки введенных в научный обиход источников. Еще одной причиной поисков старых раскопок была несомненная связь ряда из них с памятниками средневековой енисейской письменности. Экспедиция стремилась выяснить судьбу высеченных на камне текстов и проинвестировать новое их изучение.

Благодаря целенаправленным поискам уже в 1974 году был обнаружен раскопанный в 1895 году А. В. Адриановым Кара курган (*Хара кўрган*), датируемый IV—III веками до н. э. На одном из его менгиров сохранилась руническая надпись, открытая А. М. Кастреном в 1847 году. Сведений о ней не было с 1888 года. Эта надпись была нами заново изучена и прочтена. Известная как «Пятый памятник с Уйбата», надпись относится к новой категории енисейских надписей — пограничным, межевым текстам².

Летом 1976 года экспедиция разыскала и другой курган, раскопанный А. В. Адриановым в 1895 году, известный под названием Узун оба (Длинные менгиры). Он находится в пшеничном поле в 450 м к западу от тракта, ведущего с разъезда Оросительного в поселок Ильича (Алебастровый рудник), в 5 км к юго-западу от этого разъезда. От Окунева улуса до кургана 3,5 км на северо-запад, от левого берега Сухого Уйбата — 2,5 км на северо-северо-запад, а от полотна железной дороги и гравийного шоссе Капчалы — Оросительный — 2 км на юг.

Курган имеет большую ограду из вкопанных боковой гранью плит, ориентированную сторонами по странам света (рис. 1, 2). По особенно-

стям конструкции он относится к так называемым «восьмикаменным» курганам II стадии тагарской культуры (IV—III вв. до н. э.) со «входом» с востока. Размеры сторон ограды: северной — 25,6 м, южной — 28,6 м, западной — 31,6 м, восточной — 37,8 м. Курган оправдывает свое название: по углам ограды и посередине западной и южной сторон стоят вертикально высокие плиты. Посередине восточной стороны два подобных же менгира, вкопанных внутри крепиды, обозначавших «вход». Была ли такая же высокая плита посередине северной стороны в настоящее время установить невозможно, но врытая боковой гранью невысокая плита там имеется. Все вертикально вкопанные плиты обращены узкими гранями на восток и запад. Высота уцелевших менгиров: северо-западного—3,97 м (поперечник $1,5 \times 0,3$ м), западного срединного—3,47 м ($1 \times 0,25$ м), северо-восточного—4,76 м ($1,85 \times 0,32$ м), восточного срединного (северной плиты «входа») —3,46 м ($1,05 \times 0,28$ м). Верхушки всех трех больших плит южной стороны ограды сломаны и (кроме средней), по-видимому, увезены. Что касается плит, образующих ограду и врытых боком, то по северной стороне их оказалось пять, по восточной — девять, по южной — шесть и по западной — десять. Размеры их различны. Отметим еще плиту, одиноко лежащую в степи в 22 м к западу от ограды кургана (по центру его западной стороны). Ее размеры $4,9 \times 2,1$ м. В древности она, вероятно, стояла вертикально.

Осмотр обнаружил, что за время, прошедшее после раскопок А. В. Адрианова, курган существенным разрушениям не подвергался. Следы давних раскопок колодцами сохранились в виде двух больших воронок, расположенных по оси север—юг в каменной насыпи внутри ограды. Третья небольшая яма находится к западу от воронок. Описывая плиты кургана, А. В. Адрианов отметил, что «на одной из них есть руническая надпись плохо сохранившаяся, а на трех высечены изображения животных и знаки»³. Надписи действительно имеются на некоторых плитах кургана Узун оба (рис. 2). Знаки выбиты на узких гранях сохранившейся высокой плиты «входа». На восточной грани они нечеткие, полустертые, неподдающиеся фиксации; на западной — сверху вниз друг под другом выбито около шести знаков, три из которых имеют вид круга с крестообразными пересечениями. Очертания их напоминают шаманский бубен (рис. 3).

На широкой южной стороне высокой северо-западной плиты имеются сравнительно недавно выбитые этнографические рисунки местных хакасов⁴. В верхнем левом углу изображены четыре тамговидные фигуры коней, идущих вправо. Слева и под ними — другие тамги. В большинстве своем последние напоминают буквы русского алфавита (иногда попарно слитые), обозначающие, видимо, инициалы людей. Есть тамги и в виде трезубцев, прямоугольников и п-образных фигур (рис. 4). В правом верхнем углу расположены два знака, сходные с руническими. Они выбиты пунсоном, то есть отличаются по технике нанесения от остальных знаков этой плиты. Отчетливо видны знаки, сопоставимые с енисейскими буквами для q и d². Следы того же пунсона можно заметить между ними и справа от них⁵. Однако размещение этих знаков, не составляющих регулярную строку, и выбор для них неудобного по рельефу участка грани менгира настораживают и требуют особой осторожности при осмыслении их назначения. Тем не менее это не может служить основанием для отрицания возможной связи указанных знаков с рунами енисейского алфавита. Не исключено, что они относятся к особому разряду эпиграфических памятников — инициальных или магических надписей. Известна, например, манера нанесения обособленных разнорядных рун на бортики некоторых средневековых зеркал, найден-

ных в Хакасско-Минусинской котловине⁶. Обозначим описанные знаки на северо-западной плите как эпиграфический памятник Узун оба III.

Изучение кургана Узун оба сопровождалось рядом событий, нередко парадоксальных. Впервые курган был осмотрен в 1887 году участником экспедиции Финского археологического общества Х. Аппельгреном Кивало, который срисовал имеющиеся на плитах рисунки, не придав значения или не заметив высеченных рунических надписей. В 1888 году курган и одну надпись нашел с помощью Никифора Доможакова студент Буланов. Он указал их И. Р. Аспелину, который к вечеру второго октября прибыл к кургану Узун оба и при свете костра скопировал эту надпись (Узун оба I). В следующем, 1889 году И. Р. Аспелин повторно побывал там и произвел фотографирование той же надписи⁷. В 1895 году, как уже было сказано, А. В. Адрианов произвел раскопки кургана. Таким образом, в 1887—1895 годах финские и русские археологи пять раз осматривали плиты и даже в течение нескольких дней вели раскопки кургана Узун оба, не заметив при этом, что на одной из курганных плит есть еще одна руническая надпись (Узун оба II), гораздо большая по размерам и несравненно более ценная, по сравнению с прежними, по содержанию. Между тем известно, что местное хакасское население хорошо знало этот текст, так же как и другие исторические памятники родной земли. Еще в 1784 году этот рунический памятник, среди прочих, был указан местными жителями губернским чиновникам, получившим приказ иркутского и колыванского губернатора генерал-лейтенанта Якоби отыскать и скопировать древние надписи на камнях. В 1785 году Якоби, выполняя распоряжение правительства, прислал в Санкт-Петербург копии с четырех таких надписей. В 1793 году эти полученные из Сибири рисунки были изданы П. С. Палласом. Среди них оказались копии обоих текстов с кургана Узун оба (Узун оба I и Узун оба II). Несмотря на то, что обе копии были в 1818 году переизданы Г. И. Спасским (спутавшим, однако, адрес одного из памятников⁸), тексты их не привлекли должного внимания языковедов, изучавших енисейские рунические надписи⁹. И это неудивительно. Изданные рисунки, выполненные на глаз и от руки, настолько далеки от оригиналов, что они не поддаются прочтению. Единственное, что нам удалось сделать при тщательном изучении истории исследования древнехакасских надписей, — это не без труда отождествить копии XVIII века с вновь обнаруженными в поле текстами. Надпись Узун оба II была обнаружена Л. Р. Кызласовым в 1976 году.

Целью настоящей статьи является публикация результатов исследования уцелевшей стелы с надписью Узун оба I, впервые найденной Булановым. Вновь обнаруженному письменному памятнику Узун оба II автором будет посвящена отдельная статья.

Надпись Узун оба I была опубликована по эстампажу финской экспедиции и в тюркологической литературе получила название «Четвертый памятник с Уйбата» (ЕЗЗ)¹⁰. Изучение оригинала надписи в 1976—1981 годах позволяет внести уточнения в прежнюю прорисовку этого текста и предложить его новое прочтение.

Надпись нанесена на узкую восточную грань второго вертикального камня северной стороны ограды кургана, стоящего к востоку от северо-западной угловой плиты (рис. 2). Высота этой стелы 1,1 м, толщина 0,18 м, ширина 1,83 м (рис. 5). Грань с надписью имеет размер 0,79×0,22 м. Текст состоит из двух строк, написанных снизу вверх, справа налево. Грань сильно сглажена, судя по характеру потертости, многократным (в течение тысячелетия) почесыванием скота об эту поверх-

Рис. 1.

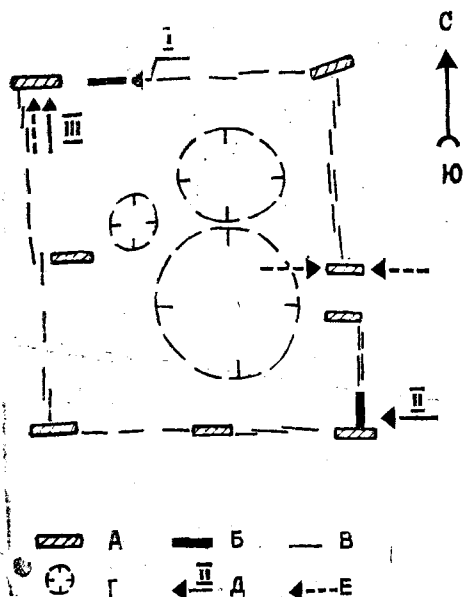

Рис. 2.

Рис. 1. Курган Узун оба. Вид с юго-запада. Расположение камней с надписями обозначено стрелками (цифры соответствуют индексам текста).

Рис. 2. Глазомерный план кургана Узун оба. Условные обозначения: А — вертикально стоящий менгир; В — плита с надписью; В — вкопанные ребром плиты ограды; Г — воронки раскопов А. В. Адрианова; Д — стрелка, указывающая местонахождение надписи (римская цифра соответствует индексу текста); Е — стрелка, указывающая местонахождение изображений.

Рис. 3. Знаки на западной грани плиты «входа». Деталь.

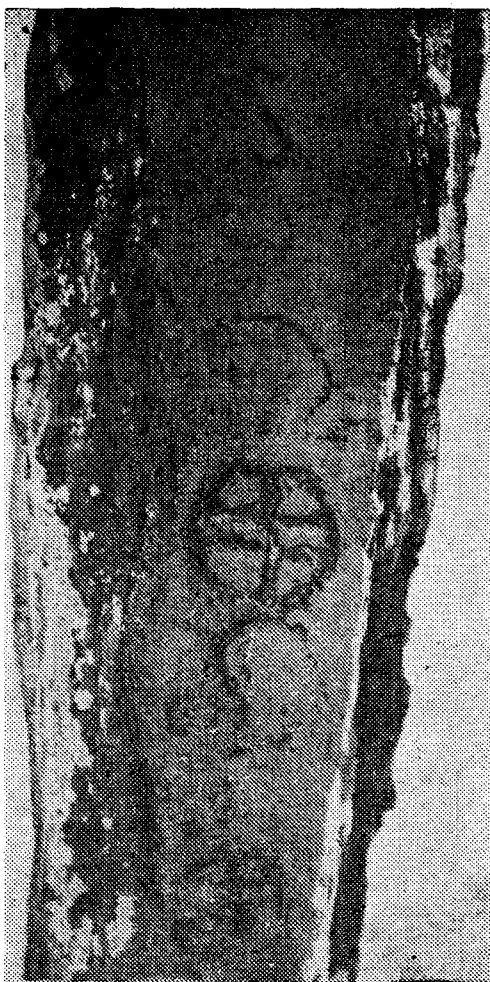

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 4. Изображения на южной грани северо-западного менгира. Общий вид (стрелкой обозначены знаки Узун оба III).

Рис. 5. Взаиморасположение плит с эпиграфическими памятниками Узун оба III (вертикальная плита слева) и Узун оба I (врытая боковым ребром справа, стрелкой обозначена грань с надписью).

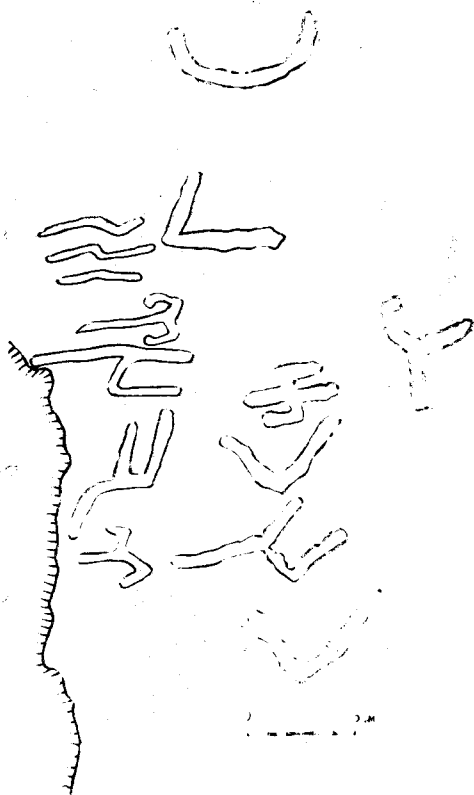

Рис. 6. Памятник Узун оба I. Текст и тамги. Рис. 7. Прорисовка памятника Узун оба I.

ность камня. Особенно сглажена вторая строка надписи (рис. 6). Но при благоприятном освещении достаточно отчетливо различаются все знаки. Можно полагать, что за 88 лет, прошедших со времени копирования текста И. Р. Аспелиным, состояние надписи заметно не ухудшилось.

В старом воспроизведении выделенных выше строк читалась одна буква *п*¹. Действительно, на камне правее первой строки¹¹ изображен один знак. Однако это не буква, а средневековая тамга, имеющая вид открытой вверх скобки с дополнительным отростком, отходящим вниз от середины дуги. Элементами второй тамги подобного типа являются два других знака, находящихся выше первой строки текста: открытая верху скоба и внизу — образующие угол две линии, не сходящиеся со скобой (рис. 6, 7). Оба тамговых знака отличаются от рун надписи более грубой выбивкой. Размеры их дуг соответственно составляют 4 и 7 см при общей высоте знаков 5,5 и 10,5 см. Толщина линий около 0,7 см.

Первую строку текста составляют четыре крупно начертанные буквы. Размер их уменьшается справа налево (высота букв соответственно: 6,3; 8,2; 5,6 и 4,5 см; толщина линий около 0,7 см), в конце строки они располагаются друг к другу плотнее. Общая длина строки 16 см.

Вторая строка также состоит из четырех рун и завершается тремя ломаными линиями, не являющимися буквами. Знаки этой строки меньше по величине, чем предшествующей (их высота 3,2; 5; 7,7 и 5 см), они выполнены более тонкими линиями (толщиною 0,3—0,4 см). Общая длина строки 14 см (рис. 7).

Учитывая размещение на плоскости камня тамговых и рунических знаков, можно, еще не читая надписи, предположить, что Узун оба I представляет собой «многослойный» эпиграфический памятник, все ныне фиксируемые элементы которого не были нанесены на камень в одно время. Перед нами по крайней мере две «неравноправные» по своему расположению на плоскости группы. Первая состоит из более крупной верхней тамги и первой строки надписи, нанесенных посередине грани менгира вдоль ее длинной оси. Правая тамга и вторая строка текста занимают края плоскости камня. Оба элемента первой группы (тамга и руны) заметно крупнее по размерам аналогичных составляющих второй группы. Характер написания букв второй строки находится в явной зависимости от размещения рун первой строки и конфигурации ограничивающего плоскость камня ребра. Так, первая (в порядке чтения справа налево) руна коротка именно потому, что расположена между длинной вертикальной чертой второго знака первой строки и сколом камня, дугообразно выпирающим здесь вовнутрь грани. Третья руна длиннее остальных — в этом месте изменяется рельеф указанного склона. Начало строки также определяется рельефом и состоянием поверхности грани в этом месте, так как ниже первой буквы первой строки она косо сколота и неровна. Человек, выбивавший правую тамгу, учитывал, что на камне уже не оставалось места ни для нанесения более крупного знака, ни для его композиционно более выгодного размещения.

Сказанное указывает на то, что верхняя тамга и правая строка надписи были нанесены ранее правой тамги и второй группы рун. Подтверждается это и тем, что длина второй строки явно ограничена верхней тамгой (и, возможно, тремя отмеченными ранее линиями). Поэтому последние две буквы размещены теснее, чем другие. То же самое заметно и в размещении рун первой строки. Значит, обе строки надписи могли быть нанесены позднее верхней тамги или же возможности писавшего были ограничены непригодным участком поверхности камня, расположенным между тамгой и надписью. Наиболее вероятно одновременное нанесение верхней тамги и первой строки текста (тесное размещение последних рун здесь могло быть вызвано и порядком нанесения тамги и букв на камень). Об этом свидетельствует отмечавшееся композиционное единство этих двух элементов памятника Узун оба I, а также то, что и верхняя тамга и руны первой строки выбиты линиями одинаковой ширины.

Более позднее появление второй строки, кроме отмеченных особенностей в размещении рун, подтверждается иной шириной образующих их линий и графическими отличиями. Например, употребленные в обеих строках руны «к» написаны по-разному (рис. 7). Первая имеет прямую ножку, к которой верхний прямоугольный элемент примыкает одним углом, а во втором случае — ножка отогнута в нижней части, а короткая сторона верхнего элемента служит прямым ее продолжением.

Таким образом, представляется, что на восточную грань менгира первоначально были нанесены верхняя тамга и первая строка надписи,

затем — вторая строка рун (выполненная иным почерком) и последней — правая тамга. Какой период времени мог разделять эти два «слоя» памятника, ответить сложно: в настоящее время наука еще не располагает ни разработанной палеографией енисейских надписей, ни значительным числом скобкообразных тамг, необходимых для выявления закономерностей изменения их начертаний со временем. Представляется, что хронологическое различие выделенных компонентов памятника не может быть слишком значительным. Расположение правой тамги — наиболее позднего элемента — в верхней, а не в какой-либо иной части плоскости, хотя и узкой, но длинной, пригодной для письма, свидетельствует о том, что эта тамга нанесена на камень в соответствии с теми же композиционными законами, которые определили верхнее размещение первой тамги. Оба знака нанесены в период существования этой единой традиции. В хронологические поиски вносит ясность и текст самой надписи.

Транслитерация:

(1) o(u)ko(a)z

(2) r²kū(ö)r²

Транскрипция:

(1) okuz

(2) e_r kū e_r

Перевод:

(1) Окуз

(2) Витязь, славный витязь.

Разбор. 1. Нет сомнения, что первая строка состоит из одного слова. Последняя включает твердые гласные, но вместо руны, обозначающей «у» заднего ряда, в надписи стоит знак мягкорядного «к». Подобное несоответствие встречается в написании имени собственного в древнехакасской надписи из Мугур-Саргола¹². Прочтешь слово oqiz можно было бы рассматривая его как отглагольное существительное, образованное от глагола oqu-(oqu-) 'звать; читать' [или, ориентируясь на «к», что менее вероятно, от ök-(ög-) 'хвалить, превозносить' или ök-(ük-) 'собирать, накапливать'] при помощи аффикса -z (по аналогии, например, со словом iz 'мастер', образованным от глагола u- 'мочь, уметь')¹³. Однако такое словообразование фиксировалось в редких, единичных случаях¹⁴, и это мешает видеть в рассматриваемой строке обозначение некоего «чтеца» или «глашатая-созывателя». С нашей точки зрения, вероятнее сопоставить oqiz со «звонким вариантом» — oquz, предполагая связь такой орфографической ошибки с фонетическими особенностями бытования слова в местной среде¹⁵. Кроме известного этнонима, это слово встречается в средневековых памятниках (в том числе и в рунических орхонских) в качестве имени собственного представителей феодальной аристократии¹⁶. Отметим, что употребление мягкорядного «к» с твердыми гласными также отличает первую строку текста от второй, где все соответствия выдержаны верно.

2. Слово eg, дважды употребленное во второй строке, является наиболее часто встречающимся в памятниках енисейской письменности обозначением мужчины, имевшего официальный статус феодала. Поэтому этот термин можно переводить не только как «муж», «герой», но и, подчеркивая его социальное содержание, как «рыцарь», «витязь». Kū в значении «слава» дважды встречается в енисейских надписях¹⁷. В новом тексте это слово служит определением к термину eg.

Исторические выводы. Основной эпиграфического памятника Узун оба I, определяющей его значение и содержание, является начертание имени некоего древнехакасского феодала Oquz'a (Oyuz'a) и его личной тамги. Типологически сходные памятники, содержащие имя феодала в сопровождении его личного геральдического знака, известны среди енисейских надписей. Такова, например, фыркальская надпись. Нам уже доводилось писать о том, что она относится к своеобразным межевым знакам, с помощью которых средневековая знать отмечала и тем самым, вероятно, юридически закрепляла границы своих земельных владений¹⁸.

В настоящее время известны четыре способа обозначения границ феодальных земельных наделов на скалах и курганных камнях, то есть на их естественных рубежах, принятые в древнехакасском государстве в период его расцвета. К первому, наиболее распространенному, относится способ высекания личной тамги землевладельца: хорошо известный современникам гербовый знак аристократа без лишних объяснений указывал на чьи земли вступал путник¹⁹. Второй способ заключался в обозначении не только тамги, но и имени того феодала, которому принадлежала земля. Именно последний иллюстрируют фыркальская и разбираемая здесь узунобинская надписи. Третий тип межевых надписей содержит имя и титул, однако без тамги (возможно, тамги не всегда фиксировались исследователями). Сюда относятся известные надписи на курганных камнях у с. Тесь («Кюнч Тутук» — Е4) и с. Оттук-Таша («Ичряки Чюч Кыяган» — Е35)²⁰. Четвертый способ отмечать границы (возможно, наименее распространенный) заключался в нанесении относительно полной надписи, поясняющей, что данный объект является Межевым знаком на одной из границ частных земель. Этот тип до сих пор представлен лишь одним «Пятым памятником с Уйбата» (Е34)²¹.

Указанные способы метить межевые ориентиры знаками феодальной собственности, бытовавшие в древнехакасском государстве, находят аналогии в юридической практике и других феодальных держав раннего средневековья. «Ряд общеизвестных статей „Русской Правды“ указывает на существование определенных знаков на границах земельных участков и на бортях», — пишет Б. А. Рыбаков, анализируя древнерусские материалы. «Слово „знаменья“ связано здесь, — отмечает он далее, ссылаясь на „Повесть временных лет“, — с охотничьими угодыями и, несомненно, означает знак княжеской собственности, поставленный, по всей вероятности, на пограничном дереве. „Русская Правда“ подтверждает именно такой взгляд на слово „знаменья“. Знаменный дуб, знаменная борть — это все части княжеского хозяйства, помеченные определенным знаком»²². Обычай метить личными тамгами природные объекты сохранялся у некоторых тюркоязычных народов до позднего средневековья. К первой четверти XVII века относится сообщение о деятельности татар-бортников Казанского архиерейского дома. «Одни бортники имели уже деревья, а другие... ходили и искали их, а когда находили, накладывали свои тамги или знамена. Каждый бортник, как видно из списка, имел свое особое знамя. Знамена или знаки на бортовых деревьях не что иное, как знаки собственности, служившие вместо печатей или подписей»²³. Указанные в начале нашей статьи буквенные и знаковые тамги хакасов XIX—начала XX века, начертанные на одном из угловых менгиров кургана Узун оба (рис. 2, 4), несомненно, также высечены с целью обозначения личного права того или иного человека на владение окрестными земельными угодыями. Средневековая традиция в Южной Сибири жива и поныне²⁴.

Обращает на себя внимание композиционное единство фыркаль-

ского памятника и эпиграфического комплекса Узун оба I (первый «слой»). Дело не только в едином наборе составляющих их элементов — имени и личного знака, — но и во взаиморасположении тамг и надписей. В обоих случаях тамга заключала собою текст: она высекалась левее надписи, читаемой справа налево, или выше, при расположении текста снизу вверх. Учитывая принадлежность обоих памятников к функционально единой эпиграфической группе межевых указателей, можно предположить, что отмеченная композиционная особенность не является случайной. С этой точки зрения любопытно, что другой пример сочетания енисейских текстов с тамгами — многочисленные рунические эпитафии — свидетельствует об обратном взаиморасположении этих двух элементов. Поминальные тексты обычно «открываются» тамговым знаком, располагающимся правее текста внизу стелы. Обнаружение новых межевых памятников, вероятно, позволит надежно выделить их отмеченные выше композиционные расхождения с эпитафийными стелами в качестве формального композиционного признака, внешне различающего две группы древнехакасских надписей, разнящихся и по назначению. В то же время обе эпиграфические группы представлены памятниками официального содержания (межевые тексты подтверждали право на землевладение, эпитафийные были связаны с привилегиями феодальной аристократии и имели остроклассовое содержание). Учет этого позволяет предположить существование в средневековом енисейском обществе определенных правил, регламентировавших форму тех или иных официальных надписей и текстов²⁵. Высказываемое положение вполне соответствует известным историческим фактам. Данные письменных источников показывают высокий уровень дифференциации громоздкого аппарата государственного управления древнехакасской державы, значительное развитие грамотности среди ее населения²⁶.

Говоря о существовании регламентированного официального делопроизводства как особой формы чиновничьей письменной культуры средневекового хакасского государства, необходимо подчеркнуть, что среди енисейских надписей, выполненных на камнях и скалах, встречаются лишь отдельные следы этого явления социальной жизни. Нет сомнения, что енисейский каганат не занимал в этом отношении какого-то обособленного положения. С нашей точки зрения, о существовании внутригосударственной регламентации композиционного построения официальных текстов свидетельствует, например, внешнее отличие древнетюркских и древнехакасских эпитафий. В обоих группах рунических памятников, оставленных разными государственными объединениями, тексты читались справа налево и строки располагались по вертикали, а личные тамги предшествовали им, то есть находились справа от начала текста. Однако у тюрков-тугов (как затем и у сменивших их на той же территории уйгуров) строки шли сверху вниз и тамги высекались на вершинах стел (см. памятники Кюль-Тегину, Тоньюкуку и Онгинский в сравнении со стелой Моюн-Чура)²⁷. У средневековых хакасов — наоборот: надпись наносилась от низа стелы к ее вершине и тамга вырезалась у основания камня. Показательно, что последнего правила придерживались енисейской письменностью²⁸. Таким образом, существовали две разные традиции, определявшие условия взаиморасположения тамг и надписей. И эти традиции (центральноазиатская и древнехакасская), каждая из которых представлена памятниками разных этнических групп, противостояли друг другу прежде всего на официальном, государственном уровне. Разыскание корней отмеченных эпиграфических особенно-

стей — важная историко-культурная задача, ожидающая своего исследователя.

Дополнительная надпись памятника Узун оба I (вторая строка), судя по содержанию, является своеобразной припиской, восхваляющей того феодала, имя и тамга которого высечены по центру стелы. Такое толкование согласуется и с наблюдениями о порядке нанесения рун на камень. И как бы мы ни расценивали этот памятник — как текст, составленный из разных частей, или как единую надпись²⁹ — в любом случае он остается принадлежащим группе древнехакасских межевых отметок. Естественно, не один менгир с надписями и тамгами отмечал границу средневекового землевладения. Ориентиром являлся весь курган Узун оба.

В настоящее время мы не располагаем значительным числом тамговых знаков узунобинского типа. Однако накопленные наблюдения над ступенями развития аналогичных древнехакасских знаков позволяют сделать некоторые выводы. Среди шести групп тамг, выделенных в Тувинской котловине, основным графическим элементом групп I, III, V и VI является открытая кверху скоба. Элементы, располагающиеся ниже скобы, не соединяются с нею только у тамг III и VI групп. В двух других группах имеются знаки, нижние части которых иногда соединяются, а иногда и не соединяются со скобой. Как установлено, это различие служит хронологическим показателем. Во всех названных группах тамги, элементы которых не соединены со скобой, являются самыми ранними, прочие же знаки — производными от них³⁰. В паре узунобинских тамг скоба с несоединяющимся элементом расположена в той части памятника, которую мы считаем ранней, а вторая тамга — наиболее поздний компонент Узун оба I — типологически более позднего происхождения. Все это соответствует разобранный выше «эпиграфической стратиграфии» комплекса.

Абсолютная дата памятника, судя по облику тамг, — начало (первая половина) IX века. Неразработанность енисейской палеографии не позволяет опереться здесь на особенности начертания рун надписи. Однако обращает на себя внимание тот факт, что отмеченная орфографическая особенность текста Узун оба I — употребление в имени знака для «к» на месте «q» — находит аналогию в древнехакасской мугурсаргольской надписи, также относящейся к началу (концу 20-х гг.) IX века³¹.

Из показанных особенностей двух личных геральдических знаков, нанесенных на межевой памятник Узун оба I, следует еще один важный вывод: обе тамги относятся к единой генеалогической традиции, то есть они принадлежали разным представителям одной феодальной семьи. Учитывая закономерности видоизменения древнехакасских тамг этой эпохи, следует предположить, что речь идет о старшем и младшем братьях. Таким образом, изучаемый памятник подтверждает вывод, полученный ранее по многочисленным материалам Тувинской котловины³², о существовании наследственного землевладения в средневековом древнехакасском государстве.

¹ См. сообщения Л. Р. и И. Л. Кызласовых в сборниках «Археологические открытия», М., 1974—1981.

² Л. Р. Кызласов, И. Л. Кызласов. Средневековая пограничная надпись с низовьев Уйбата (Хакасия). — «Советская тюркология», 1976, № 1.

³ А. Адрианов. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1902—1924, стр. 56.

⁴ Л. Р. Кызласов, Н. В. Леонтьев. Народные рисунки хакасов. М., 1980, стр. 17—21, рис. 8.

⁵ Из описания А. В. Адрианова [«На 4 углах этой ограды (кургана. — И. К.) и на В., З. и С. ее сторонах поставлены огромные плиты... На одной из них есть руническая надпись, плохо сохранившаяся». — А. Адрианов. Указ. раб., стр. 56] можно заключить, что он имел в виду именно эти знаки. Следует отметить лишь неточность описания.

⁶ Минусинский музей, инв. № 5022 (Старые Кныши), 5147 (Монок), 5195 (Хакасско-Минусинская котловина).

⁷ Н. Appelgren-Kivalo. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, стр. 40.

⁸ Г. И. Спасский. Древности Сибири. — «Сибирский вестник. 1818», ч. 1. СПб., 1818, стр. 77—78, табл. III, 3, 5.

⁹ К сожалению, в недавно вышедшей книге Д. Д. Васильева «Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея» (Л., 1983) в описании истории изучения енисейских рунических памятников, в том числе и уйбатских, имеются некоторые неточности. Не учтена, например, работа П. С. Палласа, в которой приведены копии двух уйбатских надписей.

¹⁰ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 64—65.

¹¹ При описании памятника размещение знаков дается соответственно естественному положению ментира (рис. 6), а не порядку нанесения и чтения надписи.

¹² И. Л. Кызласов. Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века. — «Советская археология», 1979, № 3, стр. 280, 285—286, рис. 2.

¹³ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 369, 370, 379, 382, 623, 668.

¹⁴ А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980, стр. 94—95.

¹⁵ Ср. наличие глухого варианта слова ögüz—ököz («Древнетюркский словарь», стр. 382, 383). Именно этот вариант встречается в древнехакасском тексте Абаканского памятника, также обнаруженного в нижнем течении Уйбата. (С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 94, 95).

¹⁶ «Древнетюркский словарь», стр. 365.

¹⁷ И. Л. Кызласов. Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века, стр. 281—285.

¹⁸ И. Л. Кызласов. Новые материалы по енисейской рунической письменности. — «Советская тюркология», 1981, № 4, стр. 89—92; Л. Р. Кызласов, И. Л. Кызласов. Указ. раб.

¹⁹ О выявлении исторического содержания древнехакасских тамговых знаков и их анализе как источников изучения системы землепользования см.: Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. — «Советская археология», 1960, № 3, его же. О датировке памятников енисейской письменности. — Там же, 1965, № 3.

²⁰ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 20, 65—66.

²¹ Л. Р. Кызласов, И. Л. Кызласов. Указ. раб.

²² Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. — «Советская археология», 1940, № 6, стр. 228—229.

²³ И. Покровский. Бортничество (пчеловодство) как один из видов натурального хозяйства и промысла близ Казани в XVI—XVII вв. — «Известия Общества археологии, этнографии и истории при Казанском университете», т. XVII. Казань, 1901, стр. 72.

²⁴ Л. Р. Кызласов, Н. В. Леонтьев. Указ. раб., стр. 66. Подобное явление отмечено и для Восточной Европы, см.: А. В. Чернецов. Полевые меты крестьян Подмоскovie в начале XX в. — «Советская этнография», 1982, № 6.

²⁵ В настоящее время двумя намеренными эпиграфическими группами исчерпываются известные официальные тексты, выполненные енисейским руническим письмом. Среди древнехакасских письменных памятников встречаются и другие варианты взаиморасположения надписей и тамговых знаков. При учете направления чтения тамга бывает высечена и ниже текста (см.: В. М. Наделяев. Древнетюркская надпись из Ховд-сомона МНР. — В кн.: «Бронзовый и железный век Сибири», Новосибирск, 1974. Этническое определение памятника см.: И. Л. Кызласов. Новые материалы по енисейской рунической письменности, стр. 91), а также между строк текста (см.: С. Г. Кляшторный. Руническая эпиграфика Южной Сибири. — «Советская тюркология», 1976, № 1; Д. Д. Васильев. Еще о древнетюркской эпиграфике Тепсея. — Там же, 1977, № 2, рис. 1); надпись может быть заключена и внутри тамги («Труды Орхонской экспедиции. Атлас древностей Монголии», изданный В. В. Радловым. Вып. 2, СПб., 1893, табл. LXXI, 6). Не все эти случаи, вероятно, представляют официальные тексты. Кроме того, они пока не могут быть объединены в какие-либо функционально единые эпиграфические группы. Поэтому их композиционный анализ не представляется возможным.

²⁶ См.: Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 121 и сл.

²⁷ Труды Орхонской экспедиции, вып. 1, СПб., 1892, табл. XVII; вып. 3, СПб., 1896, табл. LXXXIII, 1, 2; CVI, 1; CIX; G. J. Ramstedt. Zwei Uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. Helsingfors, 1913, табл. II.

²⁸ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков; Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. — «Советская археология», 1960, № 3, стр. 98—99, рис. 1—2; *его же*. История Тувы в средние века, стр. 79, 80, 114—117.

²⁹ Предварительное чтение надписи Узун оба I, понимаемой как единый текст (Oqiz Eg — kü eg 'Окуз Эр — славный витязь'), опубликовано нами ранее. См.: И. Л. Кызласов. Древнехакасские надписи кургана Узун оба как исторический источник. — В сб.: «Проблемы археологии и этнографии Сибири. Тезисы докладов региональной конференции 7—9 апреля 1982 г.». Иркутск, 1982, стр. 119—121.

³⁰ Л. Р. Кызласов. О датировке памятников енисейской письменности. — «Советская археология», 1965, № 3, рис. 1, 1—18; 5, 1—5.

³¹ И. Л. Кызласов. Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века, стр. 289.

³² Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности; *его же*. О датировке памятников енисейской письменности; *его же*. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 123—124.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Д. М. НАСИЛОВ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Важнейшим теоретическим положением, лежащим в основе изучения аспектуальности в конкретных языках, является признание двух типов аспектуальных значений: качественных и количественных. Значимость такого противопоставления убедительно показана в работах Ю. С. Маслова [1] и других ученых ленинградской аспектологической школы [2], опирающейся на устойчивые традиции изучения глагола в отечественном языкознании. Исследования последних лет подтвердили продуктивность использования указанных теоретических установок при описании аспектуальности в других — не славянских — языках [3].

Качественное различие между действием и состоянием или «между динамическим и статическим действием», являющееся основным различием между двумя типами предикатов, ставится Ю. С. Масловым в вершину иерархии значений [4, с. 11]. Именно оно проявляет себя во многих особенностях функционирования глагольных грамматических категорий. Количественная аспектуальность реализуется в значениях кратности совершения действий, их интенсивности и длительности [5, с. 18—21]. Качественность и количественность — категории сопряженные, в языке тоже бывает трудно выявить границы их взаимного перекреста и функционально-семантического пересечения.

В рамках функционально-семантического поля аспектуальности существуют различные средства ее выражения: либо через глагол (глагольная аспектуальность, по Ю. С. Маслову), либо помимо глагола (неглагольная аспектуальность). И в той и в другой необходимо разграничивать грамматические (морфологические) и лексические средства репрезентации значений, то есть значения, представленные, с одной стороны, синтетическими и аналитическими морфологическими формами глагола и иных частей речи, а с другой — отдельными глагольными лексемами и словами. Дополнительным средством уточнения аспектуальности являются контекст, особенности ситуации общения, знания реалий и пр.

Лексическая глагольная количественная аспектуальность может быть одним из семантических компонентов значения лексемы. «Существенно, что лексемные содержания являются продуктом деятельности сознания, отражающего взаимодействие активного субъекта с окружающей его миром. Поэтому в них фиксируются и отношения человека к миру воспринимаемых им объектов, проявления воли и эмоций, субъективно-оценочные „признаки вещей“» [6, с. 273]. В каждом языке в значениях глагольных лексем закреплены присущие именно данному

языку результаты гносеологической деятельности его носителей. Входящие в лексическое значение характеристики процесса являются по своему содержанию, конечно, весьма отвлеченными и абстрактными, однако и в такой языковой абстракции фиксируется определенная качественно-количественная природа отдельных реальных процессов. Благодаря связям обобщенного языкового значения с мыслительными образами разной отвлеченности, но содержательно более емкими, а также через употребление лексемы в конкретном высказывании, соотношенном с объективной ситуацией, характеристики действия-состояния уточняются, наполняются дополнительными оттенками, и тем самым отражаемое действие предстает для коммуникантов во всей полноте его свойств, в том числе и аспектуальных. Здесь лексическое значение глагола (с его аспектуальными семами), возбуждая образ конкретного денотата, апеллирует прежде всего к нашим знаниям о мире, о сущности действия-состояния и о его характеристиках. Действия человека в лодке веслом обозначаются в узбекском языке лексемой *эш-* 'грести' (здесь и далее тюркские глаголы даются в виде основы), однако тот факт, что в ситуации «человек—лодка—весло—вода» эти действия, как правило, состоят из отдельных «гребков», дискретных порций единого действия, или отдельных его квантов, служит реальной основой осознания аспектуального признака многоактности этого действия; омоним глагола *эш-* имеет значение «вить, скручивать, прясть», и в ситуациях с такими действиями труднее уловить моменты дискретности трудовых процессов; еще труднее это сделать в тех случаях, когда действия обозначаются глаголом *ишла-* 'работать, действовать'.

В силу классифицирующей направленности языкового мышления, а также с помощью обратной рефлексии в рамках научной теории значения лексем (и через них сами действия) могут группироваться по признакам количественной аспектуальности. «Действия (как переходные, так и непереходные) представляют собой два класса — непрерывные (напр. *несу, плыву*) и кратные, представляющие как бы ряд моментов (напр. *качать, махать*)» [7, с. 180]. Эта аналогия несчитаемым и считаемым именам существительным проявляет себя в способах выражения глагольной множественности: в кратных действиях может быть выделен акт, квант действия и подвергнут счету; непрерывные действия при необходимости их счета представляются как целые, неделимые события (*три раза плыл на этом корабле*), возможно представление действий в качестве собирательных множеств [8].

Отдельные лексические значения глаголов могут различаться по признакам количественной аспектуальности, сохраняя большую близость «вещественного» содержания. В узбекском языке в группе глаголов движения различаются лексемы, противопоставленные по выражению интенсивности процесса: *югур-* 'скакать', *чоп-* 'ехать вскачь', *ел-* 'нестись во весь опор', *йўрт-* 'ехать рысью' — каждый вид движения лошади характеризуется своей интенсивностью [9]. Различными оттенками интенсивности отличаются также глаголы звучания и речи: *хахола-* 'громко смеяться', *хехела-* 'смеяться', *қиқирла-* 'хихикать', *пиқирла-* 'посмеиваться' и т. п. [10]. Аспектуальная семантика в таких глаголах является частью единого лексического значения, соотносящегося с целостным отображением отдельного факта действительности: в глаголах нет особых формальных компонентов, несущих содержательную информацию о свойствах или особенностях развертывания процесса. Информация о них черпается из единого значения лексемы и в большей

мере подсказывается знанием свойств реального события. Так же возникает представление и о кратности того или иного действия.

Однако в семантической группе образных глаголов (изобразительных и звукоподражательных) словообразовательная модель формально маркирует одно- или многократность совершаемого действия. Глаголы, построенные по типу «одинокое изобразительное слово + 'делать'», выражают однократное действие, а построенные по типу «редуплицированное изобразительное слово + 'делать'» выражают многократность того же действия: *йилт эт* — 'сверкнуть' — *йилт-йилт эт* — 'сверкать', *шақ эт* — 'щелкнуть' — *шақ-шақ эт* — 'щелкать' [11]. Здесь наблюдается как бы пересечение лексической количественной аспектуальности с морфологической: лексема существует в одной из двух возможных форм, но в то же время ее существование как самостоятельной единицы сопряжено с указанием на кратность действия.

Различение морфологической и лексической аспектуальности в глаголе особенно продуктивно для языков, в которых нет грамматической категории вида, но развиты средства аспектуального формообразования. Как видно, в узбекском языке (как и в других тюркских языках) для корневых или непроезводных (на синхронном уровне) глаголов их количественные и качественные признаки определяются на основе лексических значений, а также на основе их лексико-грамматической сочетаемости, которая тоже детерминирована этими значениями. Общность признаков становится базой для объединения нескольких глаголов в лексико-семантические (или лексико-грамматические) группы, которые изучаются в лексикологии ее собственными методами. Поскольку лексические значения в целом и их компоненты оказываются грамматически значимыми, то в нашем случае на особом категориальном аспектуальном уровне (количественной аспектуальности) компонуются ряды лексических значений глаголов, которые иногда трактуются как грамматические подклассы [12]. В тюркологии такие группировки глаголов почти не описаны.

Лексическая неглагольная количественная аспектуальность в узбекском языке выражается словами, либо указывающими точную или неточную (неопределенную) величину повторений (осуществлений) действия, либо характеризующими его интенсивность и продолжительность. Исчисление количества действий может проходить в абсолютной системе отсчета (сколько раз?/который раз?) и в относительной (сколько раз?/который раз? — в какой-либо отрезок времени). Количественный счет [13] выражается количественными числительными и счетными словами типа «раз». В качестве счетных слов здесь выступают *марта*, *сафар*, *дафъа*, *гал*, *маҳал*. Примеры: *бир чўкиб*, *ўн марта алаглайди* 'раз клонет, десять раз оглядывается'; *у чойни кетма-кет уч марта қайтарди* 'он три раза подряд перелил чай'; *у хатни иккинчи марта ўқиб чиқди* 'он второй раз прочитал письмо'; *ойда тўрт марта чиқадиган журнал* 'журнал, выходящий четыре раза в месяц'; *ҳар куни уч маҳал овқатландик* 'мы питались три раза в сутки'. Для выражения неточного количества действий используются сочетания типа *бир неча марта* 'несколько раз', *кўп марта* 'много раз': *мен хатни бир неча марта ўқидим* 'письмо я прочитал несколько раз'; *Москвага кўп марта борар эдим* 'я много раз ездил в Москву'.

Длительность и интенсивность (краткость и ослабленность), то есть отступления от определенной узусальной нормы протекания конкретного процесса, передаются с помощью наречий и деепричастий, выступающих в функции обстоятельств, ср.: *тез* 'скоро, быстро, стремительно'; *узоқ*

‘долго, длительно, продолжительно’; *кўп* ‘много, обильно, значительно’, ‘часто’; *кам* ‘мало, немного, редко’; *шиддатли (равишда)* ‘сильно, интенсивно, напряженно’; *секин* ‘тихо, медленно, вяло’; *илдам* ‘быстро, скоро, проворно’. Описание указанной аспектуальной семантики дается в грамматиках узбекского языка обычно в разделе об обстоятельствах образа действия, его меры и степени [14].

С помощью лексических средств действия, выраженные глаголом, при употреблении получают дополнительную количественную характеристику и тем самым более четкую и развернутую аспектуальную спецификацию. Отдельные лексические значения могут уточняться и модифицироваться в отношении аспектуальных свойств при помощи специальных деривационных грамматических показателей, предназначенных для указания на количественные характеристики процесса, передаваемого глаголом. Это — особые аффиксы или аналитические формы, имеющие структуру «деепричастие + вспомогательный глагол (глагол-модификатор)» [15]. Каждый такой показатель обладает своим собственным языковым значением (многократность, однократность, длительность, интенсивность, ослабленность и т. п.), в котором закреплены отвлеченные сознанием признаки реальных процессов. Сочетаемость лексических и служебных грамматических значений — сложный языковой процесс творческого эвристического их синтезирования, который определяется также качественными аспектуальными признаками модифицируемого действия. Результатом такой деривации всегда бывает формальная экспликация аспектуальной характеристики действия, специальное указание в словоформе глагола на особенности развертывания выражаемого им процесса. Представляется, что именно данный деривационный акт следует рассматривать как образующий форму способа глагольного действия, а обобщенную грамматическую семантику, выявляемую в ряде словоформ, — как значение способа действия, то есть тем самым противопоставить образование способа действия — явления морфологического (грамматического) уровня языка — различным аспектуальным компонентам лексического значения, относящегося к иному языковому уровню. Таким образом, значения способов действия глагола являют собой «ограниченное число типично примысляемых к [лексическому значению] абстрактных значений» [16], которые представлены в конкретном языке особыми знаками — морфемами — в словоформе глагола. В узбекском языке — это указанные выше аналитические формы, которые часто именуются «сложновербальными», или «бивербальными», синтетические показатели в данном языке используются редко.

Говоря о морфологической глагольной аспектуальности, нельзя забывать об особенностях семантических процессов актов деривации в тюркских языках. Прежде всего тюркские языки — это языки с преимущественно содержательными категориями, морфологические показатели которых обнаруживают значения, выражающие свойства и отношения явлений объективной действительности [17, с. 28—29]. Важной чертой их морфологического строя является также «коллекционное» построение словоформы. Данное понятие было введено Г. П. Мельниковым в его разработки по системной лингвистике [18]. Он полагает, что тюркская словоформа строится и формируется из последовательного набора требуемых морфем — она рождается в процессе речи в соответствии с коммуникативным заданием. Этим тюркские языки отличаются от индоевропейских, в которых словоформы «селектируются», выбираются из банка готовых форм, хранящихся в языковой памяти. Отметим, что указанная гипотеза Г. П. Мельникова нашла экспериментальное подтверж-

дение при выработке принципов отбора словарного обеспечения тюркско-русского машинного перевода [19]. Таким образом, включение в словоформу определенного показателя с ясным семантическим содержанием необходимо только в случае специальной актуализации именно данного содержания. В условиях коммуникативной ясности такой показатель может и не употребляться, тогда необходимая информация выражается через лексическое значение, контекст, условия ситуации и пр. Этой закономерности подчиняются и морфемы с аспектуальными значениями: они не являются обязательными компонентами словоформы глагола, поскольку в тюркских языках аспектуальные характеристики действия семантически факультативны. Но если в высказывании становится актуальной какая-либо из этих характеристик, то использование форманта с аналогичным значением становится необходимым.

Какие же количественные характеристики действия из аспектуального смыслового пространства могут быть выражены в узбекском языке морфологическим способом? Приведем их краткий перечень.

1. Выше уже говорилось о выражении однократности и многократности действий в группе изобразительных глаголов. Выражаемый тип многократности здесь можно обозначить как репетитив, который В. С. Храковским трактуется как указание на неоднократное последовательное повторение однородных ситуаций в определенный период времени; ср.: *узоғда бир нима ялт этиб кўринди* 'вдали что-то блеснуло' → *пиёлалар қандил ёруғида ялт-юлт қилар эди* 'пиалы блестя в лучах светильника'; *қулф шақ этиб бекилди* 'замок, щелкнув, замкнулся' → *яроғ-аслаҳаларнинг шақ-шук этгани эшитилди* 'послышалось щелканье (бряканье) оружия'.

2. Репетитив в узбекском языке может быть выражен удвоенной (редуплицированной) формой деепричастия, образованной от ряда глаголов, передающих кратные действия. Редупликация является в тюркских языках одним из стандартных грамматических способов. Примеры: *у қизик бир ҳикояни кула-кула айта бошлади* 'он начал со смехом рассказывать забавную историю'; *у титрайди, тиззалари букилиб-букилиб кетади* 'он дрожит, колени у него то и дело подгибаются'.

3. Значение дубликатива, то есть совершение в один период двух разнонаправленных действий-движений, представлено формами парных глаголов с противоположными значениями: *мен самолётда Тошкентга бориб келдим* 'я слетал на самолете в Ташкент (то есть отправился — вернулся)'.

4. Значение фреквентатива — систематическое и цикличное повторение действий в отдельный для каждого период времени — передается сложновербальными конструкциями (аналитическими формами) с использованием вспомогательных глаголов *тур-* 'стоять' и *юр-* 'ходить': *улар бир-бирлариникига бориб турадилар* 'они ходят друг к другу (регулярно)'; *мен кинога тез-тез бориб юрдим* 'я часто ходил в кино'.

Приведенные выше средства выражения итерации глагольного действия являются специальными формами глаголов, поэтому их можно считать показателями определенных количественных способов действия глагола в узбекском языке. Передаваемая данными морфологическими показателями аспектуальная семантика может также подкрепляться и лексическими неглагольными средствами.

5. Значение интенсивности действия передается также с помощью сложновербальных форм с глаголами-модификаторами *кет-* 'уходить',

туш- 'падать', *юбор*- 'посылать': *юрагим жиғ этиб кетди* 'сердце у меня [здорово] ёкнуло'; *бола чўчиб тушди* 'ребенок [сильно] вздрогнул'; *ёмғир ёғиб кетди* 'разразился дождь'; *қаттиқ йўталиб юборди* 'он сильно раскашлялся'.

6. Непрерывность процесса, выраженного глаголами состояния, передается бивербальной конструкцией с глаголом *бер*- 'давать': *ташкилот эса яшайверди* 'организация же продолжала жить'; *у ўтира берди* 'он продолжал сидеть'.

От аспектуальной семантики «идут яркие излучения» (В. В. Виноградов) к залогам и временам. И действительно, в узбекском языке ряд количественных аспектуальных характеристик передается с помощью форм времени и показателей залога [20].

7. Указание на повторяющиеся однородные действия, выполняемые отдельными субъектами одной группы или направленные на отдельные объекты одной группы (то есть значение дистрибутивности действий), передается в глагольной форме показателем взаимно-совместного залога *-(и)ш*. При таких глаголах обязательно наличие подлежащего или дополнения во множественном числе (или с семантикой множественности), в предложении могут быть обстоятельства «по очереди», «один за другим», «по-одиночке» и т. п. Примеры: *партизанлар қишлоққа битта-биттадан келиб киришди* 'партизаны пробирались в деревню по-одиночке'; *улар мен билан хайрлашишди* 'они попрощались со мной'; *улар бир-бирини ҳурматлашди* 'они уважают друг друга'—но: *китобнинг бетларига номер қўйиб чиқдик* 'мы пронумеровали страницы книги' (глагол без показателя *-иш*).

8. Семантику узитатива (то есть закономерная повторяемость действий в отдельные периоды времени) в узбекском языке реализуют временные формы — настоящее-будущее на *-й/-а* и прошедшее многократное на *-ар эди* [21, с. 210 и 226] — при участии соответствующих обстоятельственных слов: *аммо арбоб ҳамон бақирар, сўкар ва урар эди* 'однако хозяин постоянно кричал, бранился и бил'; *қуёш доим ўз йўлидан юради* 'солнце всегда ходит по своему пути'.

Поскольку временные формы, обладающие аспектуальными оттенками значений, употребляются и в других случаях выражения количественной характеристики действий, то в них имплицитные значения узитатива (или континуатива) реализуются только в определенных типах контекста, где важную роль играют неглагольные лексические аспектуальные показатели. Вообще вопрос о взаимодействии морфологических глагольных средств выражения количественной аспектуальности (способы действия, формы залога и формы времени) с неглагольными средствами, а также анализ контекстуального использования тех и других в высказываниях разного типа, то есть рассмотрение различных аспектуальных ситуаций [22, с. 190—200], — это особая задача в рамках функционально-семантического описания поля аспектуальности узбекского языка, разрешение которой только начинается. Нам же важно было подчеркнуть факт тесного взаимодействия разноуровневых средств представления количественных характеристик действия в узбекском языке; понять взаимодействие можно, только разграничив прежде всего уровни лексической и морфологической их репрезентации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю. С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л., 1984; его же. К основаниям сопоставительной аспектологии. — В кн.: «Проблемы современного теоретического и син-

- хронно-описательного языкознания», вып. I. «Вопросы сопоставительной аспектологии». Л., 1978.
2. М. А. Шелякин. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин, 1983; А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола. М., 1971.
 3. См.: «Типология результативных конструкций». Л., 1983.
 4. Ю. С. Маслов. К основаниям сопоставительной аспектологии, стр. 11.
 5. Ю. С. Маслов. К основаниям сопоставительной аспектологии, стр. 18—21.
 6. В. М. Павлов. Понятие лексемы и некоторые спорные вопросы теории словосочетания. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. LX, 1982, стр. 272—279.
 7. В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М. — Л., 1935, стр. 180.
 8. В. С. Храковский. Некоторые проблемы универсально-типологической характеристики аспектуальных значений. — В кн.: «Вопросы русской аспектологии. V: Аспектуальность и средства ее выражения». Тарту, 1980, стр. 3—24.
 9. К. Халиков. Глаголы движения в современном узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1967, стр. 4—5.
 10. И. Кучкартаев. Семантика глаголов речи в узбекском языке. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1978, стр. 13—14.
 11. Д. М. Насилов. Аспектуальные значения аналитических образований и разряды глагольной лексики в узбекском языке. — В кн.: «Теория грамматического значения и вопросы аспектологии», Л., 1984.
 12. С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 87.
 13. См.: В. С. Храковский. Указ. раб., а также разработанную им анкету для описания глагольной множественности, используемую в группе типологических исследований сектора теории грамматики ЛО ИЯ АН СССР. Далее применяются термины из этих разработок.
 14. А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 294, 377.
 15. Д. М. Насилов. Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках. — В кн.: «Очерки сравнительной морфологии алтайских языков», Л., 1978, стр. 114—147.
 16. Е. Д. Поливанов. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928, стр. 24.
 17. В. Г. Гузев, Д. М. Насилов. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория». — «Советская тюркология», 1981, № 3, стр. 28—29.
 18. Г. П. Мельников. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии. — В кн.: «Структура и история тюркских языков», М., 1971.
 19. А. Бабанаров. Разработка принципов построения словарного обеспечения турецко-русского машинного перевода. Автореф. канд. дисс. Л., 1981.
 20. Об аспектуальных значениях временных форм в тюркских языках см.: Э. А. Грушина. Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении). Автореф. докт. дисс. М., 1975.
 21. А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 210, 226.
 22. А. В. Бондарко. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983, стр. 190—200.

Т. Ш. КАДЫРОВ

О ТРЕХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНАХ СЛОВАРЯ «ХУЛАСА-ИЕ 'АББАСИ» МУХАММАДА ХУВАЙИ

Длительные исторические контакты иранских и тюркских народов обусловили появление большого числа персидско-чагатайских и чагатайско-персидских словарей¹.

Замечательные поэтические произведения, созданные самим Алишером Навои, а также его предшественниками и современниками, значительно повысили интерес к чагатайскому языку у представителей многих народов тюркоязычного Востока. Это вызвало появление различных словарей и грамматик, призванных помочь овладению чагатайским языком. Указанные работы отличаются богатым лексическим и грамматическим материалом, почерпнутым главным образом из сочинений Алишера Навои².

Назначение словарей заключалось не только в толковании значений слов и выражений, они служили также справочниками, способствовали утверждению норм литературного языка и повышению культуры речи.

К сожалению, арабская графика, которой пользовались авторы и переписчики староузбекских текстов, не дает четкого представления о фонетической системе староузбекского языка.

Так, например, в арабском алфавите существуют только три знака для передачи гласных, один знак для *k* и *g*, не всегда передаются различия между *č* и *ž*, *p* и *b*³.

Арабский алфавит передавал только тремя буквами все восемь-девять использовавшихся узбеками гласных: *ا* (*a*), *ي* (*e, y, i*), *و* (*o, ö, u, ü*), причем в начале слова соответствующие знаки сочетались с алифом (*ا*). Без алифа последние обозначали и согласные звуки⁴. Поэтому точная реконструкция фонетической системы староузбекского языка является делом чрезвычайно сложным. Среднеазиатские лексикографы для этого ввели специальные лингвистические термины, без понимания которых трудно пользоваться восточными словарями. Эти термины, к сожалению, пока еще изучены недостаточно. В настоящей статье рассматриваются три таких лингвистических термина, а именно: *ишба'*, *му'джам* и *мухмал*.

¹ См. об этом: С. И. Баевский. Средневековая персидская лексикография. — В сб.: «История лингвистических учений». Л., 1981, стр. 115—129.

² А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 53.

³ Там же, стр. 164.

⁴ Там же, стр. 66.

Термин *ишбā'* лексикографами и исследователями трактуется различно. Например, Махмуд Кашгари⁵ в своем «Диване» пишет, что этот термин означает твердое и широкое произношение звуков. А. К. Боровков термин *ишбā'* переводит как «насыщение», то есть дает его буквальное значение⁶. А. М. Щербак считает, что *ишбā'* указывает на четкое произношение гласного⁷. Т. А. Боровкова толкует термин *ишбā'* как указание на произношение гласных с перемещением языка назад⁸. З. А. Умаров⁹ и Х. Расулова¹⁰ считают, что термин *ишбā'* говорит о твердом произношении гласных.

Как известно, в арабской письменности одно и то же слово может быть произнесено с различной огласовкой, поэтому составители словарей и прибегали к лингвистическому термину *ишбā'*. Мухаммад Хуваййи в своем словаре широко пользовался этим термином для передачи фонетической структуры слова.

Термин *ишбā'* اشباع образован от корня арабского глагола 'ašba'a اشبع, означающего «насыщать», «удовлетворять», и является масдаром (отглагольным именем) того же глагола¹¹.

Думается, Мухаммад Хуваййи употреблял термин *ишбā'* для указания на правильное произношение гласных: передней лабиализованной узкой фонемы *i* и задней нелабиализованной узкой фонемы *y*, описанных Н. А. Баскаковым¹². При этом одним из коренных согласных староузбекского слова (чаще всего первый слог) должен был быть *йā'ун*, или одним из коренных согласных — *vāвун* при наличии задней лабиализованной узкой фонемы *и* и передней лабиализованной узкой фонемы *й*, также описанных Н. А. Баскаковым¹³.

В словаре Мухаммада Хуваййи термин *ишбā'* используется в нескольких вариантах.

1. Термин *ба[бал] ишбā'* приводится с огласовками *дамма* и *касра*.

В этих примерах Мухаммад Хуваййи, используя термин *ишбā'* при коренной задней широкой лабиализованной фонеме *о* и передней широкой лабиализованной фонеме *ö* (описанным Н. А. Баскаковым¹⁴), добавляет огласовку *дамма*, тем самым эта коренная гласная (в сочетании с огласовкой *ишбā'*) образует заднюю лабиализованную узкую фонему *и* и переднюю лабиализованную узкую фонему *й*. Когда к коренной передней нелабиализованной широкой фонеме *е* (также описанной Н. А. Баскаковым¹⁵) автор добавляет огласовку *касра*, обе гласные образуют переднюю лабиализованную узкую фонему *i* и заднюю нелабиализованную узкую фонему *y*.

⁵ Махмуд Кашгарий. Девону лугат-ит-турк. Т. I. Тошкент, 1960, стр. 50.

⁶ А. К. Боровков. «Бада'и 'ал лугат» словарь Тали' Имани Гератского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961, стр. 12.

⁷ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 257.

⁸ Т. А. Боровкова. О фонетической терминологии в словаре Махмуда Кашгарского «Девону лугатит турк». — «Известия АН СССР. ОЛЯ», 1966, № 6, стр. 531.

⁹ З. А. Умаров. Мабани ул лугат асариди Мирза Мехдихан ишлатган лингвистик терминлар. — «Научные труды ТашГУ», вып. 240, Ташкент, 1964, стр. 90.

¹⁰ Х. Расулова. Шайх Сулаймон Бухорийнинг. «Лугати чагатайи ва турки Усмоний» асариди кайд этилган лингвистик терминлар. — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1975, № 2, стр. 71—78.

¹¹ Х. К. Баранов. Арабско-русский словарь. М., 1977, стр. 390.

¹² Н. А. Баскаков. О проекте единой фонетической транскрипции для тюркских языков. М., 1959, стр. 7.

¹³ Там же, стр. 7—8.

¹⁴ Там же, стр. 5.

¹⁵ Там же, стр. 6.

Таким образом, староузбекская задняя лабиализованная узкая фонема *и* и передняя лабиализованная узкая фонема *й* передаются с *ишбā'*, то есть *ба[бал] ишбā'*, а задняя широкая лабиализованная фонема *о* и передняя лабиализованная фонема *ö* без (применения) *ишбā'*, то есть *билā ишбā'*, подобно тому как передняя лабиализованная узкая фонема *і* и задняя нелабиализованная узкая фонема *у* передаются посредством *ишбā'*, а передняя нелабиализованная широкая фонема *е* без *ишбā'*.

2. Термин *ишбā'* часто используется в словаре без указания огласовок (даммы и касры). В таких случаях следует исходить из гласных, входящих в состав слова. Если в корне слова имеется буква *вāvun*, выражающая две фонемы *и* и *й*, то добавляется огласовка *дамма*. Если же в корне (или в составе) слова присутствует буква *йā'un*, выражающая фонему *е*, то прибавляется огласовка *касра*.

3. Автор словаря для передачи широких гласных [*о, ö, е*] староузбекского языка иногда применяет термин *билā ишбā'*, то есть «без *ишбā'*».

4. Мухаммад Хуваййи часто использует в словаре одновременно два варианта: *бал ишбā'* и *билā ишбā'*. Если слова приводятся в форме *бал ишбā'*, то сам этот термин не упоминается; при других же значениях того же слова автор использует термин *билā ишбā'*. И, наоборот, слова даются в форме *билā ишбā'*, а сам термин при этом не упоминается, а при других значениях того же слова автор использует термин *бā ишбā'* или *бал ишбā'*.

Мухаммад Хуваййи убедительно показывает важную роль термина *ишбā'* для правильного прочтения и определения значений слов. Более того, он рекомендует читателям при чтении слов обязательно учитывать наличие терминов *бал ишбā'*, *бā ишбā'* и *билā ишбā'*.

Известно, что некоторые арабские буквы имеют надстрочные и подстрочные знаки, которые в рукописных списках со временем могли исчезнуть. Совпадая графически, эти буквы различаются между собой только диакритическими знаками. Например:

د (dālun) — ذ (zālun);	ص (ṣādun) — ض (dādun)
ر (rā'un) — ز (zā'un);	ط (ṭā'un) — ظ (zā'un)
س (sinun) — ش (šinun);	ع ('ajnun) — غ (ṡajnun)

Замена одной из букв изменяет смысл слова. Поэтому во избежание путаницы применялись лингвистические термины *му'джем* и *мухмал*.

Термин *му'джем* معجم образован от корня арабского глагола 'а'джам أعجم, означающего «ставить диакритические точки (над или под буквой)»¹⁶, и является причастием страдательного залога глагола¹⁷. При наличии этого термина Мухаммад Хуваййи рекомендует читать соответствующие слова, расставив необходимые диакритические точки.

Термин *мухмал* مهمل также образован от арабского глагола 'ах-мал أحمَلَ, обозначающего «писать без диакритических точек»¹⁸, и представляет собой причастие страдательного залога от того же глагола. Мухаммад Хуваййи при употреблении термина *мухмал* предлагает читать согласные без диакритических точек.

Термины *му'джем* и *мухмал*, использовавшиеся лексикографами в XIX веке, применяются и в современных словарях¹⁹.

¹⁶ Х. К. Баранов. Указ. раб., стр. 500.

¹⁷ Б. М. Гранде. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Л., 1963, стр. 184.

¹⁸ Х. К. Баранов. Указ. раб., стр. 860.

¹⁹ М. А. Гаффаров. Персидско-русский словарь. М., 1976, т. I и II, стр. 314, 362, 366, 405, 433, 520, 532, 534, 543, 545, 574.

Таким образом, если термин *ишбā'* характеризует узкие и широкие гласные узбекского языка, то термины *му'джам* и *мухмал* указывают на чтение и произношение согласных, имеющих совпадающую графику, но различающихся диакритическими знаками. Незнание этих терминов может привести к грубым ошибкам²⁰.

Знание лингвистических терминов вообще, а *ишбā'*, *му'джам* и *мухмал* в частности, имеет большое практическое значение, ибо они способствуют правильному чтению и определению значений слов в письменных памятниках.

²⁰ Ср. слова: *كوز* [küz] 'осень' и *كوز* [köz] 'глаза', а с опущением надстрочной точки в слове *كوز* [köz] 'глаза' оно превращается в *کور* [kög] 'слепой'.

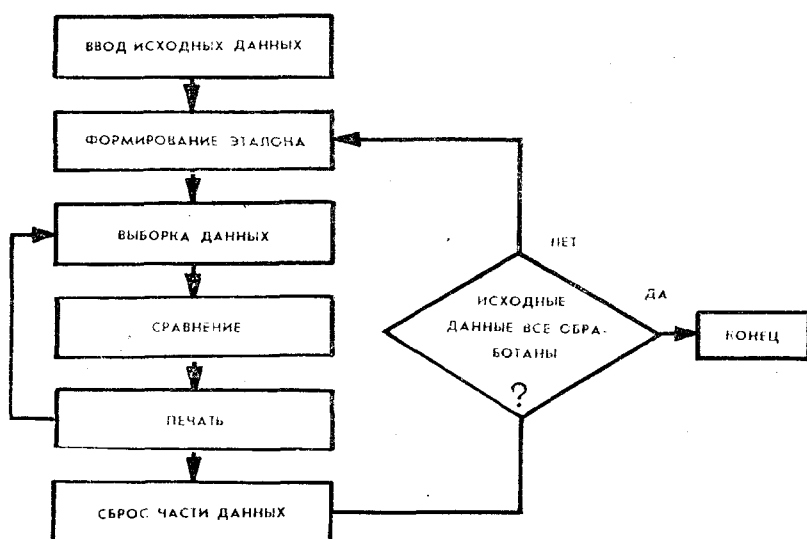
Э. Г. АЗЕРБАЕВ

СРАВНЕНИЕ ЛЕКСИКИ ЯПОНСКОГО И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ, СВЯЗАННОЙ С НАЗВАНИЯМИ ЧАСТЕЙ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА

Данная работа является продолжением статьи, опубликованной автором ранее [1]. После формирования матрицы фонетических корреспонденций и реконструкции системы протофонем нами осуществлялся поиск родственных корней (основ) между японским и тюркскими языками с использованием ЭВМ [БЭСМ-6 на языке Фортран (версия Фортран-4)]. С этой целью был отселектирован список, включающий 1223 слова из так называемого основного словарного фонда языка: названия элементарных действий, явлений природы, частей человеческого тела, местоимения, числительные, названия животных, растений, орудий труда и т. д. [2]. Это список состоял из слов на древнеяпонском, древнетюркском (ТРП), чувашском, древнеармянском и русском (язык-посредник) языках. Общее число слов, введенных в ЭВМ, составило более 7000 единиц. Ниже приводится функциональная схема алгоритма. Как отмечает Г. Климов: «Успех конкретного генетического исследования — особенно на его начальных этапах — обнаруживает очевидную зависимость от наличия в распоряжении компаративиста некоторого естественного языка-эталона, обладающего большой объяснительной способностью» [3, стр. 12]. Таким естественным языком-эталонем в нашем случае является древнеяпонский язык, находящийся в крайнем восточном ареале алтайских языков и в соответствии с принципами ареальной лингвистики обладающий способностью сохранения архаичных стадий слов, а в силу своего изолированного функционирования более архаичный [4, стр. 367; 5, стр. 129, 130]. Как видно из функциональной схемы алгоритма, после ввода исходных данных и формирования эталона в соответствии с вышеизложенным принципом, на основе эмпирически полученной формулы (С)Г(С) для элементарного японско-тюркского корня (основы) (разлагаемой на следующие четыре случая: Г, ГС, СГ, СГС, где Г — гласный, С — согласный), которая включает в себя урало-алтайский корень (С) ГС, выведенный еще А. Боллером [6, стр. 90], сравнения и вывода на печать, малый цикл продолжается до тех пор, пока не будут исчерпаны все возможности для этого эталона, после чего осуществляется сброс части данных, полностью использованных им (эталонем), и переход к формированию нового эталона. Этот малый и большой циклы продолжают до тех пор, пока не будут исчерпаны все исходные данные. После завершения машинной обработки последующий отбор сравниваемых общих корней (основ), естественно, осуществляется вручную.

При этом, как отмечает А. Мейе: «Смысловое соответствие должно быть таким же точным, как и звуковое (соответственно существующим

в каждом случае закономерностям). Это не значит, что мы требуем больших совпадений в семантике, чем в фонетике; надо лишь, чтобы смысловые расхождения объяснялись конкретными обстоятельствами, а не общей и неопределенной возможностью сопоставления» [7, стр. 37].

Функциональная схема алгоритма поиска родственных корней (основ).

Введение данных древнеармянского языка не случайно. Поскольку наше исследование базируется на синхронно засвидетельствованных фактах древнеяпонского языка и языка ТРП, восходящих в своей основе к V—VIII векам н. э., то привлечение данных древнеармянского языка, берущих начало в V веке н. э., не нарушает основного принципа синхронности. Результаты поиска родственных корней (основ) с использованием ЭВМ показали исключительную эффективность предложенного алгоритма. Из отселектированного массива в 1223 слова было выявлено около 200 родственных корней (основ) между древнеяпонским и тюркскими (а именно между языком ТРП и чувашским) языками на основе выведенной главным образом аналитическим путем матрицы фонетических корреспонденций. Это составляет относительно высокий процент (>16%) совпадений, и менее 10 слов между древнеяпонским и древнеармянским языками (заметим, что полученный здесь результат ни в коем случае не отвергает, равно как и не свидетельствует в пользу возможного генетического родства японского и армянского языков, а просто констатирует эффективность используемого алгоритма). Сказанное является ответом на возражение Г. Дёрфера, который, критикуя так называемую «систему Тромбетти», состоящую из двух гласных и шести согласных (и в какой-то мере напоминающую выведенную нами систему протофонем), утверждает, что для языков с элементарным корнем, выражаемым формулой СГС, имеется всего $6 \times 2 \times 6 = 72$ различных корня, и, таким образом, сильно возрастает вероятность случайного совпадения корней в априори неродственных языках [8, стр. 134].

Ниже приводятся результаты поиска родственных корней (основ) между японским и тюркскими языками, полученные как с помощью ЭВМ на основе аналитически выведенной матрицы фонетических коррес-

пондений в рамках смещения по горизонтали или доминантной девиации; так и без использования ЭВМ чисто эмпирическим путем на основе классического сравнительно-исторического метода. Последний выражается в установлении строгих рядов фонетических корреспонденций со смещением по вертикали, представляющим собой субдоминантную девиацию. Однако в отличие от классического сравнительно-исторического метода, в котором поиск ведется далеко несовершенным «методом проб и ошибок», в нашем случае поиск осуществлялся целенаправленно. Суть дела заключается в том, что в тюркских языках (в нашем случае чувашском и ТРП) чрезвычайно низка частотность назальных *m* и *n* в инициальной позиции, в то время как в естественном языке-эталоне, то есть древнеяпонском, их частотность в указанной позиции совершенно нормальная. Результаты проведенного целенаправленного поиска позволили установить следующие ряды фонетических корреспонденций для базисных языков: ДЯ *m*- — ТРП *b*- — чув. *p*-; ДЯ *n*- — ТРП *j*- — чув. *š*-.

Ниже приводятся результаты поиска применительно к семантическому полю, связанному с человеческим организмом, для базисных языков, дополненные материалами других тюркских языков, а также монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейского, данные которых строго удовлетворяют выведенной матрице фонетических корреспонденций.

Фонемный ряд: *I*; протофонема **A*

ДЯ *A* 'нога'.

По-видимому, исходная форма значения слова «нога». Все остальные формы (см. **A*—*J*(*U*), **A*—*R*(*I*), **A*—*S*(*I*), **A*—*T*(*U*) являются производными.

В этой связи определенный интерес представляет точка зрения Г. Вамбери, который «выделял корни *at*, *ay*, *az*, *ag* 'шагать', 'шаг', 'нога', 'опора' и включал в один ряд разные формы для обозначения ноги» [9, стр. 104].

Привлекая материалы древнеяпонского языка и т. д., мы с полным основанием можем предположить первоначальной форму с одним гласным (в древнеяпонском языке отмечено незначительное число примеров ее самостоятельного употребления [10, стр. 1], впоследствии примеров ее самостоятельного употребления не отмечается [11, стр. 1; 12, стр. 1]), фигурирующую во всех производных формах, а последующие согласные рассматривать как морфологические форманты, служащие средством дифференциации значений.

Фонемные ряды: 1—10 (—3); протофонемы: **AJ*(*U*)

ДЯ *AJU*-*M*-*I* 'шаг', *AJU*-*M*-*U* 'шагать, ходить пешком'; азерб. *AJ*-(*A*)Г '1) нога, ступня; 2) ножка (мебели); 3) перен. партнер, компаньон'; башк. *AJ*-*K* '1) нога; 2) ножной'; гаг. *AI*-(*A*)К '1) нога; ножной; 2) ножка; 3) стояк, подставка; 4) лапка; 5) ходули'; казах. *AJ*-К '1) нога; 2) конец; последний; последствие; 3) разг. обувь; 4) ножка (стола, стула, кровати и т. п.)'; карaim. Г *AI*-(*A*)К, К *AI*-(*A*)КЪ 'нога'; Т *AI*-(*A*)Х '1) нога; 2) подножие, фундамент'; карак. *AJ*-К '1) нога; 2) конец, край; 3) устье, низовье'; кирг. *AJ*-К '1) нога, нижняя часть ноги; 2) конец, низ, нижняя часть; 3) перен. последствие; 4) низший (по социальному положению)'; кумык. *AJ*-КЪ '1) нога; ножной; 2) лапа; 3) конец'; сал. *AJ*-(*A*)Х, *AJ*-(*A*)Х, *AJ*-(*E*)Х, *AJ*-(*E*)Х 'нога'; турецк. *AY*-(*A*)К '1) нога; ноги; лапка (насекомого); лапа (животного); 2) ножка; подпорка, опора, стойка, свая; пилон, цоколь; 3) приток (реки); 4) водоотводный канал, рукав (связывающий два водоема); 5) шаг; 6) ступенька; 7) фут, кадем (мера длины около 30,5 см); 8) рифма (в фольклоре); 9) тех. кулачок'; узб. *OE*-К '1) нога; ноги;

ножной; 2) ножка (стола, стула, штатива и т. д.); 3) конец; 4) конец, край (напр. участка); 5) устье, низовье (реки); 6) место в комнате возле двери, у порога (в противоположность почетному месту)'.
 ДЯ -*т*- — глаголообразующий формант, -*и* — окончание субстантивной (соединительной, срединной) формы глаголов, -*и* — окончание заключительной формы глаголов [13, т. I, стр. 150—156; 14, стр. 163, 167; 15, стр. 51]; тюрк. -*q* суффикс собирательности-коллективности. А. Н. Кононов указывает: «Афф. -*q/-k*, -*γ/-g* как показатель собирательности-коллективности > множественности является общеалтайским и общеуральским достоянием» [16, стр. 14]. С другой стороны, Б. Серебренников, отмечая указанный формант -*q* как древний суффикс собирательной множественности, выдвигает следующую гипотезу: «Суффикс -*k/-q*, по-видимому, имеет общее происхождение с тюркским архаическим суффиксом двойственного числа, обнаруживающееся в таких словах, как ајақ 'нога' (первоначально 'две ноги'), qоlaq 'ухо' (первоначально 'два уха') и т. д.» [17, стр. 162].

См. также *А.

Фонемные ряды: I—II (—2); протофонемы: *АК(І)

ДЯ АГІ '1) верхняя челюсть; 2) жабры', АК-У 'открывать'; ТРП АГ-(І)Z 'устье, устье'; чув. Ç-AB-(A)P '1) рот; уста; 2) пасть (зверя); 3) отверстие, устье; горловина; 4) дуло, жерло; 5) глоток, кусок (на один укус); 6) перен. разг. едок, рот'; азерб. AF-(Ы)З '1) рот, уста; 2) отверстие, верхние края посуды; 3) лезвие, острая сторона холодного оружия; 4) дуло огнестрельного оружия, жерло; 5) молозиво; 6) устье реки'; алт. У-С 'рот, отверстие'; казах. АУ-(Ы)З '1) рот; уста; 2) горлышко; 3) отверстие; 4) пасть; 5) разг. человек, лицо'; карaim. Т Г К АВ-(У)З '1) рот, пасть; 2) отверстие'; кирг. О-(О)З '1) рот; 2) входное отверстие; 3) ворота; 4) чуйск. первая лунка на доске при игре в «тогуз кумалак»; сал. АГ-(А)S 'рот, уста', АГ-(Y)Z '1) рот; 2) перен. горловина мешка'; сар.-юг. AF-(Ы)C, АХ-С, АХ-(Ы)C 'рот, уста'; тув. А-(А)C '1) рот; пасть; 2) устье (реки); 3) отверстие, дуло, жерло; вход; 4) крышка; 5) устный'; турецк. АГ-(Y)Z '1) рот, пасть; 2) едок, рот; 3) горло, горлышко; устье; выходное отверстие (например, шахты); 4) вход, выход (например, у пещеры); 5) дуло (винтовки); жерло (орудия); 6) устье (реки); 7) начало (дороги и т. п.); 8) стык; развилка, перекресток; 9) говор, жаргон, диалект; 10) язык; 11) тон, манера (разговора); 12) муз. мелодия, напевы; 13) лезвие; 14) раз'; узб. OF-(И)З '1) рот, уста, зев; пасть (у животных); 2) дуло, жерло (у огнестрельного оружия); 3) входное или выходное отверстие чего-либо; устье, начало чего-либо'; уйг. EF-(И)З '1) рот, уста; пасть; 2) начало; 3) перен. входное отверстие, вход; 4) перен. устье реки, начало арыка; 5) перен. дуло, жерло, ствол орудия; 6) перен. клапан, крышка; 7) перен. кратер'; якут. УО-С '1) губа, губы, верхняя губа; 2) полукруглая выемка; зарубочки в пятке стрелы; выемка на коновязном столбе, углубление; подставка с полукруглой выемкой под нижние жерди городьбы, сходящиеся вершинами'.

Ср. бур. АНГАЙХА 'раскрываться, открываться, зиять; разверзаться'; эвенк. АҢА '1) пасть (зверя); 2) зверь (на которого охотятся для мяса); 3) шель'; АҢА- '1) разинуть, раскрыть (пасть); 2) вытаращить (глаза); 3) открыть (дверь); 4) раздвинуть (например, стулья); 5) взвести курок'; эвенк. АҢАБ-, АҢАП- 'открыться, раскрыться, распахнуться'; кор. АГАРИ 'пасть'.

Все вышеприведенные примеры из тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейского языков по своей семантике стоят ближе к

исходному древнеяпонскому глаголу, однако в ряде тюркских языков зафиксированы также формы, которые семантически тождественны исходному древнеяпонскому существительному, как-то: куманск. ЕЦ-(Е)К 'подбородок'; осм. АН-(А)К 'подбородок'; турецк. диал. ЕГ-(Е)К, ЕК-(Е)К 'челюсть, челюсти; челюстная кость'; узб. диал. ЭЦ-(Э)К 'скула'; чаг: см. куманск.; хак. ЕК 'подбородок'.

Ср. кор. АККОЛЬ 'анат. челюсть'.

Тюрк. -r, -s, -z — древнейшие формы множественного (двойственного) числа [18, стр. 65; 19, стр. 50—52], так что тюрк. аууз означает не только «рот, уста», но и «две челюсти», на что справедливо указывает С. Малов [19, стр. 51] и что находится в полном соответствии с древнеяпонской словоформой.

Относительно чувашской формы *сăвар* интересна этимология Г. Рамстедта, считавшего ее состоящей из двух компонентов: *сăвар* ← *си* + *ăвар* [20, стр. 5], где чув. *си* означает «верх; верхний», что в какой-то мере подтверждается данными древнеяпонского языка, в котором зафиксирована форма *si* со значением «низ» [10, стр. 345]. Значения «верх» — «низ» могут вполне контаминировать друг с другом, поскольку их семантика зависит лишь от направления отсчета относительно горизонтали и весьма условна. Для полной ясности добавим, что переход общетюрк. *y* → чув. *в* — закономерное явление [21, стр. 17].

С. Яманака, проводя сравнение японской формы с алтайскими языками, полагает древнее родство алтайских форм даже с финно-угорскими языками, приводя в качестве доказательства, в частности, пример из черемисского (марийского) языка — *аң* со значениями «рот», «открывать» [22, стр. 38]. Однако эта этимология С. Яманака ошибочна, поскольку значения «рот» и «открывать» в марийском языке передаются соответственно через *умша* и *почаш*. Действительные же значения мар. *аң* 'отверстие (в вещах)', 'горло (в посуде)', 'проход (в строениях и т. п.)' и, как совершенно верно отмечает Ф. Гордеев [23, стр. 120], указанная словоформа представляет собой заимствование из булг. (др.-чув.) языка.

Фонемные ряды: 1—6(—3); протофонемы: *AR(I)

ДЯ ARU-K-U, ст.-япон. ARI-K-U 'шагать, ходить пешком'; чув. УРА 'нога; ножной; ходули'; кирг. АР-ГЫ- '(о скаковом коне) бежать крупным карьером'; кумык. АР-ГЫ-МАКЪ '1) рвануться, сорваться с места; 2) вставать на дыбы'; тув. АР-ГЫ- 'ездить, объезжать, развезжать; курсировать, совершать рейсы'.

ДЯ -к- — глаголообразующий формант [15, стр. 51]. Относительно ДЯ -и см. при *AJ(U).

Японская форма с гласным *i* в памятниках периода нара (710—794 гг. н. э.) не зафиксирована. Она отмечена в памятниках периода Хэйан (794—1192 гг. н. э.). Так что вопрос об исконном гласном корня слова остается в какой-то мере неопределенным. Косвенными доказательствами в пользу гласного *i* могут служить, с одной стороны, перелом гласного *i*, наблюдаемый в японском, монгольских, тюркских языках (см., например, работы С. Одзава [24] и Н. Сыромятникова [25]), а с другой стороны, наличие гласного *i* в киргизском слове *арым* 'крупный шаг, размах', образованном от того же корня.

Э. В. Севортян полагает, что «аргы — учащательная форма с афф. -кы от *ар-, вероятно, со значением 'идти, бежать крупным шагом'» [9, стр. 172]. С учетом данных древнеяпонского и чувашского языков в *аг(i) можно усмотреть наличие также именной основы со значением «нога». См. также *А.

Фонемные ряды: 1—7(—2); протофонемы: *AS(I)

ДЯ ASI 'нога'; др.-тюрк. (сюда входит вся лексика древнетюркских памятников, зафиксированная в «Древнетюркском словаре» [26], кроме ТРП, рассматриваемых отдельно) AS-(A)Q, AZ-(A)Q 'нога'; хак. AZ-(A)X '1) нога; лапа; 2) ножка (например, стола)'.

Относительно тюрк. -q см. при *AJ(U). Хак. -x — фонетический вариант -*к.

См. также *А.

Фонемные ряды: 1—8(—3); протофонемы: *АТ(U)

ДЯ АТО '1) нога; ступня; 2) след ноги'; АТЕ 'подставка, подпорка'; ТРП AD-(A)Q 'нога'; чув. УТ 'ходить, идти, шагать'; др.-тюрк. AD-(A)Q '1) нога (человека и животного); 2) ножки, подставки (у предметов); 3) нижняя часть, основание; 4) подножие; 5) устье реки'; караим. АТ-ЛА-К Г Т 'шагать, перешагивать; перепрыгивать'; тат. АД-(Ы)М '1) шаг, поступь; 2) уст. перен. шаг (мера длины); 3) перен. шаг, действие, поступок'; тат. диал. АТ 'след ноги'; туркм. ЭД-(И)М 'прям. и перен. шаг, поступь'; узб. ОД-(И)М 'шаг'; чаг. АД-(А)Қ 'приспособление, на котором дети учатся ходить'; якут. АТ-(А)Х '1) нога, стопа, лапа; ножка или подставка (у лавки), бабка, подножие, подпорки, козлы, столбик, столб, копыл (у саней); 2) конец, нижний конец чего-либо; 3) последний, худший сорт; 4) название местности'.

Ср. бур. АДАГ '1) конец; 2) перен. последний, худший, плохой; 3) перен. самое последнее, на худой конец, в крайнем случае, по крайней мере, минимум; 4) пятка (у косы)'; ст.-письм. монг. АТАГ '1) конец; 2) самый плохой'.

См. также *А.

Фонемные ряды: 1—8—1—4—1; протофонемы: *АТАМА

Ст.-япон. АТАМА '1) темя; 2) темя и затылок ребенка; 3) голова'; чув. АТАМА-Н, УТАМА-Н 'атаман; атаманский'; башк. АТАМА-Н '1) воен. уст. атаман; 2) главарь, предводитель разбойничьей или воровской шайки; 3) перен. шутил, вожак, главарь, атаман'; гаг. АТАМА-Н 'атаман, главарь'; казах. АТАМА-Н '1) ист. атаман; 2) уст. главарь шайки; 3) перен. предводитель; 4) местн. руководитель (бригады рыбаков)'; ног. АТАМА-Н '1) атаман; 2) самец'.

Ср. бур., калм. АТАМАН 'атаман'.

Как пишет В. Г. Егоров: «В истории древних тюрков это слово известно; во многих тюрк. яз. *атаман* употребляется для обозначения главаря, а в иных (башк. и др.) — предводителя разбойничьей или воровской шайки. Слово неизвестного происхождения; Миклошич производит его от немецкого *hauptmann*; Горяев: *ата* 'отец' + *тöмен* (*tü-men*) 'десять тысяч', отсюда *атаман* — 'начальник 10000-ного войска'. Об этимологии слова *атаман* проф. Н. К. Дмитриев пишет: „Распространенное в южнорусских степях и в Крыму, оно, очевидно, происходит от корня *ата* со значением 'отец', 'дед', 'предок' и аффикса *-ман* (обычно образующего увеличительные имена, как установил М. Ряснянен), т. е. обозначает то же, что укр. *батько* (*ата-ман* — 'большой отец', 'наибольший')... в старинной корпорации пастухов на Яйле (в Крыму) до самой революции сохранился термин *ата-ман* < *ода-ман* (старший пастух)» [21, стр. 278].

С другой стороны, Э. Севортян отмечает: «Хотя *атаман* по своему морфемному составу должно быть признано тюркским, нельзя исключить того, что первое из перечисленных выше значений (*атаман*. — Э. А.) в отдельные тюркские языки могло перейти из русского» [9, стр. 202].

Привлечение данных старояпонского языка (в древнеяпонском языке это слово не зафиксировано) позволяет высказать предположение о

том, что вышеприведенные словоформы могут восходить к более древней стадии развития японского и тюркских языков в форме *atama* со значением «голова», которое позже почти повсеместно было вытеснено другими синонимами, в частности *kabi*, *kubi* в древнеяпонском языке и *baš* в языке ТРП, сохранившись как реликтовое явление в ряде тюркских языков с видоизмененным значением «главарь» и в форме *ataman*, где конечное *-n* представляет собой аффикс единичности [27, стр. 240].

Фонемный ряд: 2; протофонема: *I.

ДЯ I 'печень'; ст.-япон. I 'желудок'; ТРП I-С 'внутренность'; чув. А—Ш '1) внутренность, внутренняя часть; внутренний; 2) внутренности; нутро; чрево; нутряной; 3) полость; 4) внутренние органы; 5) потроха; 6) сердцевина, мякоть плода'; бараб. И-Ц '1) внутренняя часть, нутро; внутри; 2) послелог *в*'; башк. Э-С '1) живот, утроба, чрево; брюхо (разг.); 2) внутренность, нутро; 3) недра; 4) *в*; 5) начинка; 6) подкладка'; карак. И-Ш '1) внутренность, внутренняя часть чего-либо; 2) живот, брюхо, желудок'; турецк. I-С '1) внутренность, внутренняя часть, внутренняя сторона (чего-либо); 2) (внутренняя) полость, канал (техн.); 3) внутреннее пространство; внутренняя сторона полых предметов; 4) сердцевина, ядро; мякоть; 5) начинка, фарш; 6) выемка, углубленная часть (чего-либо); 7) нутро, внутренности, утроба (органы грудной и брюшной полостей тела); 8) сердце, душа, внутренний мир (человека)'; якут. I-С '1) внутренний; 2) внутренность, внутренняя часть, нутро, недра, вместимость; 3) о животных и человеке: внутренности (кишки, потроха), живот, утроба, брюхо, чрево; желудок; 4) подкладка, подбой; внутренний мех; 5) название рода'.

Ср. эвенк. ИН 'кишка (животного, слепая, используемая как вместилище для масла, жира)'.

Тюрк. *-s*, *-č*, *-š* — показатели собирательности-коллективности [16, стр. 6, 29; 28, стр. 92—93]. Сюда же относится и финальный *-ts* в барабинском языке.

Ср. с нивхским аффиксом собирательности *-p* в слове *hiur* 'желудок' [29, стр. 252].

Очень точную семантическую оценку вышеприведенных тюркских форм, полностью подтверждаемую данными японского языка, дает Э. В. Севорстьян, который пишет: «Исходное значение *ич* по имеющимся данным восстановить невозможно. Оно вероятно не 'внутренность/внутренняя часть' вообще, безотносительно к предмету, а скорее всего в генезисе, так сказать, „привязано“ к чему-то конкретному, представления о чем могут дать значения... ('внутренности' и т. п.) и 'нутро'...» [9, стр. 389].

Фонемные ряды: 10—1, 10—2; протофонемы: *КА, *КІ.

ДЯ КА, КЕ '1) волос, волосы; 2) мех; 3) шерсть; 4) пух, перо'; чув. ХЕ-Л-ЕХ '1) конский волос; волосяной; 2) струна; 3) лёса (рыболовная)'; азерб. ГЫ-Л '1) щетина, волос (лошадиный, козлийный); 2) грубая шерсть'; казах. ҚЫ-Л '1) волос (хвоста, гривы); 2) волосок, шерстинка'; саг. ҚЫ-Л '1) конские длинные волосы; 2) струны, сделанные из конских волос; 3) силки, сделанные из конских волос; тат. ҚЫ-Л '1) волос (лошадиный); щетина; волосок; волосяной; 2) лёса, леска (рыболовная); 3) струна; струнный; 4) волосок, нить (металлическая проволока)'; турецк. КІ-Л '1) волос, щетина; 2) шерсть козы; 3) волосок (растений)'; уйг. ҚИ-Л '1) конский волос, волос; 2) шерстинка; 3) струна (музыкального инструмента)'; хак. ХЫ-Л '1) волос, волосок (хвоста и гривы); 2) шерсть, шерстинка; 3) струна; 4) волосяной;

5) шерстяной'; якут. КЫ-Л 'хвостовой конский волос'.

Ср. бур. ХИЛГААҺА(Н) '1) конский волос; 2) струна; 3) волосяной, из конского волоса; 4) шерстяной; 5) волосяной (похожий на волос)'; монг. ХЯЛГАС(ан), ст.-письм. монг. КИЛГАСУ(Н) '1) волос, волосы (например, конский); 2) волосяной, из волоса (конского)'; эвенк. КИЛ 'волос' — якут. [см. 30, т. I, стр. 392]; кор. КИТ 'перо (птичье)'.

Тюрк. -l — показатель собирательности-коллективности [16, стр. 20]. Конечный чув. -ёх, по мнению Г. Рамстедта, — этимологически аффикс уменьшительности [21, стр. 297].

Ср. с нивхскими существительными *ныврки* 'волос, волосы (о животных)'; *нынг* 'волос, волосы (о человеке)' с лексическим значением собирательности [29, стр. 255].

О трудностях реконструкции корневого гласного см. при *AR(I).

Фонемные ряды: 11—1—4(—3); протофонемы: *KAP(U).

ДЯ КАВU 'голова', КАВU-ТО 'шлем'; япон. КАВU-R-U '1) надевать на голову, покрывать голову; 2) брать на себя (вину и т. п.); 3) быть облитым чем-либо; 4) прост. притворяться'; ТРП QAP-(I)Г 'ворота'; чув. ХУП '1) закрывать, затворять, запирать; 2) закрывать, складывать (что-либо раскрытое); 3) закрывать, преграждать; 4) сажать, запирать, заключать куда-либо; 5) закрывать, прекращать, класть конец чему-либо'; азерб. ГАП-(А)Г 'крышка, головка, колпак, верх'; гаг. КАП-(А)К '1) крышка, ставень; 2) затвор (ружья)'; крым.-тат. ҚАП-(А)Қ 'крышка, пробка'; куманд. КАБ-(А)К 'лоб'; сар.-юг. ҚАП-(А)Қ, КАП-КАК 'деревянная крышка (на котел)'; турецк. КАРI '1) дверь; дверца (машины и т. п.); ворота; 2) мор. люк; 3) служба, место службы; 4) место, где можно рассчитывать на выручку (на помощь)'.

ДЯ to- — семантика этого компонента не установлена, хотя связь между *kabi* и *kabuto* несомненна [10, стр. 213]. Япон. -r — глаголообразующий формант [15, стр. 49], относительно япон. -и см. при *AJ(U).

См. также *АТАМА.

Фонемные ряды: 11—1—6—1—8(—1); протофонемы: *KARAT(A).

Ст.-япон. KARADA 'телo, корпус, фигура, телосложение'; чув. КЕЛЕТ-КЕ '1) туловище, корпус; тело; стан, фигура; 2) статуя, памятник, изваяние; 3) уст. портрет, фотокарточка; 4) начертание, рисунок; 5) привидение'.

В. Г. Егоров сравнивает чувашскую словоформу с рядом тюркских языков со значением «тень» [21, стр. 105], что весьма сомнительно, так как при этом возникают трудности как с фонетической, так и с семантической точки зрения. Приведенная японская словоформа полностью снимает все эти трудности.

Фонемные ряды: 11—3—11—3—6(—3); протофонемы: *KUKU-R(U).

ДЯ КӨКӨ-РӨ '1) сердце; дух; душа; 2) сокровенные мысли; душевное состояние; 3) намерение; соображения, ожидания, расчеты, предположения; 4) любовь, привязанность, нежное чувство; жалость, сострадание; 5) двоедушие, измена'; чув. КАМА-Л '1) характер, свойство характера; 2) настроение, самочувствие, расположение духа; 3) желание; 4) состояние (физиологическое)'; азерб. КӨНУ-Л '1) сердце, душа; 2) охота, желание, расположение'; башк. КУҢЕ-Л '1) душа (внутренний мир человека); дух; 2) настроение; 3) душевный'; др.-тюрк. КӨНÜ-Л '1) сердце; 2) желание; 3) чувство; 4) мысль'; караим. К ГОНИ-ЛЬ, Т КЕНЮ-ЛЬ, К КӨНЪУ-ЛЬ, КӨНЪИ-ЛЬ 'сердце'; кумык.

ГЕНГЮ-Л 'душа; сердце; душевный; сердечный'; узб. КУНГИ-Л 'душа, сердце (какместилище чувств); душевный; сердечный'; якут. КӨҮ-Л 'свобода', КӨНУ-Л 'свободный, вольный, независимый; имеющий право, позволительный; свобода, вольность; право, власть, воля, желание; позволение, изволение, благоволение; ослабление; свободно, по доброй воле, сам по себе, сам собою'.

Ср. эвенк. КУҢУЛ (из якут.) '1) воля, желание; 2) избалованность; 3) устар. хозяин (по отношению к работнику)'; эвенк. КӨҢУЛ-ЛЭ- (из якут.) 'разрешать' [30, т. I, стр. 434].

С исходным древнеяпонским словом могут быть сопоставлены также следующие тюркские словоформы, которые близки к нему фонетически, но зато несколько далеки с семантической точки зрения.

Чув. КАК-(А)Р '1) грудь (верхняя часть туловища); грудной; 2) грудь (женская); грудной; 3) грудь, перед (рубашки и т. п.)'; азерб. КӨК-С 'грудь'; бараб. КӨК-Р-(А)К, КУК-Р-(А)К 'грудь'; др.-тюрк. КӨКУ-З 'грудь'; казах. КӨКІ-Р-(Е)К '1) грудь; 2) ум, разум'; карaim. К КӨКИ-С, КӨХИ-С, КӨК-Р-(Э)К, Т КЕК-Р-(Я)К 'грудь', Г КЕК-Р-(Э)К 'грудь, бюст'; кач. КӨҮ-С 'верхняя часть туловища между плечами и животом, грудина'; кирг. КӨКҮ-Р-(Ө)К 'грудь (каждая из двух ее половин)'; тат. КУК-Р-(Э)К '1) грудь; грудной; 2) лифчик, нагрудник (женский)'; турецк. GÖĞÜ-S '1) грудь; грудная клетка; 2) грудь, одна из молочных желез (у женщин); 3) верхняя дёка (скрипки и т. д.)'.

Ср. монг. ХӨХ, ст.-письм. монг. КӨКӨ 'женская грудь'.

Вышеприведенные словоформы, по всей вероятности, ономотопозитического происхождения: звукоподражание, имитирующее ритмические удары сердца. Вторые компоненты *-l*, *-r*, *-s*, *-z* вышеприведенных тюркских словоформ — аффиксы собирательности-коллективности [16, стр. 5—7; 28, стр. 90—92]. Что касается второго компонента древнеяпонского слова, то С. Яманака, приводя примеры сравнения ДЯ *kōkōrō* с тюрк. *köküz*, где тюрк. *-z* рассматривается как суффикс двойственного числа, высказывает предположение, что ДЯ *-rō* также может рассматриваться как исконный суффикс двойственного числа [22, стр. 221].

Применительно к двум вышеприведенным рядам японско-тюркских словоформ вполне уместно следующее замечание Н. Сыромятникова: «И в этих близких корнях мы наблюдаем обмен семантическими дифференциальными признаками, различающими их: фонетически древнеяпонское слово может быть ближе к одному, а семантически — к другому слову. Так, *kōkōrō* 'сердце' ~ тюрк. *köküz* 'грудь' (ног. *көкүрек*) и *kōñül* 'сердце', 'желание', 'чувство'» [14, стр. 51].

Фонемные ряды: 5—1; протофонемы: *МА

ДЯ МА, МЁ 'глаз'; чув. ПА-Х '1) смотреть, глядеть, рассматривать, осматривать; 2) перен. быть в зависимости (от кого-либо); 3) следить, наблюдать (за кем-либо); 4) ухаживать, заботиться; призрывать; 5) уродиться (в кого-либо), быть похожим (на кого-либо); 6) смотреть, быть обращенным (в какую-либо сторону); 7) обращать внимание (на кого-что-либо); 8) иметь пристрастие, склонность (к чему-либо); 9) пытаться, норовить (сделать что-либо); 10) светить, излучать (свет); 11) с деепр. др. глагола выступает в роли вспом. глагола'; азерб. БА-Х-МАГ '1) смотреть, глядеть, наблюдать; 2) заботиться, присматривать, прислуживать; 3) установить, вести надзор; обращать внимание; 4) рассматривать, слушать заново (судебное дело)'; алт.

ПА-Қ- '1) смотреть; 2) быть подчиненным, подвластным'; бараб. ПА-Қ- 'смотреть; пасти'; башк. БА-Ғ- '1) смотреть, посмотреть, глядеть, поглядеть на кого, что; смотреть, присматривать за кем-либо; 2) ворожить'; гаг. БА-К- '1) смотреть, глядеть, наблюдать, рассматривать; 2) заботиться, ухаживать, присматривать; 3) обращать внимание; 4) брать пример, следовать примеру; 5) искать; 6) растить, воспитывать'; др.-тюрк. ВА-Г- 'смотреть (умоляюще)'; ВА-Q- 'внимательно смотреть, обозревать, разгадывать'; казах. БА-Қ- '1) воспитывать; ухаживать, заботиться; присматривать; 2) выращивать; разводить; 3) подкарауливать, подстергать, поджидать; 4) смотреть, присмотреться; караим. Т Г БА-К- '1) смотреть, глядеть, обращать внимание; 2) присматривать, ухаживать, заботиться, оберегать'; Т БА-Х- '1) смотреть; 2) соблюдать, исполнять; 3) стараться, пытаться'; кирг. БА-К- '1) присматривать, ухаживать за кем-, чем-либо; воспитывать (растить); пасти (скот); водить (птицу); разводить, возделывать (например, хлебные злаки); 2) стеречь, охранять, наблюдать; 3) смотреть; 4) в роли вспом. гл.: видеть, увидеть'; кумык. БА-КЪ-МАКЪ '1) прям. и перен. смотреть, глядеть; 2) ухаживать, присматривать за кем-либо; 3) лечить; 4) выращивать, выкармливать, откармливать; пасти; 5) содержать, кормить, обеспечивать; иметь кого-либо на иждивении; 6) быть направленным в какую-либо сторону; 7) приставать к кому-либо, надоедать кому-либо'; ног. БА-К- 'присматривать за чем-либо; пасти (скот)'; тат. БА-Г-У '1) смотреть, посматреть, глядеть, глянуть, взглянуть, поглядеть; 2) осматривать, осмотреть, обозревать, обозреть, взирать, наблюдать, всматриваться, искать взглядом, высматривать; 3) рассматривать, рассмотреть, разбирать, разобрать (дело, заявление); 4) смотреть, присматривать, нянчить, нянчиться; заботиться, ухаживать (например, за больным), осуществлять уход; осматривать; 5) воспитывать, давать на пропитание, содержать на иждивении, помогать материально; 6) относиться, отнестись, касаться, иметь отношение к чему-либо; 7) быть обращенным куда-либо, выходить, глядеть куда-либо; 8) перен. быть в ведении, принадлежать, относиться, зависеть, быть в зависимости от кого-, чего-либо; 9) перен. разг. смотреть, судить, составлять суждение, заключение (обращая внимание на одну какую-либо особенность вещей); 10) разг. смотреть, заглядывать, заглядываться, интересоваться, заинтересоваться кем-либо; 11) в повел. форме выраж. предостережение или удивление; 12) со знач. пробовать (пытаться) что-либо сделать служит для образования составных глаголов; 13) гадать, ворожить'; тоф. ВА-Q- 'смотреть вниз откуда-либо; подсматривать'; узб. БО-Қ-МОҚ '1) прям. и перен. смотреть, глядеть; 2) ухаживать, присматривать (за кем-либо); 3) выращивать, выкармливать, откармливать; пасти; 4) содержать, кормить, обеспечивать; иметь (кого-либо) на иждивении; 5) искать насекомых (в голове, одежде); 6) лечить; 7) с деепр. на (и)б др. гл. означает пробовать, пытаться'.

Ср. калм. МАНА '1) стража, караул, охрана; 2) сторож, караульный, постовой'; монг. МАНАХ 'стеречь, караулить, охранять, сторожить'.

Тув. МАНА- '1) ждать, поджидать, дожидаться; 2) охранять, сторожить, беречь', по всей вероятности, заимствование из монгольского.

Фонемные ряды: 5—3; протофонемы: *МУ.

ДЯ МУ, МІ 'тело, корпус, стан'; ТРП РО-Т 'тело; человек'; чув. ПУ '1) рост; 2) тело, туловище, стан; 3) возраст; 4) стебель; ствол; 5) уст. протяжение, протяженность, длина; высота'; азерб. БО-И '1) рост, стан; 2) длина; 3) высота; 4) размер'; алт. БО-І '1) сам, он сам; 2) рост, возраст'; бараб. БО-И 'рост'; башк. БУ-И '1) длина; 2) рост; 3) полоса,

полоска; 4) продольный; 5) вдоль, в длину; 6) в функ. служ. сл. на протяжении, в продолжение, в течение чего-либо; 7) в составе определит. словосочетаний обозначает протяженность в пространстве; гаг. БО-И '1) рост; фигура, телосложение; 2) вышина, высота; 3) длина; длинный'; др.-тюрк. ВО-Д '1) тело, туловище; стан, фигура; 2) рост'; казах. БО-И '1) рост; 2) стан; корпус; 3) протяжение, продолжение; 4) длина; 5) полоски'; караим. Т Г К БО-И '1) фигура; 2) рост, длина'; карак. БО-И '1) рост; 2) стан, корпус. тело; 3) длина, протяжение, протяженность; 4) в значении послелого на протяжении, в течение; 5) сторона, край; 6) берег'; кач. ПО-С '1) тело; 2) главная часть; 3) сам'; кирг. БО-И '1) рост; 2) стан, корпус; 3) протяжение (о пространстве и времени); 4) один; одинокий, неженатый; перен. холощенный; 5) в исх. п. с предш. прич. прош. вр. указывает на непрерывность, неизменность действия'; крым.-тат. БО-И '1) стан, рост, высокий рост, фигура взрослого; 2) главная часть, величина, глубина'; куманд. БО-И '1) рост; 2) сам'; кумык. БО-И '1) рост, стан, фигура; 2) протяжение, пространство, полоса'; кюзр., леб. ПО-И '1) тело, туловище, стан, рост; 2) возраст, взрослость, возмужалость; 3) главная часть предмета; 4) ядро плода; 5) самый'; ног. БО-И '1) рост; 2) полоса, полоска; 3) длина, протяжение; 4) сторона, край; 5) в служ. знач.: на протяжении, в течение, в продолжение'; сар.-юг. ПО-З 'тело'; ст.-кыпч. БО-И 'рост, стан, все тело, фигура'; тат. БУ-И '1) рост; ростовой; 2) длина; продольный; 3) текст, основа; 4) полоса, полоска; полосатый'; туба БО-И 'тело; сам, свой'; тув. БО-Т '1) мест. опред. сам; 2) холостой, одинокий'; турецк. ВО-У '1) рост; 2) высота; вышина; 3) длина, протяженность; протяжение; 4) размер, величина; 5) обочина; берег (реки); место вдоль (чего-либо)'; туркм. БО-И '1) рост; 2) протяжение, протяженность, длина; высота; 3) побережье, берег; 4) перен. молодой, еще не женатый мужчина, девушка на выданье; 5) в роли сл. им., употребляющегося с основным падежом: на протяжении, в течение'; уйг. БО-И '1) рост; 2) на протяжении'; ферг. БО-И 'рост; длина; берег'; хам. БО-И 'рост; длина; талия'; хот. БУ-И 'длина; рост; берег'; чаг. БО-И '1) тело; 2) стан, рост, высокий рост; фигура взрослого; 3) главная часть, величина, глубина; 4) один, одинокий; 5) греческое сено, божья трава'.

Финальные *-s*, *-z*, *-t* в тюркских словоформах — показатели собирательности-коллективности [16, стр. 5, 6, 18], *-d* — фонетический вариант *-t*. Что касается финального *-j*, не зафиксированного в качестве показателя собирательности-коллективности в тюркских языках, то поскольку в данном случае имеет место исторически обусловленное чередование $s \sim z \sim t \sim d \sim j$ в тюркских языках, можно сделать вывод о том, что и согласный *j* также может генетически восходить к показателю собирательности-коллективности.

Фонемные ряды: 4—1—9 (—1); протофонемы: *PAN(A).

ДЯ PANA 'нос; сопли'; азерб. МАН-ГО 'сап, мыт (инфекционное заболевание у лошадей)'; казан. МАҢ-ҚА '1) сопля; 2) сап; 3) гнусавый'; тат. МАҢ-КА '1) сопля, сопли; сопливый; сопляк, сопливец; 2) вет. сап; сапный; саповый'; чув. МАН-КА '1) сопля, сопли; 2) мокрота; 3) слизь (например, на растениях); 4) сопляк, сопливец'.

В соответствии япон. *p*- — тюрк. *m*- первичным следует признать япон. *p*-, поскольку переход $p \rightarrow m$ можно объяснить регрессивным ассимилирующим влиянием последующего назального *n*. Обратный же переход трудно (если вообще возможно) объяснить. См. также работу Б. Богородицкого [31, стр. 166].

Фонемные ряды: 4—1—6(—1); протофонемы: *PAR(A).

ДЯ PARA '1) живот; чрево; брюхо; 2) счетный суффикс для сосудов утолщенной формы (кувшинов, ваз, бутылок)'; чув. VAR(A) '1) середина; центр; 2) сердцевина; сердцевинный; 3) живот; чрево уст., нутро прост.; внутренний; 4) желудок; желудочный'.

В остальных тюркских языках произошли следующие фонетические переходы: чув. *v*→тюрк. *Ø*, чув. *r*→тюрк. *s*, *z*. Относительно указанных фонетических переходов и первичности чувашских согласных по отношению к общетюркским см., например, у Н. А. Баскакова и Р. Миллера.

Фонемные ряды: 4—2—8(—3); протофонемы: *PIT(U).

ДЯ PITO 'человек, лицо; человечество, люди; некто; чужой, посторонний; я, сам; взрослый; возлюбленный, возлюбленная'; др.-тюрк. BIT 'лицо, физиономия'; бараб. БИТ 'лицо', ПИТ 'лицо; щека'; кирг. БЕТ '1) щека; 2) лицо; 3) морда; 4) поверхность; 5) перен. совесть, стыд; 6) страница; 7) направление; 8) склон горы'; тат. БИТ '1) лицо; лицевой; 2) щека; щечный; 3) страница; тел. ПАТ 'наружность, лицо, лицевая сторона материн, рисунок'; уйг. БЭТ '1) лицо, щека; 2) страница; 3) поверхность; склон (горы)'; чув. ПИТ '1) лицо; лицевой; 2) щека; 3) поверхность, лицевая сторона чего-либо; верхний, лицевой; 4) фасад, передняя часть чего-либо; 5) корка, корочка; 6) переплет; 7) наволочка; наперник; чехол'.

На основе проведенного сравнения с данными древнеяпонского языка можно высказать предположение о том, что в тюркских языках произошло сужение значения: 'человек, лицо'→'лицо человека', которое затем в ходе последующего эволюционного развития в разных тюркских языках получило дальнейшее семантическое развитие.

Фонемные ряды: 4—1—7(—2); протофонемы: *PAS(I).

ДЯ PASI 'угол; конец; край; начало'; ТРП BAS '1) глава, начальник; 2) источник, исток; 3) начало'; др.-тюрк. BAS '1) голова; 2) перен. ответственность; 3) изголовье; 4) горлышко, носик (сосуда); 5) колос, султан, метелка (растений); 6) вершина, верхушка; 7) верховье, истоки; 8) глава, предводитель, начальник'; казах. BAS '1) голова; 2) колос (растения); 3) начальник; глава; старший; 4) главный; 5) верхняя часть, вершина; 6) начало; 7) конец; 8) штука; голова; 9) предисловие; 10) головка'; сар.-юг. PAS 'голова', ПАШ 'голова; начало; верх'; чув. ПУС '1) голова; головной; 2) глава, руководитель, начальник; предводитель; старший, главный, руководящий; 3) человек, душа; 5) колос; початок; 6) головка (обуви); 7) означает единицу счета, перевод зависит от считаемых предметов: штука, головка, кочан, вилок и т. д.; 8) исток, верховье (реки); начало (оврага); 9) конец, оконечность, край; 10) торец, боковина (строения); поперечная грань; 11) начало'.

В свете данных древнеяпонского языка исходным значением следует признать «край», откуда «начало», «вершина», «конец» и т. д. Значение «голова» в тюркских языках следует признать более позднего образования (см. также *АТАМА).

Фонемные ряды: 4—3; протофонемы: *PU.

ДЯ PU-M-U, PO-M-U '(энергично, смело) ступать (ногой)'; азерб. БУ-Д 'бедро, ляжка; задняя нога (животного)'; алт. БУ-Т '1) нога (человека); 2) подставка, ножка (какой-то вещи); 3) задняя нога (у животных)'; башк. БО-Т '1) анат. бедро; 2) в функ. прил. бедренный'; койб. ПУ-Т '1) нога (вся нога человека); 2) задние ноги животных; 3) бедро, пах'; якут. БУ-Т '1) бедро, стегно; задняя нога скотины; задок (животного); нога человека; ручки (у ножниц)'.

Относительно ДЯ -т- и -и- см. при *AJ(U). Тюрк. -t- суффикс собирательной множественности [16, стр. 18]. Азерб. -d-_{д-д-д-}.

Фонемные ряды: 4—1—11 (—2); протофонемы: *PAK(I).

ДЯ PAKI 'нога, голень'; чув. ПАК-(А)Л-ЧАК 'шиколотка, лодыжка'; уйг. ПАҚ-(А)Л-ЧАҚ '1) часть ноги ниже колена (у животных); 2) голень; 3) берцовая кость'.

Ср. нег., уд. БЭГДИ 'нога, ноги'; ороч. БЭГДИ '1) нога, ноги; 2) ножка (предмета); 3) сваи (амбара)'; эвенк. БЭГДИ 'нога'.

Фонемные ряды: 7—2—6 (—2); протофонемы: *SIR(I).

ДЯ SIRI '1) спина; задняя сторона; 2) зад'; гаг. СЫР-Т '1) спина, заплечье; 2) склон, хребет, гребень, вершина (горы)'; караим. К СЫР-Т '1) спина, плечо; 2) обратная сторона; Т Г СЫР-Т 'север; северный'; карак. СЫР-Т '1) внешняя, наружная сторона; 2) задняя сторона чего-либо; 3) внешность (человека)'; карач.-балк. СЫР-Т 'спина'; кирг. СЫР-Т '1) внешняя сторона, внешность; то, что находится не внутри, а за пределами чего-либо; 2) периферия; местность, отстоящая далеко от столицы, от города; 3) тыльная сторона, спинка, обух (ножа, меча); 4) сырт (высокогорное плато, высокогорная долина)'; турецк. SIR-T '1) спина; 2) гребень (горы, хребта); 3) спинка, тупая сторона (ножа и т. п.); 4) нижняя дека (скрипки и т. п.)'; уйг. СИР-Т 'диал. позвоночник'.

Относительно тюрк. -t см. при *PU.

Фонемные ряды: 7—3—9 (—2); протофонемы: *SUN(I)

ДЯ SUNE 'костный мозг'; чув. ШАМА 'кость, косточка; костный; костяной'; азерб. СУМ-(У)К '1) кость; 2) костяной, костный'; алт. СО-(О)К '1) род, поколение; 2) кость, кости, останки; 3) кладбище'; бараб. СУ-(О)К 'кость'; башк. ҺӨЙ-(Ә)К '1) кость; 2) костяной; костный'; 3) косточка, семя (у плодов, ягод, фруктов)'; карак. СУЙ-(Е)К '1) кость; 2) останки; труп'; куч. СУҢ-ҒАҢ, СУҢ-(А)Ң 'бедренная кость'; тув. СӨ-(Ө)К '1) кость; костный, костяной, из кости; костлявый; 2) уст. род, племя; 3) уст. национальность, народность; 4) разг. порода, качество; 5) труп, прах, останки'.

Фонемные ряды: 8—2; протофонемы: *TI.

ДЯ TI '1) молоко; 2) грудь (женская); чув. ЧЕ-ЧЕ '1) грудь (женская); грудной; 2) пренебр. молокосос; 3) сосок; сосковый'.

Слово, по всей вероятности, восходит к детской речи. Подробно о происхождении данной категории слов см. в работе С. Яманака [22, стр. 27—28].

Фонемные ряды: 8—3—5 (—1); протофонемы: *TUM(A).

ДЯ TUMA, TUME 'ноготь, коготь; копыта (лошади); клешня (краба)'; алт. ТУМ-ЧУК '1) нос; морда; клюв; рыло; хобот; 2) геогр. мыс, выступ горы'; башк. ТОМ-ШОК '1) морда, рыло (у животных); 2) бран. рожа'; казах. ТҰМ-СЫҚ '1) морда, рыло (о животных); 2) клюв; 3) носок (сапога)'; карак. ТУМ-СЫҚ '1) клюв; морда; щипец; хобот; 2) геогр. мыс'; кашг. ТУМ-ШУҚ 'нос; рыло; морда'; кирг. ТУМ-ШУК '1) клюв; морда, рыло, щипец; хобот; 2) (гл. обр. в идиоматике) нос (человека), сопатка; 3) переносок (часть узды); 4) геогр. мыс; 5) спускающийся вниз продолговатый выступ предгорья'; тат. ТОМ-ШЫК 'клюв'; тув. ДУМ-ЧУК '1) в разн. знач. нос; носовой; 2) клюв; 3) хобот; 4) уступ (горы)'; турецк. TUM-ŞUK 'изогнутый клюв (у орлов, попугаев и т. п.)'; туркм. ТУМ-ШУК '1) морда; 2) подбородок; 3) разг. физиономия, морда; 4) клюв'; якут. ТУМ-(У)С '1) клюв, птичий нос; нос некоторых животных; 2) мыс, нос; горный, лесной, островной мысок; шпирцем выдающийся лесок; 3) передняя часть чего-либо; 4) носок,

посуда; 5) буторок верхней губы; 6) коновод в каком-либо деле или поступке.

Исходное значение, по всей вероятности, «ноготь», «коготь», «клюв», вообще роговидное образование, которое получило дальнейшее семантическое развитие в тюркских языках, а исходное значение «ноготь», «коготь» было заменено словом *tirnaq*, образованным от глагола *tirna-* 'царапать, скрести'.

Фонемные ряды: 8—3—4 (—1); протофонемы: *TUP(A).

ДЛЯ TUPA-K-U 'плевать'; TUPA-K-I 'плевок'; слюна'; азерб. TYP-(Y)P-MƏK 'плевать'; тув. ДҮП-КҮР-ЕР 'плевать, выплевывать'; узб. TUP-(Y)K '1) плевков; 2) слюна; слюнный'; ферг. TYP-P-(Y)K 'плевок'.

Ср. нан. ТОПИН- 'плевать, плюнуть'; орск. ТУПИН- 'плевать'; орош. ТУПИН-А- '1) плюнуть; 2) намазать слюной'.

Проведенное исследование лексики, связанной с человеческим организмом, применительно к японскому и тюркским языкам позволило выявить около трех десятков общих корней (основ). Поскольку данные термины относятся к наиболее трудно проницаемым лексическим пластам, то выявление столь внушительного числа общих корней (основ) может свидетельствовать лишь в пользу генетического родства указанных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Э. Г. Азербеев. О фонемном составе древнеяпонского, чувашского языков и языка тюркских рунических памятников. — «Советская тюркология», 1983, № 1.
2. Г. А. Климов, Б. А. Серебренников. Методы лингвистических исследований. — В кн.: «Общее языкознание. Методы лингвистических исследований». М., 1973.
3. Г. А. Климов. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Л., 1971.
4. Л. Блумфилд. Язык. М., 1968.
5. Б. А. Серебренников. Методы лингвогеографических исследований. — В кн.: «Общее языкознание. Методы лингвистических исследований». М., 1973.
6. Д. М. Насилов. Из истории алтаистики. — «Советская тюркология», 1977, № 3.
7. А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.
8. G. Doerfer. Ist das Japanische mit den altaischen Sprachen verwandt? — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft». Wiesbaden, 1974, B. 124, H. 1.
9. Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
10. «Jidaijitsi kokugo daijiten». Jōdaihen. Tokyo, 1974 (Большой словарь древнеяпонского языка).
11. S. Ono, A. Satake, K. Maeda. Kogo jiten. Tokyo, 1974 (Словарь старояпонского языка).
12. I. Shinmura. Kōjien. Tokyo, 1974 («Большой сад слов» — Словарь современного японского языка на 200 тысяч слов).
13. М. Кузда. Грамматика японского языка. т. I—II. М., 1958—1959.
14. Н. А. Сыромятников. Древнеяпонский язык. М., 1972.
15. S. Ozawa. Mongoru-go to nippongo. Tokyo, 1978 (Монгольский язык и японский язык).
16. А. Н. Кононов. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Сравнительно-исторический этюд. Л., 1967.
17. Б. А. Серебренников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
18. N. Poppe. Plural Suffixes in the Altaic Languages. — «Ural-Altaische Jahrbücher». Wiesbaden, 1952, B. XXIV, H. 3—4.
19. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
20. G. J. Ramstedt. Studies in Korean Etymology. Helsinki, 1949.
21. В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
22. S. Yamanaka. Kokugo gogen jiten. Tokyo, 1976. (Этимологический словарь японского языка).
23. Ф. И. Гордеев. Этимологический словарь марийского языка. Т. 1. Йошкар-Ола, 1979.
24. S. Ozawa. Kodai nippongo-no jakkan-no boin kōkan to mongorugo-no i-no ore. —

«Kodai nippongo to chūsei mongoru-go hikaku kenkyū». Tokyo, 1968 («Чередование гласных в древнеяпонском языке и перелом *i* в монгольском языке». — В кн.: «Сравнительное исследование древнеяпонского и среднемонгольского языков»).

25. Н. А. Сыромятников. О переломе *i* и *ī* в японском языке. — В кн.: «Вопросы японской филологии». М., 1973.

26. «Древнетюркский словарь». Л., 1969.

27. А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.

28. Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.

29. В. З. Панфилов. Философские проблемы языкознания. М., 1977.

30. «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», т. I—II. Л., 1975—1977.

31. Б. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953.

РЕЦЕНЗИИ

А. Н. БАСКАКОВ. ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА». ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
МОСКВА, 1984, 200 стр.

Несмотря на обширную библиографию грамматик турецкого языка (см., например, J. Deny. *Osmanli modern et le Türk de Turquie*. — *Philologiae Turcicae Fundamenta*. I. Wiesbaden, 1959, стр. 220—229; A. Dilâçar. *Türk diline genel bir bakış*. Ankara, 1964, стр. 189—259; A. S. Levend. *Türk dilinde gelişme ve sadeleşme evreleri*. Üçüncü baskı. Ankara, 1972), нельзя назвать ни одной монографии, изданной за пределами Турции, которая была бы посвящена детальному рассмотрению основных положений синтаксиса турецкого языка; есть только статьи, освещающие отдельные проблемы этой большой темы.

Последние примерно десять—пятнадцать лет в ряде грамматик, изданных в Турции, отводится солидное место синтаксису. Более того, в это же время появились работы, посвященные исключительно синтаксису; из них отмечу: Veciîe Hatiboğlu. *Türkçenin sözdizimi* (Ankara, 1972), Hikmet Dizdaroğlu. *Tümcebilgisi* (Ankara, 1976; здесь же обширная библиография, стр. 501—510).

Необходимо отметить, что термин «синтаксис» в трудах турецких лингвистов первоначально обозначался арабским словом — *Nahiv*. В 30-х годах текущего столетия стали пользоваться интернациональным термином *Sentaks*. В последние годы используются два термина: *Sözdizimi* и *Tümcebilgisi*. Удержатся ли они?

В Советском Союзе частным вопросам турецкого синтаксиса посвящен ряд интересных статей. Систематическое освещение основных проблем синтаксиса турецкого языка представлено в двух монографиях А. Н. Баскакова. «Предложение в современном турецком языке» — пишет А. Н. Баскаков о своей книге, — является второй завершающей частью очерка синтаксиса современного турецкого литературного языка, в задачи которой входило системное описание словосочетаний и предложений на основе их лексико-семантических, морфологических и синтактико-функциональных признаков. Первая часть очерка — «Словосочетание в современном турецком языке»

[М., 1974, 135 с. Рецензии: Türker Acaroğlu („Türk Dili". Ankara, Nisan, 1977, № 307, s. 392—393; L. Hřebíček („Archiv Orientalni". Vol. 45, № 1, Praha, 1977, s. 87)] — была посвящена установлению и классификации моделей простых и сложных словосочетаний.

В данной работе рассматриваются главные грамматические категории, конституирующие предложение и определяющие его предикативную природу — модальность, время, лицо, — и описываются способы и формы выражения этих категорий в современном турецком языке. Специально рассматриваются синтаксические связи конституирующих членов предложения как средство формального выражения предикативных отношений в сопоставлении с другими типами синтаксических связей в турецком и других тюркских языках» (стр. 3).

Исследование А. Н. Баскакова представлено следующими основными разделами: Гл. I. Общие сведения о структуре турецкого предложения. Гл. II. Структурные типы простых предложений. Гл. III. Структурные типы сложных предложений.

Прежде чем перейти к разбору рецензируемой книги, мне представляется необходимым дать ее общую оценку. Книга А. Н. Баскакова, безусловно, значительный шаг вперед на пути исследования синтаксиса современного турецкого литературного языка. Все критические замечания, которые будут изложены ниже, ни в коем случае не могут поколебать общей положительной оценки труда А. Н. Баскакова.

В гл. I обстоятельно анализируются признаки простого предложения, модальности (объективной и субъективной), категория времени в предложении и состав простого предложения. Говоря об отрицательной модальности со словом *değil*, автор отмечает, что оно при определенных обстоятельствах «выполняет функции соединительного союза» (стр. 20), иллюстрируя это положение следующими примерами: O, o hikâye-yi okumasın değil, yırtısın 'Пусть

«он не только не читает этот роман, [но и] пусть порвет и бросит»; *Değil ben, sen bile geldin* 'Не только я, но даже и ты пришел' (стр. 20—21) и др.

Это значение — *değil* — соединительный союз — наваяно русским эквивалентом подобных предложений. В первом предложении слово *değil* сопряжено с отрицательной формой повелительного наклонения: два отрицания дают подчеркнuto выраженное положительное значение; во втором предложении — инверсией слова *değil* выражается логический акцент, падающий на эту часть предложения.

Рассматривая вопрос о природе причастий в турецком языке, автор замечает, что «форма на -уог, являющаяся в современном турецком языке основой настоящего времени, исторически восходит к причастной форме на -аг» (стр. 38); при этом дается отсылка к некоторым старым источникам, но не принимаются во внимание новейшие воззрения на эту проблему.

«Формы на -уог, -dî, — пишет А. Н. Баскаков, — могут быть отнесены к группе причастий условно...» (стр. 39). Далее говорится, что -уог, -dî являются исторически (разрядка моя. — А. К.) причастиями, «сохраняющими семантику времени» (стр. 39), первое — настоящего, второе — прошедшего. Если отнесение формы на -dî в разряд причастий вполне закономерно, то настоящее время на -уог генетически относится к разряду акционсартных форм; форма -уог обязана своим происхождением синтаксическому образованию деепричастия на -а/е~i/i+модифицирующий глагол уогуг.

Автор не объясняет, в силу каких причин он не рассматривает в своем исследовании синтаксических функций формы -dik//-(у)асак и масдаров, в то время как деепричастные обороты в составе предложения получили весьма обстоятельное освещение. Формам -dik//-(у)асак в составе предложения необходимо было отвести добавочное место хотя бы потому, что среди тюркологов нет единодушия в определении синтаксического статуса этих форм: центр оборота (развернутый член предложения) или придаточное предложение?

«В турецком языке, — читаем на странице 49, — можно весьма часто наблюдать универсальность (разрядка моя. — А. К.) употребления частей речи в функциях разнообразных членов предложения (по нашему, — продолжает автор — определению, в функциях определяющих членов в группах подлежащего и сказуемого)».

Следует говорить не о функциях (как это подсказывается восприятием подобных конструкций через русский язык), а о синтаксических/грамматических свойствах имен прилагательных и числительных в тюркских языках, которые служат характеристикой как предмета (имя), так и действия (глагол): *iyi çocuk iyi okur* 'хороший ребенок хорошо учится', *Bin öğrenci*

bir bîsmeli 'Тысячу раз [следует] отмерить, один раз — отрезать' (поговорка).

Впервые в истории разработки турецкого синтаксиса получили обстоятельное освещение структурные типы простых и сложных предложений (стр. 85—118; 119—187).

А. Н. Баскаков при определении природы сложноподчиненного предложения придерживается традиционной точки зрения, разработанной на материале русского языка: «Сложноподчиненное предложение состоит из одного главного и одного или нескольких придаточных предложений. Эти составные части сложного предложения по своей форме являются законченными простыми предложениями» (стр. 120; разрядка моя. — А. К.). И здесь же, не замечая некоторого противоречия с изложенным выше, приводится высказывание В. В. Виноградова, из которого следует, что «сложным называется предложение, представляющее единое интонационное и смысловое целое, но состоящее из таких частей (двух или больше), которые по своей внешней, формальной грамматической структуре более или менее однородны с простыми предложениями» (стр. 120; разрядка моя. — А. К.). Кроме того, В. В. Виноградов подчеркивает, что «хотя части сложного предложения по внешнему строению однородны с простыми предложениями, но в составе целого они не имеют смысловой и интонационной законченности, характерной для категории предложения, и, следовательно, не образуют отдельных предложений» (стр. 120).

Да, конечно, придаточные предложения не обладают смысловой и интонационной законченностью, однако по своему строению это — предложения; это — самое главное для определения природы придаточного предложения, что исповедует и А. Н. Баскаков: «Составные части сложного предложения по своей форме являются законченными простыми предложениями» (стр. 120).

Далее, приведя некоторые другие точки зрения, известные из тюркологической литературы, А. Н. Баскаков утверждает, что «ни указанные критерии структурного деления, ни союзы не создают достаточно твердой основы для классификации сложных предложений. Наиболее приемлемым остается семантический (разрядка моя. — А. К.) принцип, позволяющий устанавливать типы сложных предложений не по значению имеющихся в их составе союзов и не по структуре их частей, а по характеру отношений между частями сложного предложения» (стр. 126—127).

Приведя некоторые другие определения состава сложноподчиненного предложения, А. Н. Баскаков не представил в полной мере своей концепции природы сложноподчиненного предложения в турецком языке.

Впервые в истории изучения турецкого синтаксиса автору удалось (на хорошо подобранном и тщательно систематизированном материале) четко представить семантическую классификацию сложноподчиненных союзных и бессоюзных предложений (стр. 131—154).

В главе «Сложноподчиненные предложения» (стр. 154 и сл.) особое внимание уделяется детальному рассмотрению сложноподчиненных предложений союзного типа, причем союзные предложения классифицируются «не по значению их союзов, а по характеру отношений между компонентами сложного предложения... между главными

и придаточными предложениями» (стр. 154—155).

Особый интерес, как малоисследованная область турецкого синтаксиса, представляет раздел труда А. Н. Баскакова «Структурно-семантические типы сложноподчиненных бессоюзных предложений» (стр. 178—187), в котором автору удалось отчетливо изложить особенности подобных предложений.

Заканчивая обзор труда А. Н. Баскакова, следует повторить, что ему удалось значительно углубить и расширить исследование основных проблем синтаксиса турецкого языка.

А. Н. Кононов

АГАМУСА АХУНДОВ. АЗЭРБАЙДЖАН ДИЛИНИН ФОНЕТИКАСИ.

БАКЫ, «МААРИФ» НЭШРИЯТЫ, 1984, 391 стр.

В рецензируемой монографии А. А. Ахундова «Фонетика азербайджанского языка», утвержденной Минвузом республики в качестве учебного пособия, впервые в азербайджанском языкознании представлены все разделы фонетического строя азербайджанского языка: от фонематики до синтаксической фонетики. Книга включает также историко-фонетические экскурсы в различные источники, диалекты и говоры азербайджанского языка. В ней удачно синтезированы фонологическая теория и выводы экспериментально-фонетических и стилистических исследований автора.

Заслуживает одобрения и структура издания. После краткой вводной части следуют три большие главы: 1. Система гласных и согласных фонем (стр. 19—205), 2. Фонетические явления. Сингармонизм, слог и ударение (стр. 206—291), 3. Синтаксическая фонетика (стр. 292—388).

Во введении дается общая характеристика фонетического строя азербайджанского языка в аспекте его исторического формирования, развития и периодов становления литературного языка. Основные черты азербайджанской фонетики рассматриваются прежде всего с точки зрения проявления закона сингармонизма, сочетаемости фонем, а также способов определения фонемного состава азербайджанского языка и его транскрипции.

Система гласных и согласных представлена по единой схеме: классификация и основные особенности фонем; характеристика каждой фонемы в отдельности; этимологический анализ звуков; судьбы фонем в общетюркских и заимствованных словах;

таблицы сочетаемостей звуков; обобщение фонематической системы.

В разделе «Фонетические явления» рассматриваются сингармонизм, ассимиляция, диссимиляция, протеза, элизия, метатеза, а также фонетические явления, связанные со слогом.

Раздел, посвященный слогу, включает изложение следующих вопросов: типы слогов, слоговое деление слов и словоформ, изменчивость типов слогов при слоговом делении, обзор истории развития слоговой системы азербайджанского языка, тенденция к открытости и неприкрытости слогов.

В разделе «Ударение» освещаются акустическая природа и основные особенности словесного ударения, морфологические его разновидности, случаи неударности последнего слога слова, второстепенное ударение, слова со свободным ударением, ударения в определительных словосочетаниях и в сложных словах, а также типы ударения, находящиеся в зависимости от характеристик различных единиц языка, от целевых и модальных факторов.

Раздел «Синтагматическая фонетика» является фактически введением к последующим двум разделам, посвященным фонетике простого и сложного предложения. Здесь раскрываются понятия интонации и синтагматического членения высказывания, характеризуются составные части и функции речевой интонации, структура и типология синтагм, типы интонации.

Фонетика простого предложения охватывает интонационные особенности предложений с однородными членами, со словами, грамматически не связанными с членами

предложения, с обращениями, с вводными словами и предложениями, простыми пространственными предложениями и с предложениями с обособлениями, с дееспричастными оборотами и др. Фонетика сложного предложения включает характеристику интонационных особенностей сложносочиненных предложений союзного и бессоюзного типов, сложноподчиненных предложений аналитического, синтетического и аналитико-синтетического типов, предложений с несколькими придаточными и др.

Описание фонематической системы азербайджанского языка в книге А. А. Ахундова отличается особой тщательностью, комплексностью и полнотой. Постулируя наличие в современном азербайджанском языке 15 гласных и 25 согласных фонем, автор дает их артикуляторно-физиологическую, акустическую, качественную, количественную, частотную, статистическую, сочетаемостьную и этимологическую характеристики, широко иллюстрируя рассматриваемые аспекты фонем кимограммами, палатограммами, рентенограммами, осциллограммами, с учетом позиционно-комбинаторных условий реализации фонем. В отличие от существовавших до сих пор фонетик азербайджанского языка, в рецензируемой книге приводятся способы графемной передачи всех звуков, в том числе арабской графикой, выясняется также происхождение каждой фонемы, подробно прослеживаются варианты и вариации фонем, вопросы сочетаемости как гласных, так и согласных фонем с различными гласными и согласными. Автором приводятся схемы соответствий общетюркских гласных, установленные А. М. Щербаком, и азербайджанских гласных, а также староазербайджанских и новоазербайджанских гласных (стр. 73). Затем прослеживаются эволюции гласных фонем в многочисленных арабских и персидских заимствованиях (стр. 74—80). Те же методы этимологического анализа применяются и в разделе, посвященном согласным (стр. 185—193). Рассмотрению фонем в словах, заимствованных из русского языка, отводится относительно скромное место (стр. 80 и 193).

Автор знакомит читателя с проблемой тюркского сингармонизма и с существующими взглядами на его природу. Он подчеркивает, что среди общих фонетических особенностей азербайджанского языка как одного из тюркских языков наиболее характерной является сингармонизм (стр. 9). Закон сингармонизма относится не только к гласным, но распространяется и на взаимодействие гласных и согласных в слоге и в слове (стр. 11). Автор подробно останавливается на гармонии как гласных, так и согласных (стр. 210—217). Далее описываются чередования согласных в разговорной речи, именуемые ассимиляцией звуков (прогрессивной и регрессивной), отмечается малая распространенность в азербайджанской речи фонетического яв-

ления диссимилиации и, наоборот, широкая распространенность вставочных *j*, *n*, *s*. Говоря о выпадении звуков, автор указывает на две его разновидности (аналогичные вставке звуков): постоянное выпадение (характерно для гласных) и случайное. Эти понятия связываются скорее с орфографическими нормами и орфоэпическими данными. Судя по приведенным примерам, в нормированном литературном языке метатеза отсутствует: это фонетическое явление должно изучаться либо в диахроническом, либо в ортологическом аспектах.

К фонетическим явлениям ограниченного характера в книге отнесены аспирация, консонантизация, соноризация, дифтонгизация, сужение гласных, фарингализация. Анализируются также некоторые фонетические явления, связанные со слогом (сокращение узких гласных, делабialisация, оглушение согласных).

Остановившись на вопросе о слоге, автор справедливо отмечает трудность изучения в экспериментально-фонетическом плане этой фонационной единицы, получившей различную теоретическую трактовку. В книге тем не менее дается последовательное описание основных понятий теории слога применительно к азербайджанской звучащей речи. Рассматриваются следующие конкретные разновидности слогов: а) неприкрытый открытый, б) неприкрытый закрытый, в) неприкрытый полужакрытый, г) прикрытый открытый, д) прикрытый закрытый, е) прикрытый полужакрытый. В конечном итоге устанавливаются шесть типов и двадцать пять подтипов азербайджанского слога. В последующих подразделах исследуется слоговое деление словоформ в потоке речи и изменчивость при этом типов слогов (наблюдается восемь наиболее распространенных случаев слогопереходов). В заключение автор отмечает в исконных словах историческую тенденцию к открытости и неприкрытости слогов, связанную главным образом с конечными *g*, *g* и инициальным *j*.

Рассматриваемое в специальном разделе книги ударение квалифицируется как один из важнейших фонетических (просодических) признаков слова или синтагмы. Азербайджанское словесное ударение характеризуется как динамическое (экспираторное). В морфологическом плане постулируется постоянное ударение для исконных имен и свободное — для заимствованных. Однако и постоянное ударение, падающее на конечный слог слова, в словоформах речи фактически оказывается, в связи с принципом агглютинации, подвижным: *jazyb*, *jazybyb*, *jazybylar*, *jazybylarymyb*, *jazybylarymyzobn* и т. д. В отдельном подразделе приводятся случаи, когда ударение не падает на конечный слог: аффиксы, не принимающие ударения (аффикс 2-го лица множественного числа, повелительного наклонения *-yn..*, аффикс глагольного отрицания *-ma/-mә*, аффикс сказуе-

мости -дыр...), а также слитные частицы (-ла, -лэ, -мы// -ми// -му// -мү, -ча// -чэ) и усеченные варианты глагольных связей *иди, имши, исэ, икэн*.

Основное и второстепенное ударения в азербайджанском языке относятся к ударениям морфологического типа. Второстепенное ударение может быть как препозитивным, так и постпозитивным. Автором приводятся восемь основных случаев распределения этих морфологических типов ударения в словоформах, сложных словах и словосочетаниях. Ударению в определенных словосочетаниях и в сложных словах посвящены отдельные подразделы. Вопросы фразового и логического ударений рассматриваются в двух последних подразделах.

Говоря о словах со свободным ударением, автор отмечает, что в исконных двусложных азербайджанских словах оно падает на первый слог, и приводит примеры: *а́ннаг, ду́нан, ја́лныз, је́нэ, са́нки, са́баһ* (последнее слово, конечно, арабского происхождения). В качестве же примеров слов, заимствованных из арабского и персидского языков, с ударением на первом слоге приводятся: *а́мма, ба́эн, ба́зи, ди́кар, ла́кин, фа́зат, һа́мишэ, кӣ́ми* (последнее слово, несомненно, исконно тюркское).

Изложение синтаксической фонетики (в книге — «Синтагматическая фонетика») начинается с определения интонации и ее компонентов (мелодики, ритмики, интенсивности, фразового ударения, тембра, темпа речи, паузы), перечисления функций речевой интонации. Далее автором вводятся понятия синтагмы (в толковании Л. В. Щербы) и тонограммы. Четыре основных типа интонации (повествовательная, вопросительная, побудительная и восклицательная) характеризуются на основе экспериментально-фонетических исследований азербайджанских языковедов и иллюстрируются соответствующими тонограммами отдельных фраз, с указанием смысловых оттенков интонационных рисунков.

Отмечая, что далеко не все разделы традиционного синтаксиса, связанные с интонацией простых и сложных предложений, представляют научный интерес, А. Ахундов останавливается лишь на типичных ритмико-мелодических явлениях, характеризующих фразовые структуры простого и сложного предложения. Особое внимание уделяется схемам предложений с однородными членами, приложениями, обращениями, вводными словами, обособлениями и т. д.

В конце каждого подраздела приводится перечень соответствующей специальной литературы, главным образом на азербайджанском и русском языках, охватывающий основную и дополнительную литературу общелингвистического, тюркологического и азербайджановедческого характера.

К сожалению, в списке литературы встречаются отдельные неточности и искажения в приводимых фамилиях авторов и названиях работ. Так, неверно указаны фамилия В. Н. Всеволодского-Герингросса и название его работы, с ошибками приводятся фамилии А. М. Пешковского и В. М. Иллича-Свитыча. Почему-то в списке отсутствует книга А. К. Алекперова «Фонематическая система современного азербайджанского языка» (Баку, 1971).

В книге А. Ахундова дано наиболее полное и всестороннее описание фонетической системы азербайджанского языка. Вместе с тем хотелось бы отметить отдельные ее недостатки и упущения. Так, например, при описании вокализма азербайджанского языка количество гласных фонем доведено автором до пятнадцати за счет фонематичности шести долгих гласных. Этот вопрос в азербайджанском языкознании нельзя считать окончательно решенным. Например, А. М. Демирчизаде отрицал самостоятельность долгих гласных фонем, а Г. Г. Алекперли считал, что в современном азербайджанском языке имеется всего двенадцать гласных фонем, и т. д. Несмотря на идентичность построения подразделов о вокализме и консонантизме, вопрос интерпретации фонематичности долгих или удвоенных (геминированных) согласных не получил в книге должного отражения.

Весьма спорным является и утверждение автора, что в современном азербайджанском литературном языке существует самостоятельная веларно-носовая фонема *ŋ* (стр. 174—176), представленная в составе лишь одного аффикса (аффикса принадлежности 2-го лица единственного и множественного числа). Сам же автор отмечает, что в работах по фонетике современного азербайджанского языка такая фонема и не упоминается.

В рецензируемой книге впервые приводятся статистические данные о сочетаемости возможностях гласных и согласных. Отдавая должное этим трудоемким подсчетам, нельзя не отметить и вкрапшиеся в них отдельные фактические неточности, приводящие к неверным выводам. Так, например, неверны утверждения о том, что *к* встречается только после *б, м, с, ш, р, з* (стр. 163, но ср.: *севки* 'любовь', *силки* 'тряпка (для вытирания)', *а́нкин* 'бескрайний' и др.), или что звуко сочетание *хн* отсутствует (стр. 177, ср., однако, *чахнашма* 'волнение' и т. п.). В таблицах на стр. 194 и 195 отрицается сочетание согласных *кз*, вопреки существованию в языке целого ряда слов типа *сакгал* 'борода', приведенного, кстати, самим автором (стр. 174), а также сочетание согласного *з* с гласными *э, е*, хотя в азербайджанском языке существует много слов типа *гәләм* 'перо', *гәзет*, *гәнишәр* 'перед', *гејд* 'замечание', *гејрәт* 'честь', *гејри* 'кроме' и др.

В книге встречаются мелкие погрешно-

сти технического и полиграфического характера, отдельные опечатки, что недопустимо в учебном пособии.

В целом рецензируемая книга А. А. Ахундова — отрадное явление в азербайджанском языкознании и в тюркологии в целом. В ней нашли реальное воплощение

данные экспериментальной фонетики, системной фонологии и синтаксической фонетики. Поставленные и во многом по-новому решенные автором проблемы фонологии послужат стимулом для дальнейшей их успешной разработки.

В. И. Асланов

А. К. АЛЕКПЕРОВ. ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ПРОСТЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗД-ВО «ЭЛМ», БАКУ, 1983, 156 стр.

Проблемы лингвистической семантики и в первую очередь проблема лексического значения слова, от решения которой во многом зависит также адекватная разработка вопросов полисемии, синонимии, антонимии и т. д. в лексико-семантической системе языка, представляются особенно важными и актуальными в современном языкознании вообще и в тюркологической лингвистике в частности. Данные проблемы имеют большое не только теоретическое, но и практическое значение, прежде всего для филологической лексикографии, составления толковых, синонимических и других словарей. Одной из таких узловых проблем лексической семантики и посвящено исследование А. К. Алекперова.

В рецензируемой монографии на материале определенного пласта словаря азербайджанского языка А. К. Алекперов исследовал в синхронном плане лексическое значение азербайджанского непроизводного глагола, являющегося, как правило, многозначным и весьма емким по своей смысловой структуре. Автор глубоко и всесторонне обосновал семиологическую динамическую структурно-функциональную природу слова, убедительно раскрыл лексико-семантические механизмы тождеств и различий словозначений (конкретных слов в конкретных значениях) в терминах инсемы (инвариантно-интегративной семы), дисемы (дистинктивно-дифференциальной семы), глоссемы (идентифицированного словозначения), лексемы (инвариантного смысла лексической морфемы), синсемы (тождественного смысла слов-синонимов) и др. В книге предложена новая классификация глагольной антонимии, раскрыта соотносительная значимость деривационных, сочетаемостных, паронимических и других связей лексических элементов.

Композиционное построение работы отличается логической последовательностью

и цельностью. В первой части убедительно обосновывается выбор конкретных теоретических принципов исследования, разработанных автором. Во второй части отдельные теоретические положения анализируются на основе лексико-семантических структур азербайджанских простых глаголов.

В самом названии работы содержится указание как на объект (простые глаголы), так и на предмет (лексическая семантика) исследования. Автор последовательно мотивирует выбор объекта, свое понимание предмета синхронного описания лексического значения слова и органически связанного с ним метода семиологического моделирования полнозначного словесного знака в динамическом аспекте. Если непосредственным объектом исследования является непроизводный глагол азербайджанского языка, то сам предмет лексической семантики и используемый метод семиологического моделирования полнозначного слова имеют общелингвистический характер. Вся первая часть работы построена по принципу восхождения от общего к частному, точнее, от всеобщего (язык и речь в системно-структурном ракурсе) к особенному (слово в семиологической модели) и от него к отдельному (категориальная семантика глагола). Во второй части книги на словарном материале освещается круг вопросов, с которыми автор связывает проблему значения слова.

В работе А. К. Алекперова теоретически аргументируется целый ряд фундаментальных терминологических понятий, высказываются некоторые новые конструктивные идеи, вводятся соответствующие термины. При этом развиваемые автором теоретические положения целиком служат лингвистическому анализу словарных материалов, ставящему целью адекватное описание части лексико-семантических подсистем азербайджанского языка.

байджанского языка. Так, предлагаемая автором теоретически обоснованная семиологическая модель полнозначного слова предопределяет направление и характер теоретических и практических вопросов, анализируемых во второй части книги. Эта модель ясно показывает, что, во-первых, там, где нет значения, там нет ни смысла, ни формы; во-вторых, значение составляет единство внутренней формы («импликационала»); и содержания понятия («интенционала»); наконец, в-третьих, оформленность («структурал») характеризует слово в широком диапазоне — от фонологических дифференциальных признаков и до лексико-синтаксической сочетаемости. С помощью введенных А. К. Алекперовым терминов «паратагматика» и «синдигматика» объясняются соответственно общая типология широко распространенных в тюркских языках парных слов, отражающих системные отношения в лексике, и фактическое разложение лексикографом значения слова на семантические множители. Точно так же представляются весьма удачными компактными и одновременно выразительными термины «кинсема» и «дисема», выступающие в качестве действенных операциональных инструментов отождествляюще-различающих (интегративно-дистинктивных)

процедур компонентного анализа в последних трех главах.

Общий вывод автора сводится к тому, что «адекватное описание лексико-семантических структур достижимо, по-видимому, лишь на путях системно-функционального их анализа, учитывающего факты языка и речи, парадигматики и синтагматики, номинации и референции, мотивации и коннотации, лексико-синтаксической сочетаемости и ситуативного контекста... и др.» (стр. 145).

Рецензируемая книга А. К. Алекперова, носящая теоретико-поисковый характер, содержит новый подход к решению актуальной проблемы значения слова, осуществленный на основе семиологического моделирования полнозначного признакового слова, на словарных материалах непроизводных глаголов современного азербайджанского языка в терминах лексико-семантических тождеств и различий. Она представляется весьма полезной для дальнейшего развития лексикографической практики и может быть использована также в вузовских спецкурсах по общему языкознанию и семасиологии азербайджанского языка.

З. И. Будагова, Дж. Джафаров

Б. БАФОВ. НАВОИЙ АСАРЛАРИ ЛЕКSIKACИ

УЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЙТИ, ТОШКЕНТ, 1983, 160 стр.

Богатство лексики произведений Алишера Навои не раз привлекало внимание исследователей. Однако в изучении ее пока еще сделано мало. Поэтому заметное повышение интереса к изучению языковых богатств староузбекского языка на материале творчества Навои вполне закономерно. Рецензируемая монография Б. Бафоева охватывает лишь часть этой большой проблемы. Книга состоит из введения и двух совершенно различных по характеру, содержанию и назначению глав: «Результаты статистического изучения лексики произведений Навои» и «Лексико-семантические группы слов и их стилистические особенности в языке произведений Навои».

Введение и первая глава написаны в результате огромного кропотливого труда исследователя, затраченного на статистическое изучение лексики одиннадцати поэтических и тринадцати прозаических произведений Навои, написанных на *тюрки*. Объем проделанной автором работы мож-

но представить, если вспомнить, что только поэтическое наследие поэта составляет по подсчетам ученых 104379 строк и включает около 614 тысяч словоупотреблений (стр. 20). Общее количество словоупотреблений в прозе и поэзии Навои на *тюрки* и фарси выражается приблизительно числом 1 млн. 400 тыс. (там же).

Статистическому анализу подвергнута в монографии лексика двадцати четырех произведений Навои. Общая сумма лексем в этих произведениях составляет по данным автора 26035 (стр. 19), из них 7973 арабских и 5489 иранских заимствований; кроме того, 1270 — арабско-персидских, 285 — персидско-арабских, 1082 — персидско-узбекских, 496 — арабско-узбекских, 134 — арабско-персидско-узбекских, 75 — персидско-арабско-узбекских слов (стр. 29). Б. Бафоев выделяет и приводит более ста заимствований из индийских и греческого языков, которые вошли в язык Навои через посредство арабского или персидского

(стр. 31—32). Он приводит также список 53 слов общих для староузбекского и монгольского языков, не уточняя, являются ли они заимствованиями или же принадлежат к общеалтайской лексике (стр. 32—34). В наглядных таблицах автор приводит цифровые данные о количестве арабских и персидских слов по их начальным буквам, по количеству глаголов (всего 844, из них 302 — имена действия на -моқ, -и, -иш, 79 — причастий, не встречающихся в форме имени действия, 255 — таких же деепричастий, 208 — других форм) (стр. 28). В монографии приводятся также статистические данные по употреблению имен собственных и географических имен (стр. 37—41).

Сравнивая использование арабско-персидской лексики в произведениях Навои, составляющей более половины всего их словарного состава, с ее употреблением в языке других поэтов, Б. Бафоев приходит к заключению, что Навои использует заимствования не в большей мере, чем это делали его предшественники (стр. 16—18).

Очень трудоемкие статистические исследования могут иметь большое значение для изучения языкового мастерства писателей только в том случае, если они объективны, целенаправлены и основаны на надежных критериях выделения подсчитываемых единиц — в данном случае слов. В то же время при статистическом изучении принципы исчисления слов могут значительно отличаться от критериев их разграничения в теоретическом плане. При этом следует помнить, что конечной целью статистистики является содействие решению теоретических вопросов языкознания, и поэтому критерии определения границ слов не должны расходиться принципиально. Б. Бафоев подробно останавливается на принципах выделения исчисляемых единиц, используя при этом термин *сўзлик* (стр. 11—13 и 21—28), который мы условно переводим «лексема» (точнее было бы пользоваться двойным термином — «слова-единицы»). Содержание, вкладываемое Б. Бафоевым в термин *сўзлик*, значительно отличается от понятия отдельного слова, принятого в языкознании. Отдельными словами (*сўзлик*) автор монографии считает все их фонетические варианты (стр. 11), например, *чодир* и *чодар*, *зумурад*, *зумуррад* и *зумуррат* (стр. 31), ряд словосочетаний, тяготеющих к лексикализации, типа *ишқ аҳли* «влюбленные» (букв. «народ любви»), *оби ҳайт* «живая вода». Разные формы степени сравнения и степени признака прилагательных, различные виды и группы числительных (стр. 11) также считаются им самостоятельными единицами. Такой подход исследователя нельзя принять безого-

ворочно. Выбор критериев выделения единицы исчисления не мог не повлиять и на результаты работы. Выделяемое количество анализируемых слов — слов-единиц — 26035, даже при свободном владении Алишером Навои лексическими богатствами трех языков и многочисленных диалектов, представляется нам весьма значительным¹. Поэтому можно только приветствовать начало нового метода статистического изучения лексики узбекских классиков.

Вторая глава монографии посвящена семасиологическому изучению лексики произведений Алишера Навои. Автор рассматривает мастерство Навои в пользовании многозначными словами — синонимами, омонимами и антонимами. В главе арабско-персидские слова классифицируются по тематическим группам. Таких групп насчитывается двенадцать.

Яркими примерами из дивана «Фавоидулкибар» Б. Бафоев демонстрирует поэтическое мастерство Алишера Навои в использовании художественных возможностей слова.

Особое внимание уделяется автором анализу функционирования в произведениях великого поэта многозначных слов. Рассматривая многозначное слово *бош*, автор отмечает, что оно в диване «Фавоидулкибар» встречается 249, а в «Навадируш-набоб» — 121 раз, выражая более сорока узуальных и окказиональных значений. При изучении функционирования многозначных слов Б. Бафоев уделяет особое внимание вопросам взаимосвязи их разных контекстуальных значений, возникновению омонимии как результата утраты этой взаимосвязи между разными типами значений одного и того же слова.

В работе Б. Бафоева рассматриваются также вопросы классификации омонимов и синонимов, их стилистических функций, приводится и анализируется ряд синонимических гнезд, включающих до двадцати членов. Здесь необходимо отметить, что фонетические варианты слов рассматриваются автором также в качестве синонимов (стр. 122), что, однако, нельзя считать достаточно обоснованным.

В целом монография Б. Бафоева является ценным исследованием по изучению лексики и семасиологии языка произведений Алишера Навои. Она, несомненно, стимулирует дальнейшее углубленное изучение лексики произведений поэта.

Х. Г. Нигматов, Н. Р. Ахматов

¹ Ср. данные, приводимые автором: у Пушкина — 21197, у Шекспира — 20000 слов.

М. А. МАМЕДОВ. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ В СМЕШАННЫХ АРЕАЛАХ

ИЗДАНИЕ ТАШКЕНТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА им. НИЗАМИ, ТАШКЕНТ, 1984, 70 стр.

Географические названия, как известно, представляют собой разноязычные, возникшие в различное время образования, в которых прямое или косвенное отражение находят те или иные древнейшие события и факты истории и языка населявших данную территорию народностей и племен. Лингвистический анализ географических названий позволяет обнаружить ряд закономерностей взаимосвязи часто интрасистемных языков и помогает решению многих смежных лингвистических и нелингвистических проблем.

Книга М. А. Мамедова, посвященная лингвистическому анализу географических названий в смешанных ареалах ленкоранской зоны Азербайджана с этой точки зрения весьма интересна. Как отмечает сам автор, топонимия Азербайджана не только пестрит разноязычными пластами, но и изобилует палеотопонимами с неясной семантикой. В рамках одного исследования невозможно охватить всё ее многообразие, поэтому автор работы ограничивается изучением географических названий только одного региона — ленкоранской зоны, хотя в ходе исследования, пользуясь сравнительно-историческим методом, уделяет в соответствующих случаях внимание также отдельным фактам топонимии и других зон. Географические названия ленкоранской зоны Азербайджана часто восходят к иноязычным палеотопонимам с затемненными значениями, до настоящего времени должным образом не изучавшимся.

М. А. Мамедов, всесторонне анализируя топонимический материал ленкоранской зоны, обращается не только к филологическим источникам, но и к соответствующей исторической и географической литературе. Свободно владея живыми языками данного региона, как тюркскими, так и иранскими, М. А. Мамедов широко использует также лингвистический материал устного народного творчества. Все это способствует системности, целостности и научной убедительности аргументации автора.

Книга включает предисловие, три главы и заключение.

На Второй научной конференции по изучению топонимии Азербайджана (ноябрь, 1981) выступавшими особо отмечалось, что на территории Азербайджана имеются древнейшие топонимы, изучение которых требует синтеза лингвистических, географических и исторических данных¹.

По мнению Э. М. Мурзаева, «формальный лингвистический анализ основ или формантов географических названий может порою привести к совершенно превратным выводам»². Полностью разделяя данную точку зрения, М. А. Мамедов привлекает к изучению топонимов ленкоранской зоны Азербайджана исторические, географические и лингвистические источники.

В рецензируемой работе приводятся исторические сведения об этническом составе данного региона. По нашему мнению, вполне убедительно рассмотрена автором этимология хоронима *Азербайджан*. Основываясь на исторических фактах, М. А. Мамедов дает объяснение многим сложным и гибридным географическим названиям и этнонимам региона. Он при этом исходит из того, что исторически, особенно в эпоху сельджуков, на территории ленкоранской зоны (прежде всего ее северной части) на протяжении ряда веков происходило смешение разных народностей и племен, носителей различной языковой культуры (кадусы, угузы, кыпчаки, амарды, мики, ути, саки и др.). Каждая из этих народностей, в основном усваивая и сохраняя существующие географические названия на языке своих предшественников, в ряде случаев изменяя и модифицируя их структуру, в то же время вносила в топонимию края собственные наименования.

Привлекает внимание первая часть работы, где исследуются этнотопонимы данной зоны в историко-лингвистическом аспекте. Автор отмечает, что значительное число топонимов ленкоранской зоны Азербайджана связано с названиями древних племен, обитавших на этой территории и со временем смешавшихся между собой. Названия этих племен впоследствии были забыты и сохранились лишь в топонимии. Основываясь на исторических фактах, а также на материалах многих тюркских и нетюркских языков, М. А. Мамедов раскрывает этимологию ряда этнотопонимов. Лингвистический анализ топонимов Куткашенского района показывает, что они восходят к названиям либо племен и родов, либо к собственным именам и частично оронимам тюркского и иранского происхождения. При этом так называемые исконные удинские слова оказываются идентичными с талышскими и курдскими исконными словами. Исследования показали, что названия некоторых сел не связаны с этническим составом населения. Так, в селениях Гемерван,

¹ См.: «Советская тюркология», 1982, № 3, стр. 106—107.

² Э. М. Мурзаев. Очерки топонимии. М., 1974, стр. 11—12.

Блых проживают лезгины, в Курде, Зарагане — азербайджанцы, а в Мирзабейли и Нидже — азербайджанцы и удины. Последние входили в состав кадусов, переселившихся в Северный Азербайджан в I—VI веках н. э. (стр. 12). Подобные факты характерны, например, и для этнотопонимии Узбекистана. Автором приводится множество историко-этимологических сведений об ойконимах и этнонимах изучаемого региона, не вызывающих каких-либо возражений.

Вторая глава работы посвящена структурным типам и лексико-семантическим особенностям топонимов ленкоранской зоны.

М. А. Мамедов исследует структурные типы топонимов на основе способов их образования, полагая, что они создавались как лексическим и морфологическим, так и синтаксическим способами (стр. 53).

Автором рассматриваются следующие случаи образования топонимов морфологическим способом: а) путем слияния географических и других терминов азербайджанского и талышского языков; б) путем присоединения к названиям словообразовательных аффиксов азербайджанского языка; в) путем присоединения к названиям словообразовательных элементов талышского языка (стр. 52—53). Он останавливается и на этимологии отдельных топонимов. Наиболее продуктивными топонимантами автор считает: *-ван// -ван* (*Эркиван, Вилван*), *-вож, -выж// -выж, -ж* (*Диге+ж, Сым+ж*), *-чо// -чу* (*Кумачо < кума 'шалаш' + чо// чо 'место'*), *-каш* и т. д. Многие производные топонимы образовались при помощи словообразовательных аффиксов азербайджанского языка, которые присоединяются к основам как азербайджанских, так и талышских слов. Среди них автор выделяет в качестве наиболее продуктивных: *-лы (-ли, -лу, -лү)*: *Дадашлы, Йекамли, Валиханлы, Армудлу*; *-лыг (-лиг, -луг, -лүг)*: *Алчалуг, Гамишлиг*; *-лар// -лар*: *Булаглар, Чокурлар* и т. д. При этом он особо оговаривает, что в некоторых районах ленкоранской зоны, таких, например, как Ярдымлинский, Лерикский, Масаллинский, где бок о бок живут азербайджанцы и талыши, топонимы часто оказываются смешанного происхождения, что сказывается на их произношении: в некоторых названиях наблюдается нарушение сингармонизма, употребление варианта аффикса прилагательного *-лу* вместо *-лы, -ли, -лү* (стр. 54).

Топонимы разноязычных районов изучаемого региона рассмотрены в третьей главе. Приступая к исследованию географических названий этих районов, автор исходит из следующих весьма существенных обстоя-

тельств: слово заимствуется вместе с обозначаемым им предметом, поэтому важно выяснить, во-первых, у какого из данных народов впервые появились обозначаемые такими словами понятия и реалии; и, во-вторых, какой из данных языков позволяет этимологизировать то или иное из этих слов.

На основании этимологического анализа топонимов автор приходит к заключению, что в изучаемом регионе имеются в основном два топонимических пласта: азербайджанский и талышский; гибридные топонимы также восходят к этим языкам. Незначительный пласт русской топонимии является новым как для данного региона, так и для топонимического ландшафта всей Азербайджанской ССР (стр. 67).

Большой интерес представляют приводимые в работе сочетания имен существительных с различными глагольными формами. Так, существительные могут сочетаться с причастиями настоящего времени на *-ан, -ян*: *Адамотуран < адам 'человек', отуран* — причастие от глагола *отурмаг 'сидеть'*, *Дарыэкилян < дары 'просо', экилян* — причастие от глагола *экимак 'сеять'*, *Сейфуллагыран < Сейфулла* — личное имя, *гыран* — причастие от глагола *гырмаг 'ломать'* и др. Многие из этих сложных топонимов образованы на основе определительных словосочетаний первого и третьего типов. Следует заметить, что количество микро- и макротопонимов, выраженных словосочетаниями третьего типа, в тюркских языках ограничено. Как отмечает автор, на территории Азербайджана встречаются такие топонимы, как *Зовандын йоухушун дөшу* букв. 'Склон горы Зованд'. Возникновение их связано с тем, что грамматически подобные словосочетания являются фактами живой речи, причем первый компонент этих словосочетаний выражает конкретное понятие. Такие наименования, как *Ала инэк гата, Ризахан даш атан јер, Барат вырылан меша*, встречаются, как правило, в ареалах двуязычия (стр. 67).

Работа написана на современном научном уровне. Однако считаем нужным указать и на ее отдельные недочеты. Автор непомерно много цитирует лингвистические, исторические и другие источники. Иногда цитаты занимают целые страницы. Особенно этим страдает первая часть работы. Нередко встречаются и тавтологические выражения. Несмотря на указанные упущения, рецензируемая книга в целом, несомненно, вносит определенный вклад в изучение азербайджанской топонимии и этнолингвистики. Результаты исследования М. А. Мамедова могут быть использованы при составлении соответствующих словарей.

А. Шерматов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КАЗАХСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА»

27—28 декабря 1984 года в Институте языкознания Академии наук Казахской ССР состоялась республиканская научно-теоретическая конференция, посвященная актуальным вопросам истории формирования и развития казахского литературного языка в донациональный период (до середины XIX века), проводившаяся совместно с научным советом по проблеме «Закономерности развития казахского языка». В работе конференции приняли участие также ученые Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова, преподаватели и аспиранты кафедр казахского языка столичных и областных вузов республики — всего около ста пятидесяти человек.

Конференцию открыл вступительным словом директор Института языкознания академик АН Казахской ССР *А. Т. Кайдаров*, отметивший, что конференция призвана обсудить во многом дискуссионные, однако весьма актуальные проблемы истории казахского языка.

На конференции было заслушано и обсуждено пять докладов.

В первом коллективном докладе «Состояние и задачи изучения истории казахского литературного языка» *С. К. Кенесбаева*, *А. Т. Кайдарова*, *М. Б. Балакаева* и *Ш. Ш. Сарыбаева* были подвергнуты анализу все высказывавшиеся казахскими лингвистами концепции по вопросам статуса, истоков и основы казахского литературного языка, периодизации его истории и т. д.

В коллективном докладе *Р. Г. Сыздыковой*, *А. Курмышжанова* и *Б. Абилхасимова* «Казахский литературный язык и его исторические этапы» утверждалось, что процесс формирования литературного языка может быть связан с зарождением и развитием письменности только для тех языков, которые имеют давнюю письменную традицию (например: индийский, китайский, японский, русский и др.). Что касается младописьменных языков, таких, как казахский и ряд других, то эти языки сформировались в литературные под непосредственным воздействием богатой фольклор-

ной традиции, сложившейся задолго до зарождения письменности. Докладчики предложили следующую периодизацию истории казахского литературного языка: а) XV—XVII века (начальный период, связанный с образованием казахской народности); б) XVIII век — первая половина XIX века (период развития и демократизации казахского литературного языка); в) вторая половина XIX века — начало XX века (период образования казахской нации и формирования национального языка); г) советский период (формирование современного литературного языка). Первые два периода составляют донациональный этап в истории казахского литературного языка.

А. И. Искаков, выступивший с докладом «Казахский литературный язык донациональной стадии», высказал мысль, что у казахов еще на донациональном этапе существовал общенародный, наддиалектный литературный язык (по его терминологии: *төбе тіл* 'возвышающийся язык'), сложившийся на основе общекзахского разговорного языка и языка произведений фольклора, акынов и жырау, понятный всем казахам на всей территории их расселения. В развитие и совершенствование этого языка огромный вклад внесли казахские поэты-просветители *И. Алтынсарин* и *А. Кунанбаев* (вторая половина XIX века).

М. Т. Томанов, *С. М. Исаева* и *А. М. Ибатов*, представившие коллективный доклад «Предыстория казахского литературного языка», предложили донациональный этап истории казахского литературного языка расчленить на два периода: а) период до образования казахской народности (VII—X века — время создания древнетюркских письменных памятников и XI—XIV века — когда были написаны средневековые тюркоязычные источники); б) период образования казахской народности (XV век — первая половина XIX века — время распространения влияния «чагатайского» языка или среднеазиатского тюрки). Современный же казахский лите-

ратурный язык, по мнению докладчиков, связан с указанными тюркскими литературными языками прошлого через посредство кыпчакских письменных источников.

Коллективный доклад *Р. С. Амирова, Е. Х. Жубанова и К. Умиралиева* был посвящен роли разговорного языка и языка произведений фольклора, акынов и жырау в формировании казахского национально-литературного языка, то есть его дописьменного этапа.

В обсуждении докладов приняли участие пятнадцать человек.

М. Б. Балакаев отметил, что ряд исследователей по сей день путает два не совпадающих понятия: «литературный язык» и «язык (художественной) литературы». «Литературный язык», по его мнению, категория историческая, он формируется в процессе развития письменной литературы, на более высоком уровне развития культуры народа — его носителя и должен обладать широкими общественными функциями, богатой, разветвленной системой стилей, устоявшимися орфографическими и орфоэпическими нормами и т. д.

Ж. М. Абдильдин подчеркнул необходимость выработки казахскими лингвистами точного научного определения понятия «литературный язык», которое стало бы общепризнанной отправной точкой для решения других спорных вопросов.

А. Дербисалин поддержал мнение о том, что литературный язык у казахов существовал еще до создания письменности, что он восходит к народной поэзии, к творчеству акынов и жырау XVI—XVIII веков. Абай поднял этот литературный язык на новую высоту, раскрыв его богатые возможности.

У. Айтбаев в своем выступлении отметил, что в настоящее время в казахском языкознании существует более двадцати терминологических определений понятия «литературный язык», нуждающихся в уточнении и упорядочении.

К. Жарыкбаев высказал пожелание о разветвлении научных исследований по психолингвистике, которые могли бы оказать немалую помощь в изучении литературного языка, особенно его устной формы.

О трудностях ведения курса «История казахского литературного языка» говорили в своих выступлениях *С. М. Исаев, Х. Каримов, С. Мырзабеков, Г. Калиев, К. Шаяхметов, Ж. Шакенов, А. Жакыпов* и др.

Р. Г. Сыздыкова, А. Абдрахманов и другие участники конференции указывали на важность издания сборников текстов, отражающих казахский литературный язык

разных периодов, а также проведения текстологических исследований, требующих подготовки высококвалифицированных кадров — лингвистов, способных справиться с этой работой.

В принятой конференцией резолюции отмечается, что среди казахских лингвистов существуют две научные концепции относительно статуса казахского литературного языка: сторонники первой связывают процесс формирования казахского литературного языка с зарождением и развитием казахской письменности, относя его формирование ко второй половине XIX века, то есть ко времени расцвета творчества *И. Алтынсарина* и *А. Қунаibaева*. Сторонники второй концепции считают, что казахский общенародный литературный язык сложился на основе общеразговорного казахского языка и языка произведений фольклора, акынов и жырау. Поэтому историю казахского литературного языка они подразделяют на два основных этапа: этап образования казахской народности, то есть этап национально-истории казахского литературного языка (с XV века до второй половины XIX века), и этап образования и развития казахской нации (со второй половины XIX века).

В резолюции указывается также на актуальность вопроса об отношении современного казахского литературного языка к древне- и среднетюркским литературным языкам. Решение этого вопроса потребует создания фонда и составления картотеки письменных источников прошлого (имеющих отношение к процессу формирования казахского литературного языка в разные исторические периоды), а также обстоятельных текстологических исследований. Углубленное изучение этого материала с привлечением фактов местных говоров казахского языка позволит научно обосновать и решение вопроса о диалектной основе казахского литературного языка. Для улучшения качества вузовского курса «История казахского литературного языка» необходимо совершенствовать программу этого курса и создать новые учебники и учебные пособия.

В резолюции указывается на целесообразность проведения раз в два-три года аналогичных конференций и совещаний для обсуждения важнейших проблем казахского языкознания.

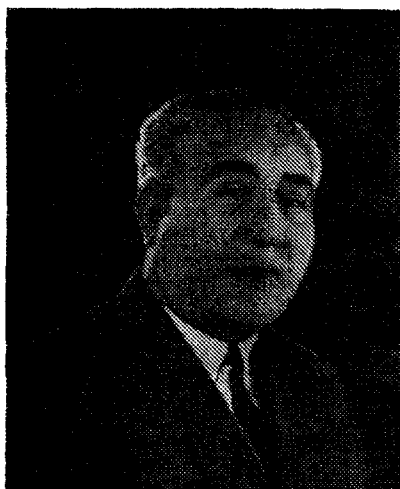
Принято также решение об издании материалов конференции.

Ф. Ф. Алиев

PERSONALIA

ПИГАМ АЗИМОВ

(К семидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось семьдесят лет со дня рождения и пятьдесят лет научно-педагогической деятельности академика Академии наук Туркменской ССР, заслуженного деятеля науки республики, доктора филологических наук Пигама Азимова.

П. Азимов родился 1 января 1915 года. Сын крестьянина-бедняка, он еще подростком начал свою трудовую жизнь. В 1929 году он поступил в Чарджоуский педагогический техникум. Потом был комсомольским работником, работал сельским учителем, счетоводом-бухгалтером в колхозе. По окончании в 1937 году с отличием Ашхабадского государственного педагогического института им. А. М. Горького был оставлен на кафедре туркменского языка и общего языкознания. В 1939 году П. Азимов назначается заместителем директора по научной работе вновь открытого Чарджоуского учительского института, где он возглавляет также кафедру туркменского языка. В последующие годы П. Азимов работал: ученым секретарем президиума Турк-

менского филиала Академии наук СССР (1940—1944), директором, а затем старшим научным сотрудником Института истории, языка и литературы (1944—1948), директором Ашхабадского госпединститута и ректором созданного в 1950 году на его базе Туркменского государственного университета им. А. М. Горького (1948—1963). В 1951 году П. Азимов избирается академиком, в 1965 году — академиком-секретарем Отделения общественных наук Академии наук ТССР, а в январе 1966 года — ее президентом (1966—1975). С 1979 года по настоящее время П. Азимов работает заведующим отделом туркменско-русского двуязычия Института языка и литературы им. Махтумкули Академии наук ТССР.

В 1937—1940 и 1945—1948 гг. П. Азимов заочно проходит курсы аспирантуры и докторантуры под руководством А. П. Потебневского и В. А. Гордлевского. В 1948 году он успешно защищает докторскую диссертацию «Аффиксы словообразования в современном литературном туркменском языке». П. Азимов был первым туркменом, получившим ученую степень доктора наук.

Научной работой П. Азимов начал заниматься еще будучи студентом. В 1938 году им были подготовлены и изданы «Программа по родному языку для туркменских средних школ» и «Сборник упражнений по синтаксису». До сих пор остается стабильным учебником для 7—8 классов «Грамматика туркменского языка. Синтаксис», подготовленная П. Азимовым совместно с Х. Байлиевым в 1939 году. Таким же стабильным учебником стал его «Букварь», созданный в соавторстве с А. А. Курбановым в 1951 году.

В 1954 году при непосредственном участии П. Азимова издается «Краткий конспект по синтаксису современного туркменского языка» — первое учебное пособие для студентов по данному разделу туркменского языкознания. П. Азимов издал в 1959 году и первое вузовское учебное пособие по лексикологии туркменского языка. Он является одним из ведущих

авторов и редакторов учебников для вузов по морфологии и синтаксису туркменского языка, изданных в 1960 и 1962 гг.

П. Азимов — автор многих научных работ, таких, как «Арабо-персидские элементы в туркменском языке» (1942), «О советско-интернациональных элементах в туркменском языке» (1944), «Образование наречий в туркменском языке» (1944), «Губные гласные и аффиксы» (1944), «Суффиксы, образующие причастия в туркменском языке» (1947), «Персидские словообразующие морфемы в туркменском языке» (1947), «Префиксация в туркменском языке» (1947) и др. Его докторская диссертация получила высокую оценку А. П. Понцелуевского: «Это монументальное исследование не имеет себе равных в тюркологии не только по своим солидным размерам (16 печатных листов), но и по глубине охвата темы». Работа П. Азимова «Туркменский язык (Аффиксы словообразования)» является настольной книгой языковедов республики. Широкое признание специалистов получила его работа «Вопросы туркменского языка» (1964).

П. Азимов активно участвовал в решении практических вопросов языкового строительства в республике. В соавторстве с Х. Байлиевым он составил первый орфографический словарь (1947), издал справочник по туркменскому правописанию (1959). Ряд его работ посвящен проблеме опорного диалекта современного туркменского литературного языка, стилистике, социолингвистике, истории науки в Туркменистане.

В последние годы П. Азимов много занимается вопросами туркменско-русского двуязычия. В 1980 году он выпустил книгу «Язык дружбы, сотрудничества и прогресса» (в соавторстве с О. Назаровым). Под его руководством подготовлен к изданию «Русско-туркменский словарь сокращений».

П. Азимов является автором более четырехсот опубликованных работ, многие из которых получили признание научной

общественности. В 1971 году он был избран членом-корреспондентом Турецкого лингвистического общества.

П. Азимов — талантливый педагог, воспитавший достойную педагогическую и научную смену. Под его руководством защищено около двадцати докторских и кандидатских диссертаций.

П. Азимов много сил отдаст общественной деятельности. Он избирался депутатом Верховного Совета СССР шести созывов, а на первой сессии седьмого созыва был избран Председателем Верховного Совета республики. Неоднократно избирался он членом Советского комитета защиты мира, членом президиума Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, являлся вице-президентом Общества советско-индийских культурных связей и председателем Туркменского республиканского комитета защиты мира. Вот уже ряд лет он является членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям по науке и технике при Совете Министров СССР и комитета по Государственным премиям по науке и технике при Совете Министров СССР.

Плодотворная активная научная, педагогическая, общественная деятельность П. Азимова отмечена многими правительственными наградами: орденами Ленина, Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Знак Почета» и медалями, в том числе серебряной медалью Всемирного Совета Мира и «Медалью мира» Германской Демократической Республики.

Свой юбилей П. Азимов встречает полный творческих сил, продолжая плодотворно трудиться в области отечественной тюркологии. Его простота и душевность, преданность наукенискали ему глубокое уважение туркменских ученых разных поколений. Коллеги и ученики П. Азимова желают ему в связи с юбилеем крепкого здоровья и новых успехов в научной деятельности.

С. Атамиязов, М. Соегов

УЛУГ ТАШМУХАММЕДОВИЧ ТУРСУНОВ

(К восьмидесятилетию со дня рождения)

Видный ученый-тюрколог, заслуженный деятель науки Узбекской ССР, профессор У. Т. Турсунов родился 9 января 1905 года в городе Коканде Ферганской области.

После окончания в 1924 году Ферганского областного педтехникума У. Т. Турсунов был направлен на педагогическую работу в город Маргелан, а затем Коканд. В 1925

году он принимал активное участие в осуществлении земельной реформы, а в 1926 году — районирования Ферганской долины.

С 1927 по 1930 год У. Т. Турсунов учится в Ленинградском восточном институте, по окончании которого работает в Узбекском комитете языка и терминологии при Наркомпросе Узбекской ССР и преподает

на педагогическом факультете Среднеазиатского государственного университета (ныне ТашГУ). В 1934 году он назначается заместителем директора и заведующим сектором лингвистики Института языка и литературы им. А. С. Пушкина. С 1936 года он является доцентом, а затем заведующим кафедрой узбекского языкознания Самаркандского государственного университета.

Первой научной работой У. Т. Турсунова была «Образование глагола в узбекском языке». Его последующие работы посвящены актуальным вопросам узбекской орфографии и терминологии.

В 1941 году У. Т. Турсунов защитил кандидатскую диссертацию «Образование частей речи в узбекском языке», представляющую интерес не только для узбекского языкознания, но и тюркологии в целом.

С 1941 по 1946 год У. Т. Турсунов служит в рядах Советской Армии. Затем он возвращается к научно-педагогической деятельности и публикует ряд работ, посвященных вопросам узбекского языкознания: «Послелог в узбекском языке» (1947), «Классификация частей речи в узбекском языке» (1951), «К вопросу о терминологии в узбекском языкознании» (1955), «Узбекское советское языкознание за советский период» (1957) и др.

Учитывая успешную многолетнюю научно-педагогическую деятельность У. Т. Турсунова, ВАК СССР в 1958 году присваивает ему звание профессора кафедры узбекского языкознания. В 1965 году в связи с шестидесятилетием за большие заслуги в развитии филологической науки и в подготовке высококвалифицированных кадров филологов У. Т. Турсунову было присвоено звание заслуженного деятеля науки Узбекской ССР.

Помимо многочисленных исследовательских работ, общий объем которых превышает двести печатных листов, У. Т. Турсуновым написан также ряд учебников и учебных пособий: «Современный узбекский язык» (1960, в соавторстве с А. М. Мухтаровым), «Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков» (1962, в соавторстве с А. И. Абражеевым); «Современный узбекский литературный язык» (1965, в соавторстве с А. М. Мухтаровым и Ш. Р. Рахматуллаевым), «Очерки из истории узбекского языка» (1969, в соавторстве с Б. У. Уринбаевым), «Вопросы лексики узбекского языка» (1971, в соавторстве с Н. Р. Раджабовым) и др.

Большие заслуги принадлежат У. Т. Турсунову и в области подготовки высококвалифицированных научных кадров: под его руководством защищено около сорока кандидатских диссертаций.

У. Т. Турсунов принимал деятельное участие в организации и проведении целого ряда республиканских и всесоюзных конференций и симпозиумов по языкознанию.

Заслуги У. Т. Турсунова отмечены правительственными наградами: орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями и почетными грамотами Президиума Верховного Совета Узбекской ССР.

В последние годы жизни, будучи уже тяжело больным, У. Т. Турсунов продолжал научную и педагогическую работу, готовил к защите докторскую диссертацию. Однако смерть не позволила ему осуществить это намерение: 21 июня 1971 года он скончался.

Языковеды и вся научная общественность Узбекистана хранят добрую и благодарную память об Улуге Ташмухаммедовиче Турсунове — видном ученом, внесшим большой и весомый вклад в развитие узбекского языкознания.

Р. К. Кунгуров, Н. Р. Раджабов

ХРОНИКА

«ЯЗЫКОВАЯ МОДАЛЬНОСТЬ И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ»

13 мая 1983 года на заседании специализированного совета по защите докторских диссертаций при Институте языкознания Академии наук Казахской ССР состоялась защита докторской диссертации «Языковая модальность и средства ее выражения в якутском языке», представленной заведующим сектором якутской грамматики и диалектологии Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР Петровым Николаем Егоровичем.

В диссертации впервые в якутском языкознании всесторонне и комплексно освещаются вопросы теории и средств выражения языковой модальности.

На богатом фактическом материале современного якутского литературного языка диссертантом выявлены и исследованы различные возможности выражения языковой модальности, обобщены значения разных способов ее передачи в якут-

ском языке, рассмотрен ряд вопросов, связанных с теорией модальности.

Впервые в якутском языкознании диссертант выделяет модальные слова как служебную часть речи. Он дает подробное описание и классифицирует значения модальных слов, выясняет их этимологию. В работе подробно описаны также частицы якутского языка.

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при подготовке капитальных исследований по грамматике, различных словарей, методических пособий и программ по якутскому языку.

Официальные оппоненты: д-ра филол. наук, профессора А. К. Калыбаева, С. М. Исаев, Н. К. Антонов отметили высокий научный уровень и практическую значимость диссертации. Это мнение было поддержано проф. М. М. Копыленко, чл.-корр. АН Казахской ССР А. И. Исаковым и др.

Специализированный совет принял решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении диссертанту искомой ученой степени.

Решением ВАК СССР от 8 июня 1984 года (протокол № 22 д/23) Н. Е. Петрову присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Ю. И. Васильев

«ИСТОРИЯ КИРГИЗСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

24 октября 1983 года на заседании специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Киргизском ордена Трудового Красного Знамени государственном университете имени

50-летия СССР состоялась защита докторской диссертации «История киргизской советской литературы», представленной **Артыкбаевым Качкынбаем**.

Диссертационная работа К. Артыкбаева была ранее утверждена Коллегией Минву-

за Киргизской ССР в качестве учебника для студентов филологических факультетов вузов республики и издана.

В диссертации обстоятельно рассматривается процесс зарождения и становления социалистического реализма в киргизской советской литературе. На основе бо-

гатого материала показано, что киргизская советская литература развивалась в тесном взаимодействии с русской и всей многонациональной советской литературой.

Диссертантом анализируется творчество многих, ранее не изучавшихся или малоизвестных, киргизских поэтов, прозаиков и драматургов. В обзорных главах особое внимание уделяется этапным произведениям, сыгравшим важную роль в развитии киргизской художественной литературы. Работа, в соответствии с учебной программой, включает девятнадцать монографических

очерков о киргизских писателях. Особое внимание уделяется диссертантом раскрытию художественной индивидуальности каждого киргизского писателя.

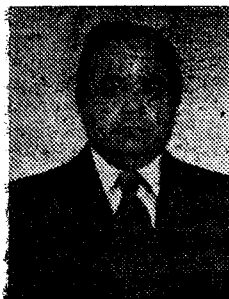
Официальные оппоненты: д-ра филол. наук М. Кошчанов, Т. Какишев, Е. К. Озмитель и выступившие на защите академики АН Казахской ССР З. А. Ахметов и АН Киргизской ССР Б. Орузбаева, д-ра филол. наук, профессора Т. К. Ахматов, А. Джапаров, д-р пед. наук, проф. К. Иманалиев, д-р ист. наук, проф. А. Идинов и другие оценили диссертацию К. Артыкбаева как ценное исследование, посвященное историко-теоретическому осмыслению и обобщению путей становления и развития киргизской советской литературы.

Специализированный совет принял единое решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении К. Артыкбаеву искомой ученой степени.

Решением ВАК СССР от 18 января 1985 года (протокол № 2 д/51) Артыкбаеву К. присуждена ученая степень доктора филологических наук.

К. Иманалиев

«СИГНИФИКАТИВНАЯ ОППОЗИЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ ПО ПРИЗНАКУ УТВЕРДИТЕЛЬНОСТЬ — ОТРИЦАТЕЛЬНОСТЬ»

12 апреля 1984 года на заседании специализированного совета по защите докторских диссертаций при Ташкентском государственном университете им. В. И. Ленина состоялась защита диссертации «Сигнификативная оппозиция синтаксических конструкций по признаку утвердительность —

отрицательность», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук доцентом Андijanского государственного педагогического института Нурмановым Абдухамидом.

Диссертантом впервые исследуются утвердительные и отрицательные синтаксиче-

ские конструкции узбекского языка. На основе анализа синтаксических конструкций, включающих частицы *на...на* ('ни...ни'), *эмас* ('не только, но и...'), *тугул* ('не только'), *нафакат* ('не только') и т. д., А. Нурмановым выявлены грамматические и семантические особенности бинарной оппозиции компонентов простого предложения, рассмотрены случаи нейтрализации оппозиции, а также конструкции, находящиеся вне оппозиции; определено место утвердительных и отрицательных слов в системе частей речи; исследованы паралингвистические средства выражения утверждения и отрицания и их глагольные эквиваленты в узбекском языке.

Официальные оппоненты: д-р филол. наук Л. А. Покровская, чл.-корр. АПН СССР М. А. Аскарлова, д-р филол. наук А. С. Сафаев, а также выступавшие на защите д-ра филол. наук М. М. Копыленко, В. А.

Редькин, Дж. Буранов, А. Абдуазизов и другие дали высокую оценку диссертационной работе А. Нурманова.

Члены ученого совета приняли решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении А. Нурманову искомой степени.

Решением ВАК СССР от 22 декабря 1984 г. (протокол № 5 д/22) А. Нурманову присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Ф. Исхаков

«ФОРМИРОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ УЗБЕКСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ»

6 июня 1984 года на заседании специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР состоялась защита докторской диссертации «Формирование и

становление методологических принципов узбекской советской литературной критики», представленной старшим научным сотрудником этого института **Назаровым Бахтияром**.

В диссертации исследуется процесс формирования методологических принципов узбекской советской критики, прослеживается роль социалистических преобразований в ее становлении, раскрывается обратное воздействие литературной критики на развитие художественной литературы.

Особое место в работе занимает освещение процесса утверждения в узбекской литературной критике принципов партийности, разработки вопросов теории социалистического реализма, интерпретации

проблемы личности и критериев оценки литературного героя, активно воздействующего на жизнь. Диссертантом проводятся параллели между узбекской, а также русской, татарской, башкирской, азербайджанской, казахской, киргизской и другими литературными критиками.

Выступившие на защите в качестве официальных оппонентов доктора филологических наук, профессора З. С. Кедрина, С. Г. Асадуллаев, д-р филол. наук М. М. Расули, а также чл.-корр. АН Узбекской ССР И. А. Султанов, д-р филол. наук М. Ю. Юнусов, д-р филол. наук, проф. Б. Г. Таирбеков дали высокую оценку исследованию Б. Назарова, отметив, что диссертация является одной из первых в советском литературоведении работ, в которой методологические проблемы национальной критики рассмотрены во взаимосвязи с другими общественно-политическими проблемами.

Специализированный совет вынес решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении Б. Назарову искомой ученой степени.

Решением ВАК СССР от 1 февраля 1985 года (протокол № 3, д/7) Б. Назарову присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Э. А. Каримов

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Г. Ф. Благова (Москва). О месте межуровневых явлений в развитии тюркской языковой системы 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Н. А. Баскаков (Москва). О тюркских лексических заимствованиях в русском языке 11
С. М. Хамидова (Джизак). Русские словарные единицы в узбекской разговорной речи 20
М. Р. Федотов (Чебоксары). Б. Мункачи о тюркских элементах в венгерском языке 30

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- А. К. Салмин (Ленинград). Чувашские сказки о батырах 38

ОНОМАСТИКА

- В. Л. Гукасян, А. А. Куранян (Баку). Тюркские личные имена в удинской антропонимии 45

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- И. Л. Кызласов (Москва). Древнехакасские надписи на плитах кургана Узун оба 51

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Д. М. Насилов (Ленинград). К характеристике количественной аспектуальности в узбекском языке 64
Т. Ш. Кадыров (Ташкент). О трех лингвистических терминах словаря «Хуласа-йе Аббаси» Мухаммада Хуваййи 71
Э. Г. Азербайев (Москва). Сравнение лексики японского и тюркских языков, связанной с названиями частей тела человека 75

РЕЦЕНЗИИ

- А. Н. Кононов (Ленинград). А. Н. Баскаков. Предложение в современном турецком языке 90
В. И. Асланов (Баку). Агамуса Ахундов. Азербайджан дилинин фонетикасы 92
З. И. Будагова, Дж. Джафаров (Баку). А. К. Алекперов. Лексическая семантика простых глаголов в современном азербайджанском языке 95
Х. Г. Нигматов, Н. Р. Ахматов (Бухара). Б. Бафоев. Навоий асарлари лексикасы 96
А. Шерматов (Ташкент). М. А. Мамедов. Лингвистический анализ географических названий в смешанных ареалах 98

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Ф. Ф. Алиев (Алма-Ата). «Вопросы истории формирования и развития казахского литературного языка» 100

PERSONALIA

- С. Атаниязов, М. Соегов (Ашхабад). Пигам Азимов 102
Р. К. Кунгуров, Н. Р. Раджабов (Самарканд). Улуг Ташмухаммедович Турсунов 103

ХРОНИКА

- Ю. И. Васильев (Якутск). «Языковая модальность и средства ее выражения в якутском языке» 105
К. Иманалиев (Фрунзе). «История киргизской советской литературы» 105
Ф. Исхаков (Андижан). «Сигнификативная оппозиция синтаксических конструкций по признаку утвердительность—отрицательность» 106
Э. А. Каримов (Ташкент). «Формирование и становление методологических принципов узбекской советской литературной критики» 107

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- G. F. Blagova (Moscow). On the place of inter-level phenomena in the development of Turkic language system 3

LANGUAGES IN CONTACT

- N. A. Baskakov (Moscow). On Turkic lexical borrowings in Russian 11
S. M. Khamidova (Djizak). Russian lexical units in Uzbek colloquial speech 20
M. R. Fedotov (Cheboksari). B. Munkachi on Turkic elements in Hungarian 30

PROBLEMS OF FOLKLORISTICS

- A. K. Salmin (Leningrad). Chuvash heroic fairytales 38

ONOMASTICS

- V. L. Gukasyan, A. A. Kuranyan (Baku). Azerbaijan personal names in Udine anthroponymie 45

DISCUSSIONS

- J. L. Kyzlasov (Moscow). Old-Khakass inscriptions on tombstones of the Uzun-oba barrows 51

REPORTS, SURVEYS

- D. M. Nasilov (Leningrad). To characteristics of quantitative aspectuality in Uzbek 64
T. Sh. Kadyrov (Tashkent). On three linguistic terms of the «Khulasa-ye 'Abbasi» dictionary by Mohammad Khuvayyi 71
E. G. Azerbayev (Moscow). Comparison of vocabulary of the Japan and Turkic languages connected with the names of human body parts 75

REVIEWS

A. N. Kononov (Leningrad). A. H. Баскаков. Предложение в современном турецком языке	90
V. I. Aslanov (Baku). Агамуса Ахундов. Азәрбајҹан дилинин фонетикасы	92
Z. I. Budagova, I. Jafarov (Baku). A. K. Алекперов. Лексическая семантика простых глаголов в современном азербайджанском языке	95
Kh. G. Nigmatov, N. R. Akhmatov (Bukhara) Б. Бафоев. Навоий асарлари лексикасы	96
A. Shermatov (Tashkent). M. A. Мамедов. Лингвистический анализ географических названий в смешанных ареалах	98

SCIENTIFIC LIFE

F. F. Aliyev (Alma-Ata). «Problems of formation and development history of the Kazakh literary language»	100
--	-----

PERSONALIA

S. Ataniyazov, M. Soyegov (Ashkhabad). Pigam Azimov	102
R. K. Kungurov, N. R. Radjabov (Samarkand). Ulug Tashmuhamedovich Tursunov	103

CHRONICLES

Yu. I. Vasiliyev (Yalutsk). «Linguistic modality and means of its expression in Yakut»	105
K. Imanaliyev (Frunze). «History of Kirgiz Soviet literature»	105
F. Iskhakov (Andijan). «Significative opposition of syntactic constructions on the basis of affirmation-negation»	106
E. A. Karimov (Tashkent). «Formation and development of methodological principles of Uzbek Soviet literary critics»	107

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ
ТРАНСКРИПЦИЯ НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ
ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ»**

ГЛАСНЫЕ

A a — а
Ä ä — э
E e — е
U u — у
I i — и
O o — о
Ö ö — ө
U u — у
Ü ü — ү

СОГЛАСНЫЕ

B b — б	N n — н
V v — в	ŋ — ң
G g — г	ng — н (ڭ)
G' g' — к (گ)	P p — п
Ƣ ƣ — ғ (غ)	R r — р
D d — д	S s — с
Ž ž — ж	T t — т
Ž ž — ч, дж (ج)	F f — ф
Z z — з	X x — х (خ)
Δ δ — 3 (ذ)	H h — h, x (ح, ه)
J j — j	C c — ц
Q q — ка (ق)	Č č — ч (چ)
K k — ке (ك)	θ ð — ʒ (ث)
L l — л	Š š — ш
M m — м	

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

—, : долгота
 ˘ краткость
 ~ носовой
 ' мягкость

© «Советская тюркология», 1985 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Корректоры *А. Е. Сорокина, Г. В. Жилин*

Сдано в набор 7.06.85 г. Подписано к печати 6.08.85 г. ФГ 10279. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.

Заказ 4928. Тираж 2540. Цена 1 руб. 10 к.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок.